Ю. СЕМЕНОВ

„ПРЕСС-ЦЕНТР“

(Хроника на каждый день)

Третья серия

Режиссерская разработка С. Арановича

Совместное производство
киностудии «Ленфильм» (СССР)
и киностудии «Бояна» (НРБ)

„ПРЕСС-ЦЕНТР“

(Хроника на каждый день)

Третья серия

№№ кадров	Объект	План	С.Н.Т.	Содержание кадра и текста	Музыка и шумы	Примечание
290	НДП. Комб.		Н-2	Марка «Ленфильма»		
291	»		Н-2	**Творческое объединение телевизионных фильмов**		
292	»		Н-3	ПО ЗАКАЗУ ГОСТЕЛЕРАДИО		
293	»		Н-4	**ПРЕСС-ЦЕНТР**		
				(Хроника на каждый день)		
				ТРЕТЬЯ СЕРИЯ		
294	Кв. Вернье. Пав. СССР	Кр. Ср.	С-10	На столе у Вернье стояла фотография. На ней Мари положила руку на плечо Гансу. Они улыбались. Вернье смотрел на фотографию, затем опустил глаза на лист бумаги и что-то стал вычеркивать. Зазвонил телефон. — **Да, Вернье,** — сказал он в трубку. — **Знаете, мистер По, я сейчас занят... Сколько времени вы пробудете в Париже?**		

295	Квартира и лестница Фрэнка По. Инт. СССР	Ср.	С-5	— Я живу здесь постоянно. Я аккредитован здесь. И я готов ждать, но ситуация в Гаривасе не будет никого ждать. Там пахнет жареным, мои земляки готовят хорошую баню, не считаете?		
296	Кв. Вернье Пав. СССР	Ср.	С-10	— Дайте-ка мне ваш номер... сейчас запишу, погодите... А лучше — позвоните мне сами, через пару дней, в это же время... я пока что не читал ваших публикаций, не подошлете чего-нибудь, иначе я плохо чувствую собеседника... — Я отправлю сегодня же, а еще подошлю те журналы, которые я создавал вместе с моими германскими и испанскими друзьями, только они чересчур левые, вы уж не взыщите, может, по молодости лет...		
297	»	Ср.	С-20	— Хорошо, — оборвал он разговор, — присылайте и звоните, сейчас я занят... Он скомкал листок, бросил в корзину под столом, начал писать наново. «Дорогой Ганси! Никогда мне не было так трудно, как сейчас, никогда. Ты написал мне, повторив во всем Мари: до тех пор, пока Гала с тобою, я не стану с тобой видеться и не приеду к тебе в Париж, ни за что и ни при каких условиях». Мне ужасно жить без вас. Когда вы не приняли мою		

				подругу, добрую Гала... как безумно и непонятно все произошло. Послышались шаги и голос: **— Это не дети звонили?** **— Нет, дорогая Гала, это не дети... Звонил журналист из провинциальной «Стар». Просит встречи. Я решил, что встречу с русским Степановым недурно уравновесить беседой с американцем, это угодно нынешней европейской концепции.** — Вернье улыбнулся.		
298	Кв. Вернье Пав. СССР	Ср. ПНР	С-5	**— Сварить тебе кофе?** **— Нет, дорогая.** **— Ничего не получается?** — Она кивнула на письмо. **— Мучаюсь, не получается.** **— Если что понадобится, кликни меня.** Гала ушла.		
299	Кв. Вернье Пав. СССР	Ср.	С-18	Вернье отложил ручку. **— Я могу расстаться со своей умной и доброй Гала. Я могу снова остаться один — смешно требовать от Мари или тебя, чтобы вы поселились со мной в Париже, мерили мне давление, готовили еду, ездили по моим поручениям в библиотеки, на биржи, в досье банков... Ты хочешь этого? Ты берешься поставить крест на своей жизни? Посвятить ее мне? Конечно, нет. Как же тогда быть?** — Он вздохнул. — **И я не имею**		

				права писать про то, как твоя мать любит другого, а до этого любила другого другого, и хранила слащавые пустые письма вместе с их портретами. Вернье не стал ничего писать, поправил фотографию, стал быстро набирать на телефонном диске номер. — Это Вернье, могу говорить с мистером...		
300	Квартира и лестница Фрэнка По. Инт. СССР	Ср.	С-3	— Это я, Фрэнк. Сижу и вырезаю мои публикации, такая преснятина, даже стыдно посылать такому мэтру, как вы.		
301	Кв. Вернье Пав. СССР	Ср.	С-5	— И не посылайте... вы где живете? — На Рю Лемуан, а что? — Да ничего, просто я сейчас иду гулять, и мог бы с вами увидеться где-нибудь в кафе... Угощу вас похлебкой и стаканом пива...		
302	Квартира и лестница Фрэнка По. Инт. СССР	Ср.	С-4	— Вы так добры, месье Вернье, скажите, куда мне подойти, мне стыдно приглашать вас в мой бедлам, назовите адрес, я — бегу.		
303	Аэропорт Орли. Нат. Франция	Общ. Ср.	С-18	В аэропорту Орли Степанов купил в почтовом киоске бумагу, конверт и открыл записную книжку.		

304	Дача Степанова. Инт. СССР	Ср.	С-8	Степанов: Я думал тогда о чем угодно, только не о том к чему пришел, на старости лет мы часто приходим к решению загадки окольным путем. Чем больше живешь — тем больше накапливаешь ошибок. Пытаешься их учитывать, но... увы... Так или иначе, я нашел в книжке адрес своего коллеги в Америке, Харрисон Болс, 67 улица, отель Плаза. Нью-Йорк, США. И стал писать письмо.		
305	Аэропорт Орли. Нат. Франция	Общ. Ср.	С-22	— Дорогой Харрисон, привет тебе из Орли. Я тут был по своим делам, но судьба нашего с тобой коллеги Стоянова (если ты бывал в Пресс-центре Шенеф, мог с ним встречаться, говорят, славный парень) понудила меня присмотреться к делу Леопольдо Грацио самым внимательным образом и, как только я стал этим заниматься, всплыла фамилия Барри Дигона. Если ты не разгласишь строжайший секрет, помоги мне понять, порасспроси своих коллег в «Нйю-Йорк Таймс» — почему ваши люди столь недвусмысленно пристегивают именно Дигона к узлу Гариваса. Кто из его конкурентов заинтересован в том, чтобы кивать именно на него, а не на Рокфеллеров, как это по традиции делается. Как и ты я не очень-то люблю, когда мне навязывают точку зрения, «во всем мне хочется дой-		

				ти до самой сути», это писал Пастернак. Напиши мне в Пресс-центр в Шенеф. Раздался телефонный звонок.
306	Дача Степанова. Инт. СССР Зима	Ср.	С-7	Степанов говорил по телефону. **— Да, уважаемый доктор, совершенно верно — Стоянов меня не знает... мне нужно говорить с самим Стояновым... понимаю... да... понимаю... хорошо... назначьте срок, я буду звонить уже ему домой. Да, я записал домашний телефон. Пожелайте Стоянову скорейшего выздоровления, а вам благополучия. До свидания.**
307	»	Кр.	С-3	В окно заглянул Шанев и постучал в стекло. **— Дмитрий, выходи.** Степанов надел куртку, шапку и вышел из дома.
308	Дача Степанова и ул. поселка Нат. Зима СССР	Общ.	С-27	**— Постучи мне,** — сказал Шанев, отмеряя шагами размеры воображаемых ворот. — **В армии я любил две вещи: дежурить на кухне и играть в футбол. Постучи!** — он бросил Степанову мяч. Степанов пробежал с мячом по двору и вдруг неожиданно ударил по воротам. Шанев пропустил гол. Собака взвизгнула и помчалась за мячом. **— Чего бьешь без предупреждения? Гол считать не буду. Теперь становись ты!**

Степанов занял место в воротах. Шанев резко поводил мячом вокруг Степанова и установил его на позицию. На левой ноге у него был надет кирзовый сапог, на правой — кед.

— **Просто удача, при дележке кед достался на праву ногу,** — сказал он, разбежался и со словами: **«Держись, Дмитрий!»** — ударил по воротам, мяч пролетел мимо.

— **Мазила!** — послышался женский голос.

Шанев и Степанов повернулись.

У ворот стояла Нинка. В руках она держала кирзовый сапог на правую ногу.

...Огромные внимательные птицы... — забормотал, улыбаясь, Степанов и вошел в дом.

309	Дача Степанова Инт. СССР СССР	Ср. Общ.	С-30	Через окно он видел, как Нинка надвигалась на Шанева, а Шанев, постукивая мячом о землю — отступал. Нинка приблизилась вплотную, размахнулась и ударила Шанева кирзовым сапогом по голове. Шанев что-то закричал, схватил сапог и засеменил за женой. Они скрылись. Через секунду они опять появились в пространстве окна. Нинка опять наступала на Шанева. Цветик подпрыгивал и вился вокруг них. Степанов сел к столу, достал чистый лист и стал заправлять его в машинку. **...Каждая чистая страница — это неизвестность; мало ли какая формула будет на ней на-**

				чертана?! В последнее время, к слову ты стал относиться с определенного рода страхом... прежде всего дело, факт, опыт; слово вторично? А не слово ли рождает факт, дело?! Разминка мыслей... Я правильно тогда сделал, что написал Харрисону и позвонил Бреннеру.
310	Аэропорт Орли. Нат. Франция	Ср.	С-15	Степанов разменял у бармена сто франков на жетоны и позвонил Бреннеру. — Здравствуйте, Бреннер. Говорит Степанов, я улетаю в Шенеф, звоню из аэропорта. Два слова. Может, зря придумываем сюжет. Дигон, Дигон. Слишком много говорят о Дигоне. Может, он и есть прикрытие? Может, существует другое, не менее заинтересованное лицо? Такое возможно? — Все возможно в этом самом странном изо всех миров,— ответил Бреннер. Бреннер положил трубку и прошел в комнату Мишель. — Мой любимый, ты еще не совсем собран,— бросила на ходу Мишель, пробегая мимо мужа. — Ты знаешь, Мишель, мне сегодня совсем не хочется встречаться ни с Бернаром, ни с Мадлен, не хочется целый вечер молоть ерунду... Давай побудем дома. — Мы же договорились...— начала она изумленно, но раздался телефонный звонок.
311	Кв. Бреннера. Пав. СССР	Ср. ПНР	С-9	

312	»		Ср.	С-9	Бреннер взял трубку. — Добрый вечер, это Франсуа. Знаешь, я бы приехал к вам с моей невестой, с Лолой, мы женимся, она, оказывается, прекрасно знает Мишель, учились в одном колледже. – Мишель, — крикнул Бреннер, — к нам едут Франсуа с Лолой, твоей подругой. Все решилось само собой. — Если эта лупоглазая сволочь приедет сюда, — очень спокойно, только закаменев лицом, ответила Мишель, — я уйду из дома. Бреннер зажал трубку ладонью. — В чем дело, Мишель? Франсуа на ней женится, он ее любит, я не могу отказать другу, он ведь и тебя любит, как сестру.	
313	»		Ср.	С-30	— Я сказала, — так же спокойно ответила Мишель, — если он привезет эту шлюху, которая считала себя самой гениальной в классе и пялила на всех свои голубые блюдца, воображая себя неотразимой, я уйду из дома, можешь принимать их сам. — Давайте, ребята, Мишель вас ждет, — крикнул Бреннер в телефон и положил трубку. — Ну, что с тобой? — спросил он. — Нельзя же так, родная... если ты не любишь ее, то не будь жестокой к Франсуа. — А ты не будь жестоким ко мне.	

— Но почему?! — закричал он. — Объясни мне, отчего такое упрямство?! Она предала? Увела любимого? Отравила папу?

— Нет, я просто не могу видеть ее и все тут. Когда мне можно вернуться домой? Сколько времени ты намерен сюсюкаться с ними?

— Мишель, ну, зачем ты так? В конце концов, отнесись к этому визиту как к нужному! Франсуа дает мне работу, за которую хорошо платят, на эти деньги я содержу тебя так, как ты к этому привыкла!

— Не смей меня упрекать!

— Я не упрекаю, просто пытаюсь объяснить, почему этот визит нельзя отменить!

Мишель вышла в прихожую, схватила плащ. Бреннер выхватил его и сказал:

— Я встречу Франсуа возле подъезда.

314	Ул. у дома Бреннера Нат. Франция	Ср. ПНР	С-40	Бреннер в ярости ходил по улице, ожидая, когда подъедет Франсуа, тот выскочил из машины радостный: — Познакомься с моей Лолой, в наш самый счастливый день мы решили приехать к Мишель и тебе. Лола держала в руках огромный букет роз. — Мишель была самой красивой и умной в классе, — сказала она, — я перед ней преклонялась, да разве я одна? Все, все без исключения!

315	Квартира Бреннера Пав. СССР	Общ. Ср.	С-15	Бреннер, ощущая в себе ненависть, начал унижено лгать: — Мишель ждет врача, подскочила температура, ужасный озноб, как бы не корь, сейчас, говорят, идет инфекция, она боится вас заразить, просила поцеловать Лолу. — Я привезу врача, — сказала Лола, — мой друг Патрик, ты же его знаешь, Франсуа, лучший специалист по инфекционным заболеваниям. — Нет-нет, — пугаясь, ответил Бреннер, — Спасибо, я уже пригласил врача, перезвонимся позже, я обязательно свяжусь с вами, друзья, поздравляю тебя, Франсуа, я рад, что у тебя такая красивая и добрая подруга, Мишель обожает Лолу, говорила о ней так много хорошего... — Бреннер схватил руку Лолы, поцеловал и торопливо закончил:—Мишель от вас просто без ума. Бреннер вернулся домой. — Ты удовлетворена? — спросил он. — Я не пустил их. — Ах, какое мужество,— сказала Мишель.— Не пустить в семейный дом грязную шлюху! Но она говорила о тебе так, как могут говорить только про друга. — Ну, конечно, тебе ведь всегда нравились голубоглазые блондинки.

				— **Ты сошла с ума?** — **Ты мерзавец!** — сказала Мишель. Мишель так хлопнула дверью, что посыпалась штукатурка.
316	Ресторан в Париже. **Интерьер. Франция**	Общ. Ср.	С-10	Бернар и Мадлен пришли в ресторан со своим другом, профессором математики Клодом Гиго. Мишель с обостренным интересом всматривалась в его рубленное, сильное лицо и завороженно слушала математика.
317	»	Ср.	С-20	— **В подоплеке любого мирового открытия, которое определяет философию века, лежит случай, то есть судьба. Яблоко, упавшее на землю, позволило Ньютону сформулировать свою идею, а уж из нее родилось динамическое миропонимание, ставшее альфой и омегой структуры западного духа... Великая идея, властно желающая подтолкнуть мир в том направлении, каким он видится гению, рождает другую великую идею. Именно Ньютон породил Эйнштейна, а Эйнштейн, сформулировав теорию относительности, в которой прошлое может быть будущим и наоборот, самим фактом открытия родил своего врага, который, быть может, еще и не родился даже! Все, что начато — обречено на смерть. Телесное зачатие есть первый акт в той траге-**

				дии, которую называют жизнью. Я назвал ребенка, я дал ему имя, значит я получил над ним власть. Маги древности могли ниспослать смерть лишь после того, как получали имя того, кого надо извести; вне и без слова они были бессильны. Через слово выражается знание, а именно знание есть высшее проявление власти, в ее имперском, безграничном, тираническом выражении...	
318	»	Ср.	С-7	Мишель слушала Гиго, не отводя глаз. Он, казалось, не замечал ее, Бернар склонился к ней и шепнул: — **Бойся этого математического Казанову.** — **Он очень талантлив?** — так же шепотом спросила Мишель, хотя в ее вопросе было больше утверждения. Бернар пожал плечами: — **Ничего не открыл, но говорит красиво.**	
319	»	Ср.	С-20	Гиго, не обращая внимания на то, что за столом шептались, продолжал, упершись тяжелым взглядом в надбровье Мишель: — **Математика любит тайну. Она не разгадывает ее, но лишь создает все новые и новые тайны. Именно поэтому философия так боится нас, именно потому-то философия родилась из чувства страха перед недоступным разуму смертных.**	

Ныне философы стремятся поставить знаки равенства между понятиями «число» и «время». Это наивно. Урок рисования в школе не есть акт живописи. На вопрос «когда»? нельзя ответить, ибо мы все подданные этого слова. Лишь мы, математики, вправе ответить на вопрос «что». До тех пор, пока каждый человек на земле не научился отвечать самому себе на этот вопрос, мир будет несчастным, неудовлетворенным, мятущимся. Надо просчитывать отношения с любимым, отвергнутым, тем, к кому ты испытываешь нежность и, наоборот, к тому, кто неприятен тебе, раздражает, делая существованием маленьким и от того скучным...

Сказав последнюю фразу, Гиго перевел, наконец, свой тяжелый взгляд с надбровий Мишель на ее глаза и замолчал. Он не произнес ни слова до конца вечера, только неотрывно смотрел на нее и много пил.

320	»	Общ. Ср.	С-8	Когда одевались в гардеробе, сказал так, как будто это было решено заранее: **— В вас слишком много грусти и вам не хочется домой. Я провожу вас.**
321	Аэропорт в Гаривасе. Режим. НРБ	Общ. Ср. Общ.	С 125	Сенатор Эдвардс прилетел в Гаривас на рейсе «Эр Франс», от пресс-конференции отказался, хотя в аэропорту его ждало более сорока журналистов:

				— Пока еще не о чем беседовать, друзья, я прилетел с частным визитом, — улыбнулся сенатор. — О том, какой вкус у манго, говорят после того, как его отведают.		
322	Загородная резиденция Санчеса. Нат. НРБ	Ср. Общ. с движ.	С-15	Поздно ночью машина сенатора подъехала к загородной резиденции правительства. Эдвардса встречали Санчес и майор Карденас. Карденас открыл дверь. Санчес и Эдвардс обменялись рукопожатиями, а потом неожиданно для самих себя обнялись, похлопали друг друга по спинам. — По-моему, мы знакомы более четырех лет,— сказал Эдвардс, — я помню ваш визит ко мне в Вашингтоне... — Да, четыре года... это было после окончания университета. Я возвращался из Бонна. — Ну, что, пахнет порохом? Санчес кивнул.		
323	»	Ср. ППР	С-80	— Я знаю... меня восхищает ваше спокойствие в создавшейся ситуации. Прежде, чем я задам ряд вопросов, связанных с экономическими проблемами, я хотел бы выяснить главное... В случае, если ваш энергопроект окажется заблокированным и финансы, таким образом, полетят к чертовой матери, возникнет кризисная ситуа-		

ция, вы намерены пустить сюда кубинцев или русских взамен за их экономическую поддержку?

— Если мы окажемся в безвыходном положении, и все откажут нам в помощи, мы вынуждены будем принять помощь марсиан, не то, что кубинцев.

— Полковник, я имею в виду их военное присутствие.

— С правыми ультра мы справимся, но американский флот нам не по силам, сами понимаете.

— Я пока не имею данных о такого рода выходе из кризиса.

— Мы помним Гватемалу и Санто-Доминго.

— Это говорил Маркс: история повторяется дважды: один раз в виде трагедии, другой раз в виде фарса.

— Жизнь вносит коррективы,— заметил Санчес.— Сначала была трагедия в Гватемале, а потом в Доминиканской республике; не фарс и Чили...

— Нет, — Эдвардс покачал головой. — Нет и еще раз нет. Как правило, Белый дом оказывается втянутым в ситуацию...

— Кто же говорит в таком случае «а»?

— Те, кто заинтересован в кризисе. Те из наших финансистов, кому вы и Грацио наступили на мозоль... А бедной администрации потом ни-

чего не остается делать, как покрыть случившееся.

— У нас есть основания предполагать, что Белый дом уже давно готов покрыть то, что готовится в Гаривасе,— усмехнулся Санчес.

— Основания? — Эдвардс недовольно поморщился.— Мы с вами люди одной профессии, полковник... Дайте мне факты.

— Хорошо, фактов нет, но я могу заверить вас, что правительство пока не обсуждало возможность заключения военного союза ни с Гаваной, ни с Москвой. Если же мы получим заверения вашего правительства в том, что нам не будут мешать в реализации нашего энергопроекта, то кризис, очевидно, будет погашен.

— Тут дело не в правительстве, полковник... У меня создается впечатление, что Вашингтон намеренно подталкивает нас к повороту на Восток, чтобы иметь развязанными руки. Не находите?

— С точки зрения формальной логики, я не могу не согласиться с вами, но я требую фактов... Я готов оказать вам посильное содействие в контактах с Японией, это был бы оптимальный, полагаю, вариант выхода из сложившейся ситуации...

— А почему не Бони?

Эдвардс вздохнул:

— Какая разница, Италия или Федеративная Республика? И та и другая — в Европе... Я согласен с вами: гибель Грацио слишком уж была угодна вашим противникам, чтобы считать ее самоубийством. У нас довольно сильны сейчас те группы, которые весьма ревниво относятся к «западно-европейской» тенденции экономической модели... Впрочем, политической тоже — в первую голову я имею в виду контакты Европы с Кремлем... Бонн вряд ли займет открытую позицию в нынешних условиях. Они будут ждать. Токио может пойти на то, чтобы сразу же войти в ваш энергопроект...

— Мы были бы глубоко вам признательны, сенатор, найди вы возможность оказать нам содействие...

— Я приложу все силы — вы даете мне возможность выступить в Вашингтоне перед прессой и сказать о вашей позиции в отношении военного присутствия русских и кубинцев?

— Бесспорно...

324	Загородная резиденция. Санчеса. Режим. Нат. НРБ	Ср. с движ.	С-20	Они шли по берегу. Рядом плескалась вода. За редким кустарником были видны огни костров; слышался смех солдат из охраны. — И вот что, полковник, сообщения о разногласиях в вашем правительстве соответствуют действительности?		Тележка, рельсы

Санчес достал сигареты, протянул сенатору, закурил сам, ответил нехотя:

— **Я бы считал недостойным ни себя, ни вас... лгать... поэтому я отвечу вашим же вопросом: у вас есть факты?**

— Эдвардс засмеялся:

— **Но тем, кому не нравится эксперимент, проводимый в Гаривасе, угоден разброд в правительстве?**

— **Я отношу себя к тем, кто чтит корректность в политике. Обещаю вам использовать свое влияние на администрацию, чтобы удержать наши горячие головы от неразумной активности.**

325	Кв. Шора. Пав. СССР	Ср.	С-40	Шор лежал в постели и листал газеты. — **Пугают друг друга, пугают...**— бормотал он, разворачивая страницы. Раздался звонок. — **Не иначе, как Папиньон, активен, словно матодор первого поля,**— сказал он и снял трубку. — **Шор!** — рявкнул он. — **Месье Соломон Шор?** Голос был низкий, властный, раскатистый. — **Да.** — **Извините за поздний звонок... Вы уже спали?** — **Засыпал. Кто говорит?**

— Я из «Союза лиц, подвергшихся рассовой дискриминации», месье Шор. Моя фамилия Зеккер. Я имею кое-какие новости, связанные с судьбой вашего брата Эриха.

Шор резко поднялся в кровати, почувствовав, как глухо застучало сердце.

— Я вас слушаю!

— Все не так просто, месье Шор! У меня практически нет времени, приехал всего на два дня: но я готов увидеться с вами завтра, до работы, скажем, в восем? Могли бы выпить кофе, я остановился в «Цур голден пост»...

— Хорошо, я приеду в восемь, месье Зеккер... На всякий случай, пожалуйста, оставьте ваш телефон.

— Сейчас, надену очки... они пишут такие маленькие цифры на аппарате, что без... так, тридцать семь, семнадцать, сорок четыре... Записали?

— Запомнил. Вы остановились в номере на втором этаже, над входом в ресторан?

— Совершенно верно.

— Завтра я буду сидеть за первым столиком возле двери, в сером костюме...

— Месье Шор, я видел ваши фотографии в газетах, я вас узнаю, спокойной ночи.

— И вам хорошего сна...

326	»	Ср. Кр.	С-11	Шор включил ночник, забросил руку за голову, правой сжал сигарету, словно бы хотел ее расплющить. **«...Эрих был старшим, ему было шестнадцать в сорок четвертом, и он жил в немецком Базеле: родители развелись, он с мамой остался в Германии, я и отец уехали в Берн, здесь были знакомые, которые определили меня в хорошую школу, когда отец договорился о квартире для мамы и брата, немцы закрыли границу, маму угнали в Равенсбрюк, а потом в Освенцим и сожгли в печке, Эриха прятали знакомые, а в декабре сорок четвертого он исчез. После войны отец искал его по всему миру, до дня своей смерти, завещал поиск мне, и вот этот ночной звонок, так здесь не звонят, что-то не то...»**		
327	»	Ср.	С-25	Шор снова включил ночник, набрал номер дежурного по управлению: **– Дежурный по управлению слушает»** — раздалось в трубке. **— Шарль? Это я, прости, что так поздно тебя тревожу. Не сочти за труд установить, причем, сразу же, но тактично, без шума, когда в «Цур Голден пост» остановился некий господин Зеккер. Откуда он прибыл, один ли, ну и все остальное, что удастся выяснить.**		

— Хорошо, инспектор... Если будет что-то интересное, будить или доложить утром?

— Обязательно буди... Впрочем, вряд ли я усну.

— Вы прекрасно говорили с журналистами.

— Спасибо.

— Я позвоню, Соломон.

Шор положил трубку, поднялся, накинул халат, вышел в кухню, достал из холодильника банку пива, открыл ее, выпил одним махом и подумал снова: **«Это — неспроста, я пока еще не могу понять в чем дело, но это неспроста».**

328 » Ср. ПНР С-30

Он пошел в свой маленький кабинет, включил свет, присел к столу, вытащил из ящика фотографию Эриха: «Отчего—подумал он, у всех еврейских детей, рожденных в бедных семьях, такие жалостливые, тонкие шеи? Я помню, как отец впервые повел нас в театр. Смотреть «Синюю птицу». Мы с Эрихом сидели на галерке, замерев от счастья, взяв друг друга за руки, потом долго мечтали, что и к нам прилетит добрая фея, и жизнь наша сделается радостной, как у этих бедных детей дровосека...»

«Только дети умеют играть в чужое счастье,— подумал Шор. — Только они умеют верить, что вся галька на берегу моря — драгоценные кам-

ни... Лишь в детстве бывает такое чудо, когда мир кажется лишь таким, каким его чувствуешь и в какой веришь... Никто не будет несчастным, если мы будем добры. Никто не умрет, если мы сможем не забыть... Папа верно говорил, что надо быть в мыслях героем, чтобы в жизни не сделаться подлецом... Почему я вспомнил эти папины слова? Наверное, от того, что убежден: звонок этого человека не связан с памятью Эриха... это связано с делом Грацио... А если я ошибусь, мне надо уходить из криминальной полиции, я наломаю дров, осужу невинного или сяду за один стол с насильником и грабителем...»

329 » Ср. ПНР Ср. С-35

Он вернулся на кухню, достал из холодильника три яйца и включил электрическую плиту, не мог спать, если испытывал хоть самое легкое ощущение голода; снотворное принимать боялся, очень следил за здоровьем, больше всего страшился осенних простуд, осенью и весною кутался, как глубокий старик.

— «Я ощущаю себя сейчас, — подумал он,— как преступник, за которым следит мой Папиньон и его бригада. Он меняет квартиры, прячется, только бы уйти от постоянного, изматывающего душу наблюдения... А почему я так себя

чувствую? Я сижу в своем доме, пью пиво, сейчас стану есть яичницу на оливковом масле, я посыпаю ее сверху тертым сыром и, видимо, возьму батон и масло, отчего такое ощущение? Может быть, просто-напросто одиночество? Но я привык к нему, и не хочу ничего другого... Или начался климакс? Говорят, у некоторых мужчин он проходит очень тяжело... Нет, скорее всего этот звонок сомкнулся с тремя вопросами на пресс-конференции... мне задавали очень хитрые вопросы эти три человека, кажется, первый был марроканцем, второй из Уругвая, а третий англичанин... Эти вопросы могли задавать либо провидцы, либо люди, которые знают о моем деле столько же, сколько я, либо, наконец, эти вопросы им передали профессионалы накануне встречи со мной... **Точно, они были подготовлены!**

Шор вздрогнул, потому что зазвонил телефон.

Он снял трубку, но в трубке было глухое молчание: звонок продолжался: **«Вот дурень,** — закричал он, — **я же отключил здесь аппарат».** Он побежал в спальню, схватил трубку:

— **Шарль, это вы?**

— **Берите ручку, инспектор, я кое-что выяснил...**

330	Квартира Бреннера. Пав. СССР	Общ. Ср.	С-7	Своим ключом Мишель открыла дверь, вошла в квартиру и сняла плащ. Она увидела спину Бреннера. Он сидел спиной за письменным столом.

— **Я звонил в полицию,** — сказал он, не поворачивая головы.

— **Покойников отправляют в морг,** — сказала Мишель и прошла в спальню

331 » Ср. С-40

Бреннер долго сидел над бумагами, силился читать их, но на полях одно и то же слово: «все», «все», «все», «все»...

Из ванной послышался шум воды.

— **А что она может без меня?** — подумал он.— **Ей кажется, что она все рассчитывает, но я-то знаю, что это не так. Она погибнет, а я ведь люблю ее.**

Он подошел к спальне, открыл дверь. Мишель уже лежала в постели. Бреннер остановился на пороге и сказал:

— **Император Каллигула любил наблюдать казнь; таинственный миг насильственного перехода в небытие, однажды, он спросил приговоренного римлянина за мгновение перед тем, как должен был свершиться последний акт трагедии, что тот ощущает и о чем думает. Римлянин ответил: «Я хочу напрячь все силы, чтобы уловить в течение краткого мгновения смерти, произойдет ли какое-нибудь движение в моей душе и ощутит ли она свой уход из тела». Император рассмеялся: «Зачем тебе это? Ты же погружаешься в безмолвие!». Осужденный сказал: «Нет, обо всем, что я подмечу, я по возможности**

сообщу моим друзьям, правда, это случится несколько позже».

Мишель испуганно открыла глаза:

— Ты хочешь меня убить?

— Мишель, видимо, нам стоит разойтись. Когда ты сможешь заняться этим делом?

— Когда? — она усмехнулась. — Хоть сегодня... Только это плохой вопрос «когда», мой милый... ты бы сначала постарался ответить на другой вопрос, самый честный: а что лежит в подоплеке твоего желания развестись? Что?

— Увлеклась философией? Ну, ну... Я хочу улететь... Гаривас, видимо, для меня сейчас самое подходящее место, — Брешер криво усмехнулся. — Я улечу дня через два, у тебя есть пара недель для того, чтобы ответить на мой плохой вопрос. А я, чуть позже, отвечу на столь необходимое «что». Договорились?

332	Гриль-бар. Инт. Утро. Швейцария	Общ. ПНР Ср.	С-25	Зеккер поднялся навстречу Шору, разбросил тонкие руки, дружески обнял, подвел к столу, где уже был накрыт завтрак на две персоны: — Милый Соломон, позволь мне так называть тебя, я не хотел вчера говорить по телефону, здесь живут еще мерзавцы, которые были с Гитлером и симпатизировали ему, потому что все здешние банкиры — швицы, а никакие не евреи, уверяю тебя, твой телефон прослушивается, нигде в мире, никогда и никто нам по-настоящему

не верит, я заказал яйца по-венски, сок и хороший сыр, хочешь чего-нибудь еще? Я не стал тебе говорить главное, я хочу обо всем тебя информировать сейчас, как, кстати, твое коронное дело с итальянцем? Бесспорно, это — загадка века, убежден, многие из твоих коллег мечтают заполучить его в свои руки, можно крупно подзаработать, уж поверь мне! Да, ты не взял фотографию Эриха? У нас только две, те самые, что в свое время прислал твой папа...

333 » Ср. С-8 Шор выпил стакан холодной воды, достал сигарету и продолжал слушать тараторившего без умолку Зеккера, медленно, сладостно затянулся, долго размахивая спичкой, наблюдая, как пламя ее мечется в воздухе, он понял то, что ему нужно было понять и перебил:

— Господин Зеккер, последний раз я пил на брудершафт семь лет назад с марсельской проституткой. Сколько помню, я не видел вас ни разу, так что не церемоньтесь со мною и называйте по-свойски, «Инспектор Шор». Завтракать я не намерен, утром пью только кофе, я крайне занят, и приехал лишь потому, что вы сказали, будто имеете информацию про Эриха. Слушаю вас внимательно.

334 » Ср. С-45 Зеккер словно бы проснулся, но так было мгновение:

— Ах, Соломон, ну, перестаньте, мы братья по крови, а что есть выше этого братства, не надо же, право, выпускать колючки, словно ежик, у моей внучки он живет под кроватью, чудное существо с жестокими глазами, разве можно запретить крохе?! По поводу Эриха я имею информацию, вот она, — он достал из кармана конверт, положил его на стол, оглянулся по сторонам, — пожалуйста, уберите в карман, я чувствую себя затравленным с тех пор, как смог вырваться от Гитлера, я всюду боюсь всего... Ты... вы... думаете, нам легко работать? Это только кажется, что нам сочувствуют, на самом деле все были бы рады, сожги нас всех ефрейтор в бараках! Так вот тот человек, адрес которого мне удалось достать, и не думайте, что это было легко, не нацист, хотя, кажется, им симпатизировал, и у него есть уникальные материалы по еврейскому вопросу в Рейхе, можно найти следы к Эриху, этот тип швейцарец, но тебе... вам будет довольно сложно говорить с ним, он вас не любит, живет в Базеле, ему семьдесят семь, Вольф Цорр, ты прочитаешь о нем все в этом конвертике, торопись, пока он не умер, если надо — нажми... нажмите как следует, не мне вас учить, но есть еще один господин, однако подойти к нему почти невозможно, он хочет встретиться с вами, Соломон, и открыть что-то, назвать

				имена тех, кто знал, куда угнали евреев из немецкого Базеля, но он хочет быть уверенным, что вы введете его в курс дела с итальянцем, объясните ему истинную ситуацию, а не так, как говорите прессе. Он связан с Барри Дигоном, он пытался помочь его несчастному брату Самуэлю, но того убили наци, и его самого тоже чуть не убили. Тот господин хочет узнать всю правду, он понимает, что ты... что вы не можете говорить открыто, но он наш, у него болит сердце за всех, он готов на все, он будет содействовать вам в поисках брата, его имя... нет, сначала я должен понять, согласны ли вы продолжать поиск несчастного Эриха и для этого... Словом, что ему передать?
335	»	Ср.	С-3	Шор поднялся, громко высморкался и сказал: — **Киш мир ин тухес, менш, унд зай гезунд!**
336	Кабинет директора ЦРУ. Пав. СССР	Ср. ПНР	С-20	Директор четко диктовал шифрограмму: **Резидентуре Гариваса, Панамы, Далласа, Милана.** **Шифром директора.** **Тем, кого это касается.** **Строго секретно.** **Представляется целесообразным сбор материалов на членов кабинета министров Гариваса — майора Лопеса, Энрике Прадо, Хухению Кристобаль, а также на сотрудников аппарата прези-**

дента: Гуттиераса (связь с прессой) и Родригеса (адъютант по ВМФ). Цель? — не комментируется.

Что интересует в первую очередь? — Связи, скрываемые от семьи, друзей в правительстве, финансовые операции, прошлое, тайные пристрастия.

Финансирование? Все траты представляются разумными в случае, если предлагаемый материал того стоит. Отчет о работе отправить в мой адрес по моему шифру. Все. Теперь пригласите ко мне Джеймса Боу, я назначил ему встречу.

Помощник вышел.

337 Кабинет директора. Пав. СССР | Ср. Общ. Ср. | С-35

Наконец, я могу обнять этого толстого, вечно потного техасца, — директор с распростертыми объятиями пошел навстречу Боу. — Старого и верного друга, боксера, шерифа, репортера, адвоката.

Он потискал Джеймса и усадил его в кресло.

— Старина, дело, которое надо сделать, я могу поручить только тебе одному... И знаешь почему? Не только потому, что ты тертый, а значит, умный, в этом здании таких много, не только потому, что я тебе бесконечно верю, здесь тоже есть такие люди, и это достойные люди... Дело в том, что ты не состоишь в нашей проклятой бюрократической структуре, ты не должен писать бумажки, нести их одному из моих

заместителей, опасаясь ревности другого. Дело чрезвычайно, Джеймс, ты хорошо обкатался в Голливуде, истинный разведчик обязательно должен быть хорошим актером, у гениев разведки — это врожденное, у тебя — благоприобретенное... Вот, прочитай, шифротелеграмму, которая ушла в наши резидентуры... Я познакомлю тебя с первыми откликами, наверняка придет масса муры, тот, мол, насиловал несовершеннолетних, продавал наркотики... и т. д. Твоя задача будет заключаться в том, чтобы отделить злаки от плевел и придумать сценарий на каждого из пяти перечисленных в телеграмме людей... Ты сначала придумай сценарий на каждого, исходя из тех материалов, — директор кивнул на пять папок, что лежали на столе, — которые я уже имею... Психологический портрет можно нарисовать, какой-никакой, но все же нечто близкое к оригиналу... Я дам тебе послушать. Здесь, в этом видеомагнитофоне их выступления с трибун, поведение на приемах и даже в семейном кругу... Посмотришь также съемки их друзей и близких... Исходя из всего этого ты и начнешь фантазировать, кого и на чем легче взять... причем исходя из того, что брать придется не кому-нибудь, а именно тебе...

338 » Ср. С-15 — Эта работа займет все мое время... Закрыть контору в Голливуде? Или — как?

— Закрывать контору нет смысла, старый, толстый хитрец... Я скажу тебе позже, какие акции стоит приобрести на биржах Цюриха, Женевы, Парижа и Франкфурта... Вложишь миллион, я гарантирую выигрыш пятью процентами... Так или эдак, но заработаешь славно.

Джеймс Боу вытер пот, катившийся по его огромному лицу, мятым платком, поинтересовался:

— Что, в Гаривасе, действительно, пахнет порохом, как об этом пишут в газетах?

Директор улыбнулся:

— Не хитри, Джеймс, тебе прекрасно известно, что все это пропаганда, просто, твой друг,— он ткнул себя пальцем в грудь, — не любит, когда его считают глупее, чем он есть на самом деле...

339	Кабинет Вэлша. Пав. СССР	Ср.	С-20	В кабинете Вэлша помощник читал шифротелеграмму: — Майклу Вэлшу. Строго конфиденциально. Из абсолютно надежных источников получена информация о том, что Мари Кровс может иметь сведения об определенном интересе банковской группы Дигона в Гаривасе. Как считают, отец Кровс — Вернье обладает ценными сведениями, связанными с деятельностью корпорации Дигона в Европе. Можно предположить, что в сферу ин-

				терсов Кровс попадет русский журналист Степанов. **Джон Хоф. (17 часов 09 минут).** — **Ответьте следующее.** — Вэлш стал диктовать. — **Джону Хофу. Продумайте, каким способом можно дезавуировать возможные выступления М. Кровс и ее русского контакта Степанова в плане компроментации Барри Дигона. Продумайте также возможность компроментации Кровс и Степанова. Какие у вас есть подходы к Вернье? Майкл Вэлш.** Вэлш достал банку с витаминами, протянул помощнику и принял сам. — **Поеду, отдохну,** — сказал он и вышел из кабинета.		
340	Автобан. День. Осень. Нат. НРБ	Общ. с движ.	Н-15	Вэлш проехал пригороды Вашингтона, съехал с главной дороги и остановил машину.		Опер. маш.
341	»	Ср. Общ.	Н-15	Дальше он пошел пешком. Его обогнал фаэтон. Две женщины, убаюканные цокотом копыт, откинув головы на мягкое сиденье, ехали в нем с закрытыми глазами.		
342	»	Ср.	Н-10	За поворотом Вэлша ждал Дэвид Ролл. Он издали увидел Майкла, хлопнул дверцей своей машины и пошел навстречу. Они пошли вместе.		Тележка, рельсы

343	»	Ср. с движ.	С-30	— Помните, Майкл, когда вы мне рассказали о своей первой встрече с Дигоном, я тогда сказал: начинайте дело, Майкл, пусть майор Лопес пообещает Дигону цену на какао в тысячу долларов вместо двух с половиной, которую Санчесу гарантировал Грацио, пусть себе. У меня есть молодой капитан, который национализирует все плантации, купленные через подставных лиц Лопесом, и назначит цену в восемьсот долларов. Он же заодно обратится к нам с просьбой о помощи: «Не могу удержать толпу, возможен инцидент с посольством, пришлите морскую пехоту для эвакуации вашего персонала». А там, где появится морская пехота, будет порядок, и это — в нашу пользу. — Ролл, но я вам тогда говорил и сейчас говорю: уважаемый президент наблюдательного совета «Ролл Бэнкинг Корпорейшн», Дигон не простит мне этого. — Хуже, если я вам чего-то не прощу. Как-никак, наша дружба и деловое сотрудничество подтверждено годами, Майкл, а мы умеем защищать друзей. Вэлш устало улыбнулся: — Кажется то время, когда вам надо защищать меня пришло: в Европе случилась утечка информации, там узнали об активности Дигона в Гаривасе...

344	»	Ср.	С-40	Реакция Ролла была неожиданной. — Так это ж замечательно, — Ролл пожал плечами, — я бы на вашем месте дал этой информации еще больше простора... нас с вами это устраивает... ведь пока еще не болтают о том, что вы, именно вы, состоите в блоке с Дигоном? — Пока нет, но... — Что «но»? — Если об этом узнают — скандал будет неуправляемым. Ролл потер лицо, потом махнул рукой: — Ладно, Майкл... это не по правилам, то, что я сейчас делаю, но мне жаль вас... поэтому я вынужден открыть вам одну из моих карт... Это наши люди организовали утечку информации о Дигоне, понимаете? — Нет, — Вэлш ответил изумленно, нахмурился, лоб собрало резкими морщинами. — Не понимаю. — Все очень просто. Мои планировщики составили достаточно крепкую и мобильную модель развития ситуации... Утечка — это маневр отвлечения... в конечном счете, мы с вами играем одну партию, и крупно ее играем, и, что греха таить, играем ее на поле Гариваса, но именно против Дигона... Утечка организована вполне профессионально. Пусть Дигон отмывается... Я

бы на вашем месте, кстати говоря, помог разразиться скандалу... есть такая возможность?

— Есть. Но что это даст?

— Многое, скажу вам еще вот что... На этих днях та пресса, которую контролируют мои люди, начнет атаку против майора Лопеса, это будет сделано аккуратно, пусть в Гаривасе начнется открытая драка между своими, это в нашу пользу, поверьте моим коллегам, они довольно долго планировали предприятие.

— Дэйв, это путь к неуправляемому скандалу, — повторил Вэлш. — Я не докладывал администрации развернутый план операции в Гаривасе... Директор занимает весьма странную позицию... повторяю, дело может кончиться моей отставкой...

345 » Ср. С-30

— Ну и прекрасно... я помогу вам приобрести адвокатскую контору, которая станет вести мой бизнес на Латиноамерианском и Африканском континентах, живое дело.

— Погодите, Дэйв... объясните мне толком, что даст нам скандал?

— Скандал даст нам то, что устранение майора Лопеса будет актом законного возмездия главному заговорщику. Это даст то, что именно мой капитан поднимет знамя замученного полковника Санчеса, в старые меха мы зальем новое вино.

— Тогда зачем вводить в операцию Пентагон? Зачем морская пехота? Если вы убеждены в вашем капитане... кстати, как его имя?

— Капитан Рамирес, адъютант Санчеса по ВВС,— нехотя ответил Ролл.

Вэлш вздохнул:

— Родригес обещал карт-бланш, на капитана Родригеса, а вовсе не Рамиреса, адъютанта по ВМС, а не ВВС, на которого вы поставили, управление ведет досье последние сорок два дня, мы получили информацию о первом контакте ваших людей с ним через девятнадцать часов после того, как этот контакт состоялся.

346 » Ср. С-30

Ролл начал сгибаться пополам от смеха, потом, отдышавшись, сказал:

— Это называется «Вор у вора», Майкл! Ну же и бестия ты! Любимая бестия, которой я не устаю восхищаться... Значит, вам было известно об активности моих ребят?

Вэлш кивнул.

— А почему молчали?

— Потому что они действовали правильно.

— Когда они допустили ошибку?

Вэлш покачал головой:

— Они ошибки не допустили, ее допускаете вы, продолжая хитрить со мной и поныне, вре-

мени на хитрость не осталось, секунды на счету... Я в общем-то держу под контролем всю вашу активность, прокорректировал бы вас, Дйэв, заметь я сбои в работе нашего аппарата, но предложение раскрутить скандал против Дигона накануне операции я все же не очень-то просчитываю...

— Надо готовить общественное мнение, Майкл, это, во-первых, надо организовать красивую кампанию в прессе по поводу неустойчивости ситуации в Гаривасе, во-вторых. В-третьих, надо иметь, простите меня, Майкл, за грубость, козла отпущения: «Дигон — человек старой школы, он начал аферу в порядке частной инициативы, спровоцировав ситуацию, а правительству придется вводить морскую пехоту, чтобы спасти жизни американцев, ни в чем не повинных специалистов, патриотов сотрудничества между странами. Пусть президент отмывается, Майкл, пусть корит Дигона, — глаза Ролла сузились, — пусть отвечает перед журналистами, он будет вынужден брать под защиту акцию морской пехоты, а это — непопулярно.

347 » Ср. С-19

Вэлш закурил, потянулся, вздохнул.

— Как я понял, вы ставите на противника нынешнего президента, Дейв?

— Вы просчитали мой замысел до конца точно. Да, я хочу попробовать его на крепость, в

Гаривасе работает девяносто семь моих сотрудников, я имею полное право просить его спасти жизни американцев... В случае, если он откажет, нация подвергнет его остракизму...

— Я бы никогда не додумался до того, что вы по-настоящему затеяли, Дейв... Я даже не мог и предположить что вы затеяли драку против президента. Знаете, мне сейчас стало себя жаль, маленький ягненок в сравнении с вами, хотя я за свою жизнь в разведке спланировал пару-тройку любопытных комбинаций... Дйэв, — добавил задумчиво Вэлш, — еще не поздно дать отбой, дело слишком рискованное.

— Я логик, я только играю роль плейбоя, это удобно. Операцию, на которую я решился сейчас, я прокручивал дни и ночи, месяцы, прежде, чем сказал себе, да!

349	»	Ср.	С-5	

Вэлш помолчал, а потом спросил:

— Дэйв, что за адвокатскую фирму вы мне сулили?

— «Лоренц энд Жабински».

350	Кв. Вернье Пав. СССР	Ср.	С-35	

Вернье перевернул лист газеты и сказал:

— Вот, слушай, известный обозреватель Жюль Бреннер на пути в Гаривас, где ему обещана встреча с полковником Санчесом, остановился в Нью-Йорке и был принят президентом банковской корпорации «Уорлд Сити Банк» Робертом Мак-

доуном. Ниже передают сокращенную запись интервью:

Бреннер: — Я не являюсь специалистом по вопросам биржи, но коллеги, которые пишут о финансах, в первую очередь, профессор Вернье, считают, что сейчас началась скрытая игра с ценами на акции какао... А это монопольный продукт Гариваса...

Макдоун: Я не компетентен в данном конкретном вопросе... однако, скачки цен таковы и выбросы акций столь массированы, что я могу допустить начало игры... Конечно, это не заденет судьбы мира, но согласен, чьи-то интересы за всем этим делом могут быть прочитаны.

Бреннер: — Может ли начаться неуправляемая реакция?

Макдоун: — Вы имеете в виду кризис? Нет. Это локальное дело, оно касается лишь Гариваса.

Бреннер: Но у режима Санчеса есть не только враги, но и друзья. Считаете ли вы, что они промолчат в случае, если кризис разрастется?

Макдоун: — Если из-за какао начнется третья мировая война, инопланетяне от души посмеются.

Бреннер: — Вы можете предположить, кто те люди, которые начали игру? Какие банки или концерны стоят за этим делом?

Макдоун: — Знаете, я спросил свою внучку: «Отчего ты такая нехорошая, людей обижаешь?», Она мне ответила: «Не знаю, надо спросить у мамы...» Найдите их маму, мистер Бреннер.

Перед вылетом в Гаривас Бреннер сообщил журналистам, что после того, как он передал текст интервью с Макдоуном в Париж, в его номере раздался звонок и некто порекомендовал «придержать публикацию, ибо она может поставить вас в крайне сложное положение, когда вы вернетесь в Париж... точнее сказать, если вы туда вернетесь...».

351 » Ср. Общ. С-20

Вернье отложил газету и встал.

— Совершенно ясно, после гибели Грацио удар будет нанесен по Санчесу, — сказал он задумчиво. — Я даже представляю, как это должно произойти. Бедная Мари, бедная девочка...— Он повернулся к Гала. — Нет ничего страшнее отцовского бессилия...

— Дать тебе лекарства?

— Нет.

— Ты хочешь работать?

— Да.

— Я вижу, ты места себе не находишь. А что, если напечатать то, что ты знаешь? Это будет очень опасно?

— Какое это имеет значение? — раздраженно пожал плечами Вернье. — Когда речь идет о

девочке, страха нет... просто-напросто меня никто не напечатает.

— А что делать?

— Не знаю...

— Сварить кофе?

— Я же говорил тебе, когда я подхожу ночью к столу — молчи. Я попрошу, если что-то потребуется.

— Не сердись.

— Спи, иди спать.

— А можно я почитаю?

— Да, любимая, почитай.

— Скажи еще раз.

— Иди прочь, малыш.

352	»	Ср.	С-6	Верные сел к столу, потом что-то вспомнив, повернулся и крикнул в другую комнату: — Гала, приготовь обед, побольше мяса, завтра прилетает один из моих боссов, шеф финансовой службы Хор.
353	»	Ср.	С-4	— Хорошо, милый, какого мяса купить? — Ах, ну, я не знаю, право! Купи свинины или баранины. — Хорошо, не думай об этом. Я что-нибудь сделаю и обязательно натушу капусты, он должен, как все немцы, любить капусту?

354	Немецкий ресторан в Париже. Инт. Франция	Ср.	С-10	Хор ел хмуро. — **Извините, герр Кровс, что я не стал обедать у вас... здесь дают настоящий айсбан и вообще... В моем возрасте нельзя ничего менять, кухню, тем более.** Тонкие губы финансиста вызывали в Верньe неприязнь, особенно оттого, что были постоянно сальными, словно он так и жил с куском айсбана за щекою.
355	»	Ср. Общ.	С-65	Подошла официантка, одетая, как и полагается быть одетой в деревенском ресторанчике где-нибудь под Мюнхеном — белая кофточка с вышивкой, расклешенная юбочка и фартук. — **Кофе?** — спросила она. — **Нет, милая, нет. Благодарю. Берегу сердце, герр Кровс, и вам рекомендую... Единственно, о чем я молю бога, это о том, чтобы умереть мгновенно. Непереносимо лежать с перекошенной мордой, парализованным... Не находите?** — **Я запасся цианистым калием.** — **А кто положит вам его в рот?** — оживился Хор. — **Сиделка? Ее отправят под суд. А вы не доползете до стола, где храните удобную смерть, вы же парализованы, под вас утку будут подкладывать... и вас постоянно, с утра до ночи, будет обуревать ужас, которым вы ни с кем не сможете поделиться: деньги кончаются, чем**

кормить семью и внуков, грядет нищета, что может быть страшнее? Я пережил нищету, знаю ее гнет. А вы, герр Кровс?

— Тоже.

Хор покачал головой:

— Вы пережили ее молодым, одиноким, это не есть нищета, это лишь временные неудобства... Трагедия наступающей нищеты ощутима по-настоящему лишь тем, кто обременен детьми и внуками... если, впрочем, он человек, а не мотылек... Теперь о делах, герр Кровс... Вы очень мало пишете в здешних изданиях, ваши публикации аморфны, в них нет угодной концерну позиции... Я уполномочен передать вам просьбу руководства... пока это просьба... пока. Либо вы определитесь, либо ваш объективизм перестанет нас устраивать, и мы будем вынуждены отказаться от ваших услуг здесь, в Париже...

— Что не устраивает Гамбург в моих обзорах?

— Плазменность.

— То есть?

— Плазма — это когда все про нее говорят, а что она на самом деле, никто не знает... Расплывчатость, внепозиционность, излишнее копание в деталях... словом, если вы не дадите парутройку обзоров о положении в Латинской Америке, особенно о начатой коммунистами вакхана-

				лии хаоса в Гаривасе, нам придется расторгнуть контракт, тем более, что срок его истекает в декабре... — Я подумаю, герр Хор... — К сожалению, у нас нет времени, чтобы ждать... я должен увезти ваш обзор по Гаривасу с собой, герр Кровс, увязанный с историей самоубийства Грацио, сунувшегося в авантюру с безумцем Санчесом. — Когда вы намерены улететь? — Как только получу ваш материал. Мы же знаем, что вы можете написать десять страниц за день... Вот я два дня и стану отсыпаться в отеле, невероятно устал, ничего не поделаешь, старость...		
356	»	Ср. ПНР Кр.	С-5	— **Да, старость,** — повторил по-своему Вернье и посмотрел в окно. На улице шел дождь. Струйки воды стекали по запотевшему стеклу.		
357	Ул. Парижа Нат. Дождь Франция	Ср.	С-30	Вернье брел по улице. Казалось, он не замечал, не чувствовал холодных капель мелкого осеннего дождя. — **Вот так тебя взяли в оборот,** — подумал Вернье, — **быстро это у них делается... Ну, что ж теперь, как поступать? Садиться за материал для Хора и его команды? Ты много лет был в их команде, и тебе неплохо жилось, да ты и сейчас с ними, ты же боишься, разве нет?**		Тележка, рельсы

358	Кв. Вернье. Пав. СССР	Общ. Ср.	С-7	Он вернулся домой, прошел в комнату, и, не снимая мокрого плаща, сел в кресло. — **Гала, ты никогда не жила с нищим?** — крикнул Вернье.
359	»	Ср. ПНР	С-25	Гала пришла из кухни. — **Тебе плохо? Этот самый немец обидел тебя?** — Гала присела рядом, сняла мокрую шляпу с головы мужа. — **Он меня уволил... я теперь нищий, Гала,**— с какой-то тяжелой радостью сказал он.— **Ты будешь жить с нищим?** — **Я отдам тебе все, что у меня есть, только бы был здоров и оставался таким, какого я люблю... а ты скажи, ты любишь меня? Или я надоела тебе?** — **Надоела,** — сказал Вернье. — **Терпеть тебя не могу... Ну-ка, дай телефон..** Он набрал номер Хора и сказал: — **Герр Хор? Знаете, лучше все-таки вам отоспаться в самолете, я ничего писать не стану, мы же с вами старики, пришло время думать о вечности, страшный суд, ад и тому подобное..** Положив трубку, он посмотрел на Галу. — **Слушай, а за что ты меня любишь?**

Она усмехнулась:

— «За что?» Это по торговой части, когда любят за что-то. Ты прожил свою жизнь, я — свою. Каждый из нас видел многое. Но я еще не встречала в моей жизни таких, как ты.

360	Бар Пресс-центра. Инт. Швейцария	Ср. Кр. Ср.	С-55	— Я вас представляла другим, — сказала Мари Кровс, когда она встретилась со Степановым в баре «Дворца Прессы». — Каким? — спросил Степанов. — Русские очень традиционные в одежде... Или же, наоборот: как-то вызывающе неряшливы, носят коричневые брюки и черные туфли... А вы прямо-таки парижский журналист... — В Париже разные журналисты... Бреннер — одно, а Вернье... Что-то стремительное промелькнуло в лице Мари, в ее узких зеленоватых глазах. — Вернье — мой отец, — сказала Мари. — Пожалуйста, не говорите про то, что он олужит на Шпрингера, консерватора Бельсмана. Отец — честный человек. — Я ничего дурного сказать не хотел. Он мне тоже показался славным человеком. Глаза ее засияли, но так было лишь одно мгновение, потом они вновь сделались настороженными, изучающими.

— Вам что-нибудь известно, как сейчас Стоянов? — спросила она.

— Жив... это все, что я знаю...

— Вас интересует, отчего с ним так поступили, господин Степанов?

— Ради этого я и приехал.

— Вы можете попасть в его квартиру?

— Не знаю.

— Дело в том, что в его квартире было страниц тридцать машинописного текста... Прочитав этот материал, вы поняли бы, пусть не до конца, кому Стоянов мог мешать...

— Кому же? Дигону?

— Да.

— У вас есть факты?

— Они были в квартире Стоянова. И он должен был их опубликовать.

— Если тот, кто избил Стоянова, знал об этих материалах, то вряд ли... все же, давайте попробуем. Можно отсюда позвонить в бюро, где работал Стоянов?

— Хотите, чтобы разговор стал известен полиции? Мне намекнул об этом... мне дал понять инспектор Шор, который ведет дело Грацио... Я попыталась взять у него интервью... Да не только они подслушивают, думаю, есть и другие силы.

361	Ул. Женевы Натура. Швейцария	Ср.	С-35	В телефоне-автомате Мари набрала номер и дала трубку Степанову. — **Алло, бюро? С вами говорит журналист из Москвы. Моя фамилия Степанов. Я мог бы у вас получить на короткое время ключ от квартиры Стоянова...** — **У нас нет ключа, товарищ Степанов, его отправляли в таком состоянии, что было не до ключей, попросите у консьержки дома. Поезжайте к ней, поговорите, в конце концов, обратитесь в Консульство.** — **Вы очень любезны,** — сказал Степанов. — **Адрес дайте, пожалуйста...** — **Не надо, я знаю, где он жил,**— сказала Мари.
362	Подъезд и кв. Стоянова Пав. СССР	Ср.	С-15	Степанов расставлял на столе матрешки. — **Это мадам, матрешки...** Консьержка всплеснула руками: — **Одинокая мама и много детей... да? Очень красиво, очень красиво... Раз вы его друзья, я дам ключ... но меня предупредили... я должна позвонить в полицию,** — консьержка потянулась за ключом. Мари и Степанов переглянулись. Мари приложила палец к губам.
363	»	Общ. Ср.	С-20	Консьержка шла по лестнице первой. Через несколько шагов она остановилась, достала из фартука платок и вытерла лоб.

— Я ощущаю свой возраст только, когда поднимаюсь по лестнице. С тех пор, как я начала здесь работать, а это было пятьдесят лет назад, лишь в этом году лестница показалась мне несколько крутой.

— А сколько вам платят в месяц? — поинтересовался Степанов.

Консьержка погрозила пальцем:

— Разве можно называть сумму заработка, месье? — Это мой секрет.

Мари улыбнулась:

— Месье ведь иностранец, его интересует все...

— Я живу очень хорошо, — ответила консьержка, — у меня пенсия, и хозяин платит мне вполне пристойно. — Консьержка открыла дверь и пригласила гостей войти.

364	»	Ср.	С-19	На подоконнике сидел Папиньон, он улыбался: — Первые гости, — сказал он. — Я вас жду. Консьержка уперла руки в бока: — Месье, как вы здесь очутились? — Мадам, я из полиции, действую с санкции властей, а вот как сюда попали эти люди? И кто они такие? Впрочем, мадемуазель Кровс я мельком видел, ваши документы, месье, — он обратился к Степанову. — Я пришел в дом моего коллеги, я не видел ваших документов, в отличие от вас я пришел

				сюда совершено открыто, мне нужны материалы моего товарища, оставленные им здесь накануне покушения на его жизнь. — Здесь не было никаких документов, — ответил Папиньон и, достав из кармана жетон полицейского инспектора, учтиво предъявил его каждому из вошедших. — Теперь попрошу вас сделать то же, что сделал я. Судьба документов господина Стоянова интересует моего шефа так же, как и вас.		
365	Дача Степанова. Зима. Инт. СССР	Ср.	С-19	Степанов: — Началось, подумал я тогда. Значит, надо звонить в консульство, вызывать нашего представителя, полиция станет дуть дело, это понятно, фу, ты, глупость какая... Да здравствует Черчилль: «Советуетесь ли вы с женою, господин Премьер?» «Да, и поступаю наоборот». Мари не жена мне, я не Черчилль, но повел себя, как дуралей... а как мне надо было себя вести?»		
365а	Подъезд и кв. Стоянова Пав. СССР	Ср.	С-15	— Если вы задерживаете нас, — сказал Степанов, — меня в частности, я вызову сюда представителя нашего консульства, я — русский... Папиньон покачал головой: — Нет, я пока не задерживаю вас, просто-напросто я обязан установить ваши личности. — Мою тоже? — спросила консьержка. — Я не намерена подниматься сюда второй раз, из-		

				вольте спуститься вниз, я покажу вам свою пенсионную книжку, паспорт я не выписываю, оттого, что уже три года не езжу за границу... Папильон снял трубку телефона, набрал номер: — Шеф. У меня гости, без вас не разобраться, они издалека.
366	Дача Степанова. Зима. Инт. СССР	Ср.	С-5	Степанов: — Шора я тогда увидел впервые. Он приехал минут через пятнадцать. По лестнице взбежал легко, словно ему было не пятьдесят четыре, лет двадцать.
367	Подъезд и кв. Стоянова Пав. СССР	Ср. ПНР	С-25	— Я требую от вас ответа под присягой, что говорили вам эти люди, когда просили открыть дверь квартиры месье Стоянова? И почему вы их впустили в квартиру болгарского журналиста? — Эти люди сказали, что знают месье Стоянова, — ответила консьержка, и лицо ее вдруг стало багровым. — Они сказали, что здесь лежат их общие бумаги. К месье Стоянову часто приходили люди, и он всегда позволял мне открывать им дверь: «Пусть ждут, говорил он, покажите им, где кофе, могут читать журналы». — Благодарю вас, мадам. Господин Степанов, вы являетесь официальным представителем русской стороны?

Степанов озлился:

— Я пришел сюда к моему коллеге, которого у вас пытались убить. Вы до сих пор не нашли тех, кто покушался на него. Я пришел сюда с женщиной, из-за которой, якобы, его хотели уничтожить...

— О материалах вы мне ничего не сказали, когда беседовали по телефону, фрейлен Кровс,— заметил Шор. — Отчего же решили все рассказать этому человеку?

— Оттого, что яне верю полиции, господин инспектор, а этот человек, — она кивнула на Степанова, — мой коллега.

Шор поднялся со стула:

— Хорошо, едем в полицию, я задержу вас на пятнадцать минут, формальность должна быть соблюдена...

368	Приемная и кабинет Шора. Пав. СССР	Ср.	С-60	Шор включил приемник, долго искал радио Москвы, странно подмигнул Степанову: — Хотите услышать родные голоса? Передавали концерт эстрадной музыки.

— Если хотите допрашивать меня, господин инспектор, я буду вынужден вызвать работника нашего консульства.

— Нет, я не намерен вас допрашивать, господин Степанов, ни в коем случае не намерен... Я просто хочу задать вам несколько вопросов. Согласны?

— Пожалуйста.

— Я не читал ваших книг, хотя успел посмотреть в литературных справочниках, что про вас пишут... Поэтому я задам вам первый вопрос: вы верите в то, что Леопольдо Грацио покончил жизнь самоубийством?

— Я прочитал в «Интернэшнл Геральд» ваш ответ на этот же вопрос, заданный журналистами... Вы сказали на американский манер: «Не комментируется»...

— Если бы я верил в его самоубийство, я бы ответил однозначно, господин Степанов.

— Ну, хорошо, а отчего вас интересует моя точка зрения на это дело?

— Потому что вы им интересуетесь, во-первых; а во-вторых, как написано в американской литературных справочниках, вы работаете в жанре политических книг, следовательно, неспроста вошли в это дело, да?

— У нас есть детская игра, господин инспектор «Черного и белого не называть, да и нет не говорить»...

— Как это? — удивился Шор.

— Очень просто... Я задаю вам вопрос: «Хотите выпить рюмку хорошей русской водки?» Что вы ответите?

— Хочу.

— А вы любите икру?

— Конечно!

— Крабы?

— О, да!

Степанов улыбнулся:

— Вы проиграли, господин инспектор. Вы произнесли слово «Да». А оно, по условиям этой игры, запрещено.

— Платить штраф.

— Я же вас учил... а с учеников мы не берем... Только в следующий раз аккуратнее обращайтесь со словом «да».

— Господин Степанов, я намеренно включил радио... не только литераторы живут ощущениями, порою сыщики, вроде меня, тоже чувствуют нечто... понимаете? Нечто... помогите мадемуазель Кровс начать скандал в прессе... Господин Степанов, очень может статься, что дело Грацио у меня заберут... и сдадут в архив... А это — не честно.

— Почему вы говорите об этом мне? Иностранцу? Тем более русскому?

— Я говорю об этом именно вам, потому что русские спасли в Тюрингии моих близких людей... А я пока еще умею помнить добро... как, впрочем, и зло... Хочу назвать вам одно имя... Вольф Цорр... он работает в центре «Нестле», представлял интересы здешних молочных королей Гитлера... Вольф Цорр, это имя может вам пригодиться. Он живет в Базеле... это все, о чем я хотел вам сказать, вы свободны, господин Степанов, факт вашего визита в полицию не зафиксирован в документах... Мадемуазель Кровс я задержу на пять минут, не более, подождите ее в кафе напротив, там прекрасные марципаны...

369	»	Ср.	С-30	Шор открыл Степанову дверь из кабинета и жестом пригласил Мари: — Мадемуазель Кровс, вы отказались отвечать на вопросы, когда мы говорили по телефону, и это, бесспорно, ваше право... Вы можете отказаться говорить и сейчас, мы, слава богу, живем не в тоталитарной стране, и я могу подвергнуть вас превентивному аресту... Я хочу лишь задать вопрос, я — как вы понимаете, не смогу его зафиксировать, как и ваш ответ из-за помех, — он кивнул на радиоприемник, по-прежнему настроенный на волну Москвы. — Отчего

вы так категорически убеждены в убийстве Грацио?

— У вас свои секреты, господин инспектор, у меня свои.

— Хорошо... я открою вам свои секреты... Они сводятся к следующему: первое — на пистолете, из которого был произведен выстрел в Грацио, нет отпечатков пальцев. Второе: форточка в его спальне была открыта. Третье: его номер находился на четвертом, то есть, предпоследнем этаже отеля, а на последнем этаже номер занимал человек, предъявивший портье сомнительные документы, да, да, мы не смогли обнаружить его по тому адресу, который он продиктовал, когда арендовал себе апартамент... Поиски продолжаются, впрочем, кто знает, быть может, кто-то успеет подготовить за эти часы алиби интересующему меня объекту. Но про этот секрет знаете только вы и я, понятно?

— Почему вы говорите об этом мне...

— Потому что вы — единственный человек, который открыто заявил об убийстве Грацио, потому что на вас из-за этого станут жать. Потому что, наконец, вообще вы много знаете, но ни о чем не хотите со мной говорить...

— Нес с вами лично, господин инспектор Шор...

— Просто «инспектор»... терпеть не могу словесной шелухи, экономьте время, я ведь сказал

				Степанову, что задержу вас не более, чем на пять минут.
370	»	Ср.	С-22	— Вы — коммунистка?.. — Нет, я не принадлежу ни к одной партии, просто придерживаюсь левых убеждений... повторяю, я убеждена в том, что Грацио убили... он принимал меня, дал интервью... он взял с меня слово, что я пока не буду его публиковать целиком... Он сказал, что мне позвонит мистер де Бланко и скажет, когда и где можно напечатать этот материал... Я — жду... — Вы говорите только часть правды, мадемуазель Кровс,—Шор вздохнул, покачал головой.— Неужели я не понимаю, отчего отсюда убрали болгарского журналиста Стоянова? Я думаю, вы рассказали ему то, что представляло для кого-то угрозу... Ну, может быть, я сказал слишком круто... допустим, смягчу: «неудобство», так, видимо, будет точнее?

371	»	Ср.	С-25	— Я все-таки не стану вам отвечать, инспектор Шор... Я разговариваю с вами, а у меня внутри кошки скребут: «Не верь ему, он же — флик»...
				— Ну, и не надо, коли скребут кошки. На прощанье мой совет: первое — не ждите звонка от де Бланко, он не позвонит вам... так мне во всяком случае кажется... Второе: начинайте скандалить, если хотите, чтобы меня вынудили продолжить это дело... Третье: если вы чувствуете, что вам этого сделать не позволят, попробуйте использовать Степанова...
				Мари изучающе разглядывала Шора своими длинными зелеными глазами, потом закурила и сказала:
				— Я пробовала делать нечто в этом духе не раз и не два, инспектор Шор... только поэтому и возник Стоянов... Если вам, действительно, так трудно жить, как вы мне по секрету сказали, то мне жить раз в семьсот сорок труднее.
				— «В семьсот сорок»? Вы относитесь к той породе женщин, слова которых слушаешь с обостренным вниманием. Вы сокрыли какой-то смысл в этой сумме превалирующих трудностей — я имею в виду «семьсот сорок».
				— Я перестала верить в мудрость «Кабаллы», инспектор... Жизнь научила меня прагматизму и юмору... Так что, «семьсот сорок» можно легко

				заменить на «тридцать четыре»... глядишь, когда у вас будет хорошее настроение, посмеетесь над моей игрой в цифры... — Я посмеюсь, — пообещал Шор, — обязательно посмеюсь... А теперь я назову вам несколько имен и вы их запомните... Это —в ваших интересах...
372	Кафе «Крит» Инт. День. Швейцария	Общ. Ср.	Н-5	Степанов сидел на застекленной веранде маленького кафе. Пересекая улицу, к кафе подходила Мари.
373	»	ПНР	С-32	Она вошла, увидела Степанова и направилась к нему. — Слушайте,— сказала Мари, усаживаясь за втягивает в какое-то дело... Предлагает начать скандал... и он позволил сказать об этом в открытую. Но, может быть, во что я с трудом верю, он честный человек?. — Он мне позволил то же самое... я готов. А вы? Мари обернулась к бару, подняла руку и попросила: — Пожалуйста, кофе! – Я уже заказал вам,— сказал Степанов. — Не надо. Я привыкла платить за себя сама.

— Но у нас это не принято, какой-никакой, но я все-таки мужчина.

— А я женщина, — отрезала Мари. — Где у вас это принято, там и угощайте, а здесь живите так, как живут все.

— А вы что такая жалящая?

— Если не умеешь ты ужалить — тебя ужалят, зачем подставляться. Словом, я передала Стоянову материалы, связанные со слухами, серьезными слухами, о том, что на бирже кто-то готовит бум. Направленный против Грацио... то есть, против Санчеса...

— Какого Санчеса?

Мари нахмурилась, закурила, лицо ее ожесточилось:

— Вам, действительно, незнакомо это имя?

— Действительно, незнакомо.

— Полковник Мигель Санчес...

374	»	Ср.	С-60	— Если вы читали наших писателей, хотя бы Достоевского, то чаще всего он называет героев полными именами и отчествами — Порфирий Порфирьевич, помните? Или у Тургенева — Аркадий Аркадьевич? Национальное мышление, ничего не попишешь... Конечно, я знаю имя полковника Мигеля Санчеса.

— Слава богу, иначе я перестала бы вам верить... не вам, конечно, а Бреннеру, он — ас журналистики, его рекомендация — это ваша визитная карточка, просто со Степановым я бы не стала говорить, мало ли Степановых...

Он расправил плечи, упер кулаки в бока:

— Дмитрий Степанов — все-таки один...

Мари улыбнулась:

— Я хочу сказать вам совсем про другое... Мигель... полковник Санчес рассказал мне очень много важного, понимаете? Мы дружны с ним... Но мне не удалось всего напечатать.. по целому ряду причин...

— Каких именно?

— Если я не сказала, значит, не сочла нужным говорить, неужели не понятно? Так вот, я передала эти материалы Стоянову... В наших левых изданиях печатать нет смысла, это просто-напросто не заметят, ошельмуют, как коммунистическую пропаганду и все такое прочее... Стоянов хорошо копал... он встретился с биржевиками, опросил многих людей, которые знают дело и умеют чувствовать жареное... этим и живут... Вот... его за это убрали... и материалы у него были... Да, дура, ну, что делать?! Когда я беседовала с Грацио, он сказал мне: «Ждите событий, Европа еще скажет свое слово, и мистер

Дигон, хоть он и крепкий старик, на этот раз проиграет»...

— Ваш папа отказался познакомить меня с его материалами... Может быть, к нему обратитесь вы?

Мари смахнула со лба рыжую прядь, глаза ее расширились.

— Я теперь не смею к нему обращаться.

— Отчего?

— Оттого, что я — дрянь.

— Выпить хотите?

— У меня есть предложение... давайте — каждый по-своему — поищем, это поможет нам лучше понять происходящее... Согласны? Каждый по своему...

375 Бар «Экспресс». Инт. Вечер. Швейцария — Общ. Ср. медл. наезд — С-30

С улицы, через запотевшее стекло, виден столик, за столиком Хоф и Матэн. Они склонились друг к другу и о чем-то говорили.

376 Каб. Хофа. Инт. НРБ. — Ср. — С-8

Хоф диктовал телеграмму.

— И последнее: Матэн твердо убежден, что Шор не пойдет на компромисс, во-первых, и не откроет своих карт, во-вторых. Поставьте время и подпись.

377	Зоопарк. Нат. СССР	Общ.	С-40	Перед вольером жирафа сидели на скамейке Славко Кадрич и Франц Золли. **— Здесь паспорт на имя Фредерика Розеля,—** сказал Кадрич, **— билет на самолет в Берн, водительское удостоверение и пять тысяч долларов. Обратите внимание на карту. Здесь нарисован маршрут, по которому он возвращается домой. Это фотография парка, где он гуляет со своей собакой. А это он сам. Запомнили?** **— Да!** **— Хорошо запомнили?** **— Да!**
378	»	Кр. Ср.	Н-10	Щелкнула зажигалка. Пламя нехотя лизнуло угол фотографии, затем поползло вверх. Лицо Шора изгибалось и чернело.
379	» НДП. КМБ		Н-69	**Титры.**
380	»		Н-2	КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ СЕРИИ.

381	НДП. Комб.		Н-2	Марка киностудии «ЛЕНФИЛЬМ»		
382	»		Н-2	**Творческое объединение телевизионных фильмов**		
383	»		Н-3	ПО ЗАКАЗУ ГОСТЕЛЕРАДИО СССР		
384	»		Н-5	**ПРЕСС-ЦЕНТР** **(Хроника на каждый день)** ЧЕТВЕРТАЯ СЕРИЯ		
385	Ул. Цюриха Нат. Режим Швейцария	Общ. ПНР	Н-15	Опавшие листья на плитах тротуара смягчали шаги редких прохожих. Шор шел мимо верениц машин. Они стояли тихими и устроились на ночь у самого бортика тротуара.		
386	»	Общ. Ср.	Н-15	Когда он дошел до перекрестка, одна из машин вдруг тихо запустила мотор и вывернула колеса на середину дороги. Шор оглянулся и стал переходить улицу, машина резко рванула вперед и, уже на большой скорости, буквально снесла Шора с мостовой.		Постановщик трюков. Каскадеры. Дублер Шора.
387	Ресторан отеля в Швейцарии. Инт. НРБ.	Общ.	Н-5	В отеле, где остановился Степанов, жильцов было мало. Все столы в ресторанчике свободны, два официанта стояли возле бара и тягуче зевали.		

388	»	Общ. Ср.	С-5	Степанов спустился по лестнице и направился к Мари, она сидела и ждала. — **Давайте устроимся возле окна, Мари,**— предложил Степанов. — **Если пойдет дождь, здесь станет так уютно и горько, что сразу захочется думать, как нам поступать дальше, у меня есть кое-какие новости...**
389	»	Ср.	С-5	Он усадил Мари за столик, подошел к стойке бара и покрутил на телефоне диск. — **Пожалуйста, соедините меня с Москвой. Телефон: 352-81-03, да, если можно, да, разница на два часа, да... спасибо. Бар отеля «Мовс».**— Он положил трубку и попросил официанта.— **Салат, томатный сок и кофе.**
390	»	Ср. ПНР	С-23	Степанов вернулся к столику. — **Вы что такая грустная?** Мари достадливо мотнула головой. — **Я грустная потому, что мне звонить некуда...** — **А папа?** Она вздохнула, повторив с нежностью: — **Папа... У вас сколько детей?** — **Двое.** — **Счастливы в браке?** — **Живем врозь уже много лет...** — **А с детьми как?**

— Они взрослые и мои главные друзья...

— А как у них сложились отношения с вашей подругой?

— У меня нет постоянной подруги...

— Яичницу себе готовите сами?

— И очень вкусную...

— Скоро заведете себе постоянную подругу,— убежденно сказала Мари.— У вас глаза больные.

Он отрицательно покачал головой.

— Да... вы себя не знаете...

— Только сам человек самого себя и знает, остальные лишь угадывают его...

— «Где был самим собою я?»

— Сольвейг отвечает! «В надежде, вере и в любви моей»?

Мари кивнула и соединила:

— Где был самим собою я? В надежде, вере и в любви моей.

— Истинное лицо человека хранит тот, кто любит его... Любовь детей и любовь женщины — понятия разные. Мои дети, к счастью,— девочки,— улыбнулся Степанов.

391 » Ср. С-8 — Я тоже дочь, и только после того, как сама почувствовала усталость, только тогда поняла отца... Он тоже, вроде вас, много лет готовил себе яичницу, стал толстым, ничего не успевал делать, перестал спать без снотворного... А потом

				рядом с ним появилась женщина, и он снова обрел свое истинное лицо. А я и мой брат... мы оказались...
392	»	Ср.	С-8	Зазвонил телефон — длинно, без перерыва, междугородная. — **Москва,** — сказал Степанов и бросился к аппарату. Мари подозвала глазами официанта, попросила принести стакан «розе», прислушиваясь к монотонным степановским «алло», выпила медленными глотками вино. **— Да... ты же обещала без меня не решать... Это хорошо.. .но ты веришь только себе... алло... Нет... не знаю... да... не знаю...**
393	»	Ср.	С-10	Степанов вернулся к столу. **— У вас дома что-нибудь случилось?** — спросила Мари. **— Пили вино?** — Степанов кивнул на фужер. **— Да. Я уже заплатила.** **— Да что ж вы такая занозистая?** — рассердился Степанов. **— Может быть, мы перенесем наш разговор на завтра? Я вижу, у вас что-то случилось.**

				— Когда дали Москву, вы рассказывали мне про то, как вы и ваш брат...		
394	-	Ср.	С-10	— Мне расхотелось говорить об этом, весь мир живет одинаковыми проблемами, чего об одном и том же? Словом, дети, даже девочки, а, может быть, именно девочки не прощают отцам их счастья, особенно, если оно позднее. Чего в этом больше, обиды, ревности, или эгоизма — не знаю... но это так... и не приведи вам бог с этим столкнуться, но вы — столкнетесь еще, обязательно столкнетесь. Ладно, Маша, — Степанов улыбнулся, — по-русски вас бы назвали не Мари, а Маша... Теперь по поводу нашего с вами предприятия... Он посмотрел на экран телевизора.		
395	совм. с комб	Ср.	Н-5	Там шел футбольный матч.		Видеогруппа для проекции на экран телевизора
396	"	Ср.	С-20	— Значит, по поводу нашего дела, — повторил он и достал из кармана письмо. — Я из Парижа написал моему коллеге, он сотрудничает в «Нью-Йорк таймс», и вот получил ответ. — Степанов развернул конверт. — По поводу Дигона и Гариваса. Вообще-то Дигон обычно старается быть в тени, но при этом оказывается в самых горячих местах, поэтому, мне кажется, на него можно легче, чем на кого дру-		

				гого, навести чёрную кошку. Проглядев ряд материалов, я убедился, что позиции Рокфеллеров в Центральной Америке нарушены. Допускаю, что Дигон решил поиграть именно там, если это и вправду так, его деятельность не могла не быть зафиксированной банковскими филиалами Рокфеллера. Понятно, те сделают все, чтобы не допустить старика в свою вотчину. И еще: Дейвид Ролл давно и упорно пролезает и в Африку, и в Южную Америку, его туда не очень-то пускают Рокфеллеры и Морганы, но этот парень знает, чего он хочет и умеет драться за место под солнцем. Не он ли подставляет Дигона? Но почему именно Дигона? Отчего никто не нападает на Рокфеллеров? Вопрос интересен, но дать на него ответ тебе может другой, но никак не твой друг.
397	»	Ср. х Ср.	С-20	Степанов сложил письмо и спрятал. — **Вот так, дорогая Маша. Истоки этой игры гораздо сложнее, чем можно было предполагать.** Степанов закурил, поиграл картонной подставочкой, на которой была реклама пива, и спросил: — **Вам говорит что-нибудь имя Вальтера Цорра?** — **В первый раз слышу.**

— Он представлял интересы концерна «Нестле» в германском Базеле во время войны...

— Что-то слыхала, они сотрудничали с наци...

— Вам кажется или вы знаете об этом?

— Отец приучил меня в таких случаях отвечать: «У меня нет под рукою аппарата, я должна проверить это по картотекам...» Но мне кажется, этот господин связан с нацистами... был, понятное дело, связан...

Степанов повторил:

— «Был»... Связь с нацизмом не имеет права быть лишь прошлым временем. Если такого рода связь была, словом, если это так, то я — верю Шору...

— Напрасно, — убежденно возразила Мари.— Он все время что-то путает. Я не верю ни одному слову Шора.

398	» совм. с комб	Ср.	С-18	Телевизор. Диктор в очках возник на фоне фото лица Шора. — **Только что в клинику доставлен в бессознательном состоянии старший инспектор криминальной полиции Соломон Шор,** — читала она.— **Журналистам доктор сказал, что положение критическое.** Фото: Шор на носилках, носилки несут по коридору. Диктор: **Прибывший в больницу комиссар Матэн сказал журналистам.**		Тракт на студии телевидения, записи диктора на видео.

				Матэн, в наброшенном на плечи белом халате, идет по коридору больницы. Его окружают несколько фоторепортеров и журналистов. Матэн: **Мня с инспектором Шором связывала... связывает**, — Матэн поправился, — **личная дружба... Покушение, если это было покушением, буду раследовать я сам. Видимо, дело, которое вел инспектор Шор — о самоубийстве банкира Грацио — будет передано в департамент политической полиции.**	
399	»	Ср.	С-3	**Мари и Степанов смотрели на экран.**	
400	Ул. Базеля. Нат. Осень. День. Швейцария	Общ. ПНР Ср. с движ.	Н-17	В Базеле моросил мелкий дождь. Пока Степанов искал дом Цорра, кожанка на нем совсем промокла, его начало знобить. Дом Вольфа Цорра удалось найти с трудом, в таких тихих районах пригорода улочки маленькие, затаенные.	Опер. маш.
401	»	Общ. Ср. х Ср.	С-8	Дверь открыл Цорр. Он был в сером костюме, светло-голубой рубашке и элегантной бабочке. — **Господин Степанов?** — не скрыл удивления Цорр, оглядев фигуру Степанова в кожаной куртке, свитере и джинсах. — **Да.** Цорр снял цепочку с двери. — **Пожалуйста, проходите.**	

402	Кв. Цорра. Пав. СССР	Ср.	С-10	— **Кофе?** — спросил Цорр. — **Или хотите погреться? У меня есть русская водка, «Смирнофф».** — **Кофе выпью с удовольствием,** — ответил Степанов. — **И, может быть, и водки.** — **Вы предпочитаете кофе до разговора, господин Степанов, или во время?** — **Лучше — до.**		
403	»	Ср. ПНР	С-65	Цорр заварил кофе в стеклянном кофейнике, принес тоненькое, прекрасного фарфора, блюдце с соломкой, сел, легко забросил ногу на ногу и, сделав маленький глоток, спросил: — **Чем обязан вашему визиту?** — **Господин Цорр, я слышал, что у вас есть материалы, связанные с преступлениями нацистов...**		

— От кого вам пришла информация, господин Степанов?

— Мне бы не хотелось отвечать на этот вопрос, господин Цорр. придется лгать, а это всегда неприятно...

— Хорошо, — кивнул Цорр, — я тоже сторонник того, чтобы говорить правду... Я сформулирую мой интерес иначе, и вам будет легче сказать правду... Эта информация пришла к вам не из банковских кругов? Еще более конкретно: не из тех, кто входит в орбиту Барри Дигона?

— Нет.

— Я удовлетворен, господин Степанов... Дело в том, что люди Дигона оклеветали меня, обвинив в связях с мерзавцем Эйхманом, будто я повинен в том, что эсесовцы погубили его брата, Самуэля... Они лишили меня работы, они хотели, чтобы я исчез с лица земли, но, как видите, правда восторжествовала... Я никогда не был связан с нацистами, никогда... Я работал в рейхе, это правда, но там работал и Самуэль Дигон, вполне открыто работал до тридцать восьмого года... Более того, я всегда был антинацистом, и чем мог, помогал несчастным... Именно потому, что я был противником жестокости, у меня и сохранились кое-какие материалы по столь трагическому еврейскому вопросу... Простите, вы сами...

— Я — русский.

— Очень хорошо... Так вот, только потому, что я был противником неразумной жестокости, я и согласился помочь в установлении контактов между немцами и американцами в сорок третьем году... Мною руководствовала не корысть, но сострадание...

— Контакты между кем и кем? Конкретно?

— Между князем Гогенлоэ и Аленом Даллесом.

— Но контакт состоялся в сорок четвертом году, господин Цорр.

— В сорок третьем.

— У вас есть какие-то документы об этом?

— Да.

— Можете познакомить меня с ними?

— В том случае, если вы пообещаете сказать правду о моей роли во всем этом деле... Знаете, Геринг был большой свиньей, но во время суда в Нюрнберге он произнес неплохую фразу: «Я не боюсь потерять голову, более всего я страшусь потерять лицо»... Самое страшное — незаслуженная обида, согласны?

— Вполне, господин Цорр, но каким образом я смогу сказать правду о вашем участии в этом деле, если у меня нет документов и я обладаю лишь односторонней информацией? Правда всегда посредине, на стыке полярных точек зрения...

— Вот видите! Совершенно верно! Я не хочу обидеть вас, но вы должны согласиться, что в вашей пропаганде по поводу немцев тоже были преувеличения...

— Не могу согласиться, господин Цорр. Не было преувеличений. Была правда.

— Ну, хорошо, а Геббельс говорил бог знает что про вас... Вы же верно сказали, правда на стыке полярных точек зрения.

— Геббельс — это не точка зрения, это — патология и уголовщина. Когда я говорил о стыке, я никак не имел в виду этот аспект вопроса: нацизм и правда — понятия взаимоисключающие.

— Я опасаюсь, как бы мое правдолюбие, — вздохнул Цорр, — не показалось вам пронацизмом, мне бы очень этого не хотелось.

Он поднялся, отошел к стеллажу, открыл — особым, плоским, золоченым ключом — массивную дверь вмонтированного в стену сейфа, достал несколько разноцветных папок, отложил синюю, остальные положил обратно, вернулся к креслу и протянул Степанову несколько страниц:

— Я, действительно, содействовал появлению на свет этого документа. Прочтите и скажите, могу ли я быть виновным после того, что существует этот документ? Впрочем, не я, так другой помог бы этому... Еще кофе? Пока будете читать, я приготовлю нам по чашечке, а?

— Да, благодарю вас...

— Можете сделать выписки, — сказал Цорр.

— Если позволите, я надиктую этот текст на мой магнитофон.

— Пожалуйста, я не возражаю, — ответил Цорр, легко смазав взглядом маленький, величиной с записную книжку, аппаратик, который Степанов достал из внутреннего кармана кожанки.

404 » Ср. С-25

Степанов включил магнитофон и, посмотрев страницы, начал диктовать:

— Двоеточие, открыть кавычки. «В начале беседы герр Бауэр заявил «мистеру Робертсу», что он прибыл сюда как сугубо частное лицо по настоянию его друга. Он добавил, что не питает иллюзий относительно возможных результатов этих переговоров, поскольку не имеет специальных полномочий. В ходе беседы выяснилось, что «Мистер Робертс», приятного вида человек, в возрасте примерно пятидесяти лет, удивительно хорошо осведомлен о проблемах Центральной Европы, и «Герру Бауэру» все время приходилось быть начеку. «Мистер Робертс» начал беседу, высказав мнение, что Германия совершила величайшую ошибку, доведя дело до войны. В процессе мирного развития все страны Восточной Европы быстро оказались бы в руках Германии. Далее «Мистер Робертс» сказал, что он не мог

				понять, почему национал-социалисты все время ломились в открытую дверь, в результате чего, а также из-за их жесткой позиции по еврейской проблеме, они восстановили против себя весь мир.
105	»	Ср. ПНР	С-8	Цорр, стараясь не мешать Степанову, прошел на кухню, взял миску с бульоном, насыпал туда гренок, добавил немного сыра и открыл дверь маленькой комнаты, где жили его любимцы — сиамские кошки. Он поставил еду, погладил Изо-
106	»	Ср.	С-15	Степаноов, переворачивая страницы, продолльду и Анжелику, и вернулся к Степанову. жал диктовать: — «Мистер Робертс» выразил мнение, что англосаксы не смогут смириться с личностью Гитлера, подпись которого более не внушает ни малейшего доверия. В ответ «Герр Бауэр» заявил, что немецкий народ будет поддерживать Гитлера и его цели, независимо от того, какой исход предопределен судьбой. «Мистер Робертс» согласился с этим, отметив, что война будет продолжительной и что в Германии нет каких-либо разумно действующих групп, с которыми можно было бы успешно вести сепаратные переговоры. В этом отношении Америка не питает никаких иллюзий. В завершении беседы «Мистер Ро-

				бертс» пригласил «Герра Бауэра» на следующий день поужинать вместе. Он дал слово джентльмена, что состоявшийся разговор останется в тайне.		
107	»	Ср.	С-15	Степанов спрятал диктофон в карман, протянул документ Цорру: — Интересно. «Герр Бауэр» — это князь Гогенлоэ? — Именно. А «Мистер Робертс»—Ален Даллес, который возглавлял фирму «Салливэн и Кромвэл», представляющую интересы концерна Барри Дигона в гитлеровском банке Шредера... И этот мерзкий, паршивый Дигон смел шантажировать меня тем, что я содействовал одному из его людей в контакте с наивным идеалистом Гогенлоэ, который после покушения на фюрера был брошен в тюрьму вместе с женою... А в чем его вина?! В чем? Или — тем более — моя? Но я умею стоять за себя, господин Степанов, у меня есть силы, чтобы взять реванш, и я возьму его, очень скоро, следите за газетами! Дигон не поднимется, это я вам говорю, я не бросаю слов на ветер, узел «Грацио—Гаривас» развяжу я, и это будет день моего торжества...		
108	»	Ср.	С-20	— Видимо, вы не пожелаете рассказывать мне об этом узле?		

— Пока еще рано. Остались дни, господин Степанов, считанные дни до того часа, когда я справлю тризну по Дигону... Я публично обвиню его в причастности к гибели Грацио, я докажу— с документами в руках — отчего Дигону так мешал Грацио в Гаривасе. Пусть себе болтают о его самоубийстве, я — знаю правду, всю правду... Попробуйте встретиться в Бенджамином Уфером... задайте ему только один вопрос: «Вы верите в самоубийство Грацио? А если нет, кого вы можете обвинить в его гибели?» Или «Кому на пользу гибель Грацио?» И послушайте, что он ответит. Если в нем осталась хоть капля человеческого достоинства, он ответит вам, что гибель Грацио выгодна лишь одному человеку — Барри Дигону, потому что старик тайно лезет в Гаривас, а там были сильны позиции Грацио. Если Уфер вам не ответит, значит, и его перекупили, запугали. Возвращайтесь ко мне тогда через недельку, и я открою то, что так или иначе станет достоянием гласности, но пусть он только посмеет не ответить вам!

— Господин Цорр, как вы понимаете, если я стану писать, то буду это делать в советской прессе... Даете права упомянуть ваше имя? Сослаться на вас?

409	»	Ср.	С-12	Цорр на какое-то мгновение замер, тень растерянности появилась на его лице, потом сказал: — Я должен посоветоваться с моим адвокатом, господин Степанов, вы понимаете, как здесь могут отнестись к тому, что я сотрудничаю с вами... Впрочем... хотя, нет, я должен обсудить эту пропозицию... Без ссылки на меня — пожалуйста, я даю вам право, не может быть двух мнений... — Скажите, а чем был вызван удар Дигона против вас? — Как чем?! — Цорр пожал плечами.—Знанием. Моим знанием. Тем, что я знал больше, чем другие. Я должен отомстить, а моя месть— это правда о Дигоне, не хочу ничего иного.	
410	Дача Степанова и ул. поселка Нат. Зима. СССР	Ср.	Н-20	Собака бежала навстречу Степанову и несла в зубах палку. Степанов взял ее и забросил далеко в снег. — Я снова и снова вспоминаю разговор с тем господином. Видимо, он говорил правду, он хорошо себя продал, ознакомив меня с переговорами Даллеса—Гогенлоэ. Он заявил свою цену, а потом перешел к Дигону, словно зная, что Мари и меня интересует этот господин. Почему он так поступил? Мне приходилось встречаться со старыми нацистами, те говорили осторожно, с оглядкой, взвешивая каждое слово. А этот? Раз-	Дрессура. Прохожие—15

					ве этот не взвешивал? И потом, он не назвал ни одного имени, ни одной цифры... Нет, он сказал про Бенджамина Уфера... Шору я тоже поначалу не верил, а именно он назвал мне фамилию этого господина... И взял слово, что я буду молчать про это... Да, но Шор сказал и Марии о Цорре. Судя по тому, как его жестоко вывели из дела, Шор что-то чувствовал, потому и заряжал информацию по всем направлениям... А что он чувствовал? Не обмолвился ни словом про это... Хотел все высказать глазами, а это не путь...
411	Ул. Базеля. Нат. Осень. Дождь. Швейцария	Ср.	Н-3		Цорр выглянул из дома.
412	»	Общ.	Н-3		Степанов удалялся.
413	»	Ср. ПНР	Н-9		Цорр набросил плащ, перебежал дорогу и постучал в запотевшее стекло автомобиля. Стекло опустилось, Цорр вынул из кармана кассету и передал в руки водителю. Машина фыркнула облаком темного пара и скрылась в пелене мелкого дождя.
414	Каб. Хофа. Инт. НРБ	Ср.	С-15		Джон Хоф прослушивал разговор. Голос Степанова: — **Господин Цорр, как вы понимаете, если я стану писать, то буду это де-**

лать в советской прессе... Даете право упомянуть ваше имя? Сослаться на вас?

Цорр: — Я должен посоветоваться с моим адвокатом, господин Степанов... — Хоф промотал часть ответа Цорра и опять включил магнитофон.

Степанов: — Скажите, а чем был вызван удар Дигона против вас?

Цорр: — Как чем?! Знанием. Моим знанием. Тем, что я знал больше, чем другие... Я должен отомстить, а моя месть — это правда о Дигоне.

Хоф остановил запись и сказал помощнику:

— Запишите шифротелеграмму Вэлшу. Текст следующий: «Операция прошла успешно. Класс работы Цорра высокий, можно ожидать развертывания активности Кровс—Степанова».

415	Каб. и приемная Уфера. Инт. НРБ	Ср. х Ср.	С-35	— Но, господин Уфер, такого просто не может быть! — Мари беспомощно всплеснула руками.— Вы работали с Грацио семь последних лет, вы отвечали за связь его концерна с биржами! Об этом ведь написано в справочнике «Кто есть кто»! Как вы можете ничего о нем не знать?! Вы боитесь говорить со мной? Но я готова дать вам слово! Я не напечатаю ничего без вашей на то санкции! — Тогда зачем вам со мной говорить, если вы не станете этого печатать? — Уфер пожал пле-

чами и еще более съежился в своем большом кожаном кресле. — Вы ставите вопросы, на которые трудно ответить, фрейлен Кровс. Вы спрашиваете, кому была выгодна смерть Грацио... Неужели вы не понимаете, что мой ответ на ваш вопрос означает появление таких врагов, которые вотрут меня в асфальт?

— Таким образом, вы ответили мне, что кому-то его смерть была выгодна, господин Уфер... Если бы я не дала вам слова, этого мне было бы достаточно.

— И мне, фрейлен Кровс, тоже. Для того, чтобы привлечь вас к суду за диффамацию и посадить за решетку.

— Мне говорили, что вас связывала дружба с Грацио, господин Уфер... Неужели вы можете так легко предать память друга?

— Выбирайте выражения, фрейлен Кровс! Если вы считаете, что Леопольдо, действительно, был убит, извольте привести факты. Тогда в случае, если факты будут серьезные,— я стану говорить с вами. Тогда стану, — словно бы кому-то другому повторил Уфер. — Однако, до тех пор, пока вы представляете вторую древнейшую профессию, которая профетирует на чужом горе, я предпочту помолчать.

— Значит, вы верите в самоубийство Грацио?

— Мы начинаем прежнюю песню. Я уже ответил вам на этот вопрос. Ничего нового добавить не могу.

— Хорошо, но вы можете хотя бы рассказать о последней встрече Грацио и Санчеса? Вы же были на их последней встрече, лишь вы один.

— А почему вас интересуют их отношения? Вы из разведки?

— Именно потому, что я не из разведки... И очень... хорошо знаю Санчеса, меня интересует это... не как журналистку даже, поверьте, просто как человека...

416 » Ср. С-100

Уфер открыл ящик стола, достал пачку сигарет, долго открывал ее, столь же долго прикуривал, потом резко спросил:

— Вас интересует это как человека или как женщину?

Мари ответила со вздохом:

— Как женщину, господин Уфер, вы все верно почувствовали.

— Я ничего никогда не чувствую. Я знаю или не знаю. Я знал это и ждал, что вы мне ответите.

— Как вы могли знать это? Донесли службы?

— Нет. Мне службы не доносят, я боюсь излишнего знания, оно обязывает к слишком многому, а взамен дает мало, но жизнь может по-

ломать в два счёта... Просто я видел ваши фотографии в доме Санчеса...

— Он вам говорил что-нибудь обо мне?

Уфер неожиданно улыбнулся, и эта быстрая улыбка изменила его лицо,— оно, оказывается, могло быть живым, и глаза грустными.

— Нет, он ничего не говорил, хотя, мне кажется, очень хотел сказать про вас что-то очень важное...

— Почему вы так решили?

— Потому что я начинал с дилера на бирже и должен был видеть глаза всех своих конкурентов, а их более трехсот, и мне надо было в долю секунды понять, чего они хотят, и что нужно той фирме, которой служу я. У него очень выразительные глаза, у этого полковника, ему бы не военным быть и не лидером правительства, а литератором или живописцем... Так вот, Санчес звонил ко мне позавчера... и сегодня тоже... мой аппарат прослушивается, следовательно, особой тайны я вам не открываю... Он просил прилететь к нему — в связи с тем, что творится на бирже... Вы же читаете бюллетени вашего пресс-центра, знаете поэтому, что началась игра против Гариваса...

— Но кто?! Кто играет?!

— Кто? Кто играте? — переспросил Уфер. — Скажите мне, фрейлен Кровс, кто играет против

Санчеса?! Я уплачу вам хороший гонорар. А я не знаю! Меня пока еще не перекупили... Я не лидер, не Грацио, не Санчес, не Рокфеллер... Я просто-напросто компетентный специалист и умею четко выполнять указания тех, с кем подписал контракт. Если бы вы сказали мне, что намерены, в серьезном, понятно, органе прессы, обвинить того-то и того-то в том-то и том-то, если бы начался скандал, и я получил реальную возможность просчитать свои ходы хотя бы на неделю вперед, я бы мог войти с вами во временный альянс, ибо это поможет мне предложить свои услуги серьезному киенту, который, подобно Леопольдо, сможет гарантировать мое существование... А с чем вы пришли ко мне? Я согласился на беседу лишь потому, что вы — дочь Вернье, который знает все, но никому ничего об этом знании не говорит. Я согласился на встречу потому, что вас любит Санчес. И, наконец, поскольку вы были первой, кто выразил несогласие с официальной версией по поводу гибели Леопольдо. Я ждал от вас информации. Вы мне ее не дали, вы требовали информации от меня... Фрейлен Кровс, я — биржевой дилер, я все делаю на основе взаимности, выверяя ценность полученного конъюнктурой сегодняшнего дня... Я живу по библии: «Бог даст день, бог даст пищу». Не браните меня за цинизм, но я не хочу лгать вам...

— Господин Уфер, — устало сказала Мари, — вам были звонки с угрозами? На этот вопрос вы можете мне ответить?

— В моем мире нет наивных простаков, фрейлен Кровс. У нас не угрожают. У нас открыто говорят, что моя позиция, если она станет такой-то и такой-то, мешает такой-то силе, если вы убеждены, говорят мне, что сила, на которую вы служите, мощнее, можете сражаться, если же нет — посторонитесь. После того, как ушел Леопольдо, за мной не оказалось силы. Я жду предложений.

И Мари заплакала... Лицо ее было обычным, прежним, только по щекам лились слезы.

— Я думаю, за убийством Грацио стоят люди Дигона, — сказала, наконец. Мари, увидев вдруг, каким измученным стало лицо Уфера.

— Факты, — повторил он. — А я, например, судя по колебаниям цен на акции, склонен обвинить в его гибели еще одну корпорацию, но у меня нет фактов, понимаете? Я допускаю, что Дигон — главная фигура... одна из главных фигур в этой трагедии... Но не он же один! А чтобы узнать, кто именно — нужны факты. Показания тех, кто видел, мнение того, кто не боится сделать заявление для печати, расписки, счета в отелях, чеки из борделей. Ясно? Если вы не наберете данных фактов, которые по-

зволят считать трагедию с Леопольдо уголовным преступлением, тогда можно нажать ногой на кадык Дигону. А что у вас есть? Что, кроме ощущений? Любовь предполагает действенность, фрейлен Кровс. Действие обязано быть двояким: с одной стороны жестким, с другой — податливым.

— Я не понимаю вас, господин Уфер.

— Понять меня несложно. Вы, видимо, мало используете свое главное оружие — женственность. Вы идете напролом. Вы растворили себя в профессии... В этом ваша ошибка...

— Уж не намерены ли вы открыть мне то, что знаете, если я приглашу вас к себе на чашку кофе сегодня вечером?

— Я бы с радостью принял ваше предложение, фрейлен Кровс, но боюсь опозориться, крайне закомплексован по поводу моих мужских качеств... Нет, я имел в виду совершенно другое. Вы поняли меня слишком прямолинейно... Вы атакуете вопросами, а вам надо просить... понимаете? И не бойтесь почаще ронять слезы, это пока еще действует на мужчин.

— Мои слезы на вас не подействуют.

— Подействовали...

— И что же вы мне открыли?

— Я предложил вам союз... на тех условиях, которые я только что перечислил...

				— Но подскажите же мне, в каком направлении искать?! **— Во всех.**
417	»	Ср. Общ. ПНР Ср.	С-10	Уфер взял листок бумаги и что-то быстро на нем написал. Он обогнул свой стол, проводил Мари до двери, учтиво распахнул ее перед нею, выглянул в приемную, вымученно улыбнулся секретарше и сказал: **— Го-Го, пожалуйста, принесите из аптечки что-нибудь от головной боли.** Высокая, холеная, красивая женщина сразу же поднялась и молча вышла из приемной, именно тогда Уфер и развернул перед Мари записку. Она глазами прочитала: **«Пусть ваши друзья ищут все, связанное с доном Валлоне из Палермо. Оттуда могут быть следы к загадке Грацио.»** Уфер быстро скомкал записку и, не кивнув Мари, вернулся к себе.
418	Бар Пресс-центра. Инт. Швейцария	Общ. Ср.	С-30	Степанов встретился с Мари в Пресс-центре. **— Я только что прочитал сообщение,** — сказал Степанов, — **о том, что в Палермо, в подвале дома на Виа Греми обнаружен разложившийся труп громадного мужчины. Установлен полицией как Виттори Фабрини. Он был телохранителем Грацио в течение двух лет после убийства инженера Энрике Маттеи.**

— Да, я читала. На задержании Витторио настаивал Шор. Я была у Уфера, закажите мне кофе... у меня интересные новости.

— Закажу с удовольствием. А как же принципы?

— С вами их трудно сохранять.

Когда Степанов поставил перед Мари чашку с кофе, она сказала:

— Уфер сообщил очень важное. Дословно: «Пусть ваши друзья ищут все, связанное с доном Валлоне из Палермо. Оттуда могут быть следы к загадке Грацио».

— Вот так цепь! — вздохнул Степанов. Он закурил, глубоко затянулся и сказал: — Вам в это дело нет смысла влезать... Тем более, Уфер рекомендовал искать следы не вам, а вашим друзьям... Был бы рад им оказаться, да, Мари, был бы рад им оказаться.

Мари улыбнулась, положила свою руку на руку Степанова и сказала:

— Есть у нас здесь такой «сэр Все», не слыхали о нем?

— Нет.

— Очень славный старый американец, репортер Билл Уоррен, ему за семьдесят, он перебивается справочной работой, ведет досье на всех и на все... Плату берет недорогую, всего сто

франков за трехстраничную информацию. Я могу с ним договориться, съездите?

— Вы у него на Дигона информацию запрашивали?

— Он дает имена, связи, скандалы, отчеты о судебных процессах, вглубь не копает, чисто американская школа журналистики, они дают факты, и только, это вы, русские, и мы, немцы, норовим влезть в проблему, сплошные Буденброки и Карамазовы... Вглубь копает и папа, никто так не знает проблематики, как он... Ну, согласны?

— Разумеется,— ответил Степанов.

419	Квартира и лестница в доме «Сэра Все». Пав. СССР	Ср. Общ. Ср.	С-30	«Сэр Все» занимал квартиру из двух маленьких комнат и кухни. Спальня была завалена газетами, журналами. В кабинете, однако, царил чисто американский порядок. Большой стол был уставлен разноцветными папками, на корешке каждой — аккуратная белая пленка, на которой красной тушью обозначена тема; такие же папки были на подоконниках и под ними; сотни папок лежали в точнейшем порядке. — Мари кое-что объяснила мне, — буркнул «сэр Все». — Вы голодны? Я, знаете ли, сейчас намерен обедать, если хотите, присоединяйтесь, почистите пяток картофелин, у меня есть тефлоновая сковородка, можно прекрасно жарить

без масла, имеем в запасе три яйца и плюс к тому одна луковица, чай я заварю сам, хлеба в достатке, — он кивнул на длиннющий, чуть не в метр, тонкий парижский батон, почти пустой внутри.

— Спасибо, я сыт, а вот чай с удовольствием выпью.— сказал Степанов.

— Устроимся на кухне, — сказал «сэр Все», — я предпочитаю перекусывать на кухне... Берите табурет, вот чай... и — к делу, у меня через час встреча... Мари сказала, что вас интересует мафия.

— Мафия — понятие безбрежное. Меня интересует дон Валлоне.

— Их примерно сорок пять, — сразу же ответил «сэр Все», — какой именно дон Валлоне вас интересует?

— Дон Валлоне из Палермо.

— Хм...надо поглядеть, он как-то не отложился в памяти.

— Тогда еще более узко, — помог Степанов.— Я бы хотел просить у вас какие-либо сведения по пересечениям дона Валлоне из Палермо с инженером Энрико Маттеи.

«Сэр Все» подобрал хрустящей коркой остатки картошки со сковородки, отправил ее в крепкозубый рот, сделал глоток чая и сказал:

— Уже, знаете, легче... пошли работать.

420	»	Ср.	С-11	«Сэр Все» аккуратно подровнял на столе двенадцать вырезок из газет и журналов, достал из старого, скрипучего шкафа портативную ксерокс-машину, сделал копии, подвинул Степанову: **— Вот, кое-что есть. Проглядите, потом ставьте вопросы, посмотрим дальше, фамилия, знаете ли, цепляет фамилию. Факт наталкивает на новый аспект поиска, не жизнь, а сплошной кегельбан...** **— Вы должны уйте через полчаса?** **— Да.** **— Я обязан вам сто франков?** **— Мари уже перевела деньги.**
421	»	Ср.	С-70	Степанов закурил, проглядел вырезки. «Сэр Все» подробно комментировал: **— В первой рассказывается о процессе над группой мафиози в Милане, связанных с порнобизнесом, имя дона Валлоне называлось свидетелями дважды, но глухо, хотя прокурор утверждал, что именно он возглавляет этот бизнес в Италии, Испании и Дании. В суд дон Валлоне прибыл в сопровождении трех адвокатов! Феручи из Палермо, Гуссони из Бонна и Джекоба Лиз из Нью-Йорка. Лиз примыкал к «Салливэну и Кромвелу», конторе покойных братьев Даллесов, и ныне активно сотрудничает с финансово-промышленной группой Дигона. Дон Валлоне держался с достоинством, отвечал учтиво, лишь**

когда его спросили о трагедии с актрисой Франческой Сфорци, свидетель Валлоне обратился за консультацией к адвокатам, и Ферручи отвел этот вопрос как неправомочный, ибо хозяин семи кинофирм и девяти заводов по производству пленки и видеокассет не может знать всех тех, кто вступал в договорные отношения с одной из съемочных групп. Суд вправе во имя выяснения аспектов этой трагедии вызвать в качестве свидетеля режиссера и продюссера этой ленты, последней ленты, в которой снималась Франческа. Во втором материале, опубликованном в «Экспрессе», сообщается, что режиссер фильма Руиджи, вызванный на допрос, не смог прибыть в судебное заседание, поскольку попал в автокатастрофу, однако продюссер ленты Чезаре ответил на все вопросы суда: «Да, трагедия с Франческой до сих пор в сердцах тех, кто знал эту замечательную актрису и великолепного человека. Да, я видел ее в ночь накануне трагедии, когда она застрелилась. Нет, мне казалось, что ее угнетенное настроение связано с тем, что пятьсот метров пленки, где она снималась в очень сложном эпизоде, оказались бракованными, а у нее были подписаны два новых контракта, неустойка громадна, у нас по этому поводу были сложные переговоры с ее адвокатом. При этом,

уважаемые судьи, вы должны иметь в виду, что Франческа вообще была неуравновешенной, но мы все ей прощали: она была Франческа, этим сказано все». Еще раз имя дона Валлоне, так же вскользь, упоминалось в статье, опубликованной еженедельником «Авангард», где рассказывалось о совершенно новом бизнесе: с молоденькими машинистками во Франции и Дании заключались договоры на два года выгодной секретарской работы в Африке и Арабских Эмиратах. По прибытии к месту девушки исчезали: их просто-напросто продавали в закрытые бордели. Когда одной несчастной удалось вырваться; всплыло имя дона Валлоне. Рекламу в газеты, которая призывала девушек на высокие оклады и прекрасные квартирные условия «На берегу океана, в удобных коттеджах», помещала контора, финансировавшаяся его людьми.

— Имя хотя бы одной из этих несчастных вам известно? — спросил Степанов, кивнув на вырезку из «Авангарда».

— Нет,— ответил «сэр Все».

— А в досье еженедельника оно может храниться?

«Сэр Все» перевернул вырезку, пожал плечами:

— Вряд ли... как-никак пять лет... досье не станет хранить эту беделицу так долго.

Степанов нахмурился, повторил:

— «Безделицу»...

— В третьем материале, — сказал хозяин, — речь дона Валлоне, посвященная памяти Энрико Маттеи. Он великолепно говорил об организаторской мощи «великого итальянского бизнесмена и патриота». Здесь же комментарий журналиста из Милана, который утверждает, что за семь дней до гибели, Энрико Маттеи прямо обвинил дона Валлоне в том, что тот саботирует экономическую реформу в Сицилии и представляет интересы не итальянцев, но определенных магнатов из Соединенных Штатов.

— А по Леопольдо Грацио вы смотрели?— спросил Степанов.

— Через час после сообщения о гибели Грацио Мари приехала ко мне... Мы перерыли весь мой архив, ничего толкового нет...

— У вас кончилось время? — спросил Степанов.

— Да, — кивнул «сэр Все». — Куда вас подвезти?

— В центр, если вы едете в том направлении.

— В том.

«Сэр Все» поднялся, надел пиджак, пропустил Степанова.

422	Кв. и лестница в доме «сэра Все». Инт. СССР	Ср. Общ. с движ.	С-20	Легко захлопнул дверь и, как мальчишка, играючи, поскакал через две ступеньки вниз — по крутой, словно бы корабельной лестнице. **— Вы не закрываете дверь на хороший замок?** — поинтересовался Степанов. **— У вас же дома бесценное богатство, опасно так оставлять.** **— Квартира застрахована на миллион швейцарских франков...** **— Платите такую чудовищную страховку?** — Степанов удивился. **— Это же стоит громадных денег.** **— Думаете, я плачу? Нет.** — «Сэр Все» улыбнулся. **— За меня платят три газеты и клуб иностранных журналистов пресс-центра.**
423	Ул. Женевы Нат. Осень. Швейцария	Ср. Общ. с движ.	С 35	Они сели в его старенький, скрипучий «фольксваген» и отправились в центр. **— Когда вы начали заниматься вашим делом?** — поинтересовался Степанов. «Сэр Все» пожал плечами: **— Я все хорошо помню про других, про себя — слабо... наверное, когда осознал, что мои работы — сущая мура, нет пера, могу говорить, но не умею писать, чувствую, а не знаю, как выразить... Лишь с возрастом начинаешь понимать всю упоительность факта, умение найти пересечения причин и последствий... Да и потом я, как каждый из нас, в долгу перед собственной совестью... Сколько мы грешили попусту?! Сколь-**

ко раз мы писали не то?! Не про тех! Безумно и безответственно! Сколько раз поддавались настроению, минутной выгоде, или просто похмельному безразличию?! Стало стыдно, и начал заниматься фактом... Здесь все, как в математике. Никаких изначальных эмоций... Где вас высадить?

— Если не затруднит, возле издательства «Уордл».

— Имеете с ними дело?

— Да.

— Престижная контора... Желаю успеха. Если что-нибудь наскребете — звоните, посмотрим еще раз в моих папках, чем черт не шутит.

— Билл, окажите мне еще одну услугу.

— Я только этим и занимаюсь.

— Попробуйте найти ту несчастную, которую продали в закрытый бордель, как зовут и где живет?

— А если она живет в Штатах или на Папуа? Ведь прошло пять лет...

— Попробуйте все же... и адрес режиссера Руиджи.

— Почему вам не попросить Мари? — Он хитро посмотрел на Степанова.

— Нет, я от Мари ничего не скрывал, Билл. Вы порядочный человек. Буду с вами откровенен. Не сомневаюсь, что за Мари, как, впрочем,

				и за мною, смотрят те, кто убрал Стоянова и Шора. Вот почему я хочу сделать это дело сам.
424	»	Общ. Ср.	С-10	«Сэр Все» затормозил машину возле высокого, в стиле «ампир» здания. **— Я не почувствовал в вас русского. Вы на них не похожи.** **— Сколько русских вы видели?** **— Ни одного, но я смотрел фильмы.** **— В таком случае, вы не похожи на американца.**— Они засмеялись. Степанов открыл дверь и, уже ступив ногой на тротуар, спросил: **— Так я резервирую право позвонить вам?** **— Разумеется,**— ответил раскатисто «сэр Все».
425	Вестибюль и лифт изд-ва. Инт. НРБ.	Общ. Ср.	Н-10	Степанов прошел вестибюль и вошел в лифт.
426	Каб. Пьера Жюри. Инт. НРБ	Ср.	С-12	Пьер Жюри ходил вокруг Степанова и говорил, приятно улыбаясь: **— Мы хотим переиздать вашу книгу, мсье Степанов, и намерены переиздать ее массовым тиражом, в простой обложке, малым форматом, но мне придется нанять нового переводчика, того, кто живет здесь на Западе и чувствует все то новое, что пришло в язык за последние годы.**

Согласитесь, язык постоянно меняется, а ваш переводчик — невероятно традиционен, из России не выезжает, ему за семьдесят, по-моему, он уже давно не выходит на улицы, а живет телевизором... Это дополнительная работа, конечно, скажется на вашем гонораре, но мы дадим большой тираж, посоветуйтесь со своим адвокатом.

427 » Ср. С-25 — У меня к вам предложение, мсье Жюри... Я принимаю любые ваши условия по поводу переиздания моей книги — без консультации с адвокатом, тем более, что у меня его нет... Зато у меня есть сюжет, связанный с обстоятельствами гибели Леопольдо Грацио...

— Как интересно? У вас есть синопсис?

— Что это?

— Вы должны написать страничек на десять, не больше, краткое содержание будущей книги, чтобы мы могли проследить развитие сюжета, почувствовать ритмику, посоветоваться с нашим отделом по коммерции, без них нам трудно принимать решения, я прекрасно понимаю ваше отношение к торговцам, прекрасно понимаю, но, тем не менее...

— Как долго придется ждать ответа?

— Я постараюсь управиться за три-пять дней...

— Мсье Жюри, к сожалению, в моем распоряжении лишь сегодняшний и завтрашний день, я должен завтра арендовать машину и выехать для сбора материалов...

— Хорошо, я постараюсь все решить через день после того, как вы оставите мне ваш проспект...

— Мне срочно нужно полторы тысячи франков, даже тысячу двести, вычтете эту сумму из будущего гонорара за переиздание, и — все тут...

— Ах, вот каково ваше предложение... что ж, это легче, я посоветуюсь и буду ждать звонка вашего завтра в десять пятнадцать. Очень рад вашему визиту, знайте, что это здание — ваш дом, где вас всегда искренне, от всего сердца ждут...

428	Больничная палата. Инт. СССР	Кр. Ср.	С-18	Шор открыл глаза и тут же зажмурился от страха. Он увидел склоненные над собой лица. Глаза людей были настороженны, кожа их лиц казалась пергаментной. — **Что со мной было? Я упал затылком?** — прошептал он, удивленно вслушиваясь в звук своего осевшего слабого голоса.— **Какой сегодня день?** Один из врачей склонился над ним еще ниже. На лице появились зубы, прокуренные, очень

длинные, глаза были холодные, хотя он силился изобразить улыбку, она показалась Шору гримасой ненависти.

— **Все хорошо,** — сказал врач. — **Вы победили смерть... Теперь вы вне опасности...**

— **Я смогу ходить?**

— **Да.**

— **Я очень боюсь одиночества,**—сказал Шор.— **Можно просить, чтобы здесь поселилась сиделка? Я оплачу... это за мой счет...**

— **Рядом с вами постоянно находится сиделка,** — врач снова растянул рот.

— **Неужели это улыбка,** — подумал Шор,— **а может, у него врожденный дефект лица?»**

429	»	Общ.	С-4	— **Слава богу,** — шепнул врач. — **Теперь ему нужен покой, поздравляю вас, коллеги. Вы сделали невозможное...**
430	»	Ср. Кр.	С-25	Врачи на цыпочках двинулись к выходу. Шор почувствовал удушье, оттого что не мог понять, как ему поступить: **Надо закричать,** — сказал он сам себе. — **Пусть сюда немедленно придет Матэн, пусть, в конце концов, рядом с ним дежурит Папиньон, неужели они не понимают, что ему не позволят жить те, кто гонялся за ним на темной улице, как за зайцем, только бы сшибить на всем ходу, раздавить, превратить в теплое**

месиво... Нет, надо молчать, пусть они уйдут, я буду ждать. Ждать... надо ждать, и ни в коем случае не позволять себе уснуть, мне нельзя спать. Я должен дождаться Матэна и Папиньона, они сделают все, чтобы спасти меня... Только б этот косоротый доктор не сказал журналистам, что я очнулся и говорил с ним... Ах, зачем я с ним говорил?! Но ведь я сказал, что упал затылком! Кто этому поверит, настоящая хитрость должна быть бесхитростной, а я слишком трусливо лгал им, это поймет любой, а уж те, кому я мешал, тем более... Надо было молчать, я должен был сделать так, чтобы они подумали, будто у меня отшибло память и речь, почему я не подумал об этом, почему?! У меня голова кружится, как бы снова не провалиться в темноту: ты не имеешь права терять сознание, тогда уж ты погиб наверняка. Боже всемилостивейший, спаси и сохрани, я один, совсем один, и никому нельзя верить, кругом враги, я обречен... мне нельзя спать, мне нельзя...

Шор силился держать глаза открытыми. Складки на лбу и мышцы лица напряглись. Но сил не хватило, и веки опустились. Быстрая слеза скатилась из угла глаза на подушку.

431	Холл отеля в Женеве. Швейцария	Ср.	II-5	Портье вместе с ключом передал Степанову конверт.

432	Номер Степанова в отеле. Инт. СССР	Ср. ПНР	С-31	Только в номере Степанов открыл конверт и прочитал записку: **«Эксплуататору Степанову! Стенографистка Люси Лоран, сбежавшая из Эмирата, проживает ныне в Марселе, по рю Канибьер, в доме 46. Софи Сфорца, сестра погибшей актрисы Франчески, ныне замужем за режиссером Руиджи, проживает в Асконе, Виа Италия, вилла «Франческа».** **— Ай да «сэр Все»!** — сказал Степанов и сел к телефону. Он набрал номер. — **Издательство? Доброе утро. Пожалуйста, месье Жюри.** **— Кто его просит?** **— Степанов.** **— Одну минуту.** В трубке зазвучала музыка. Степанов посмотрел на часы: минута в минуту, звоню точно. **— Алло, вы слушаете,** — пропел женский голос, — **Месье Жюри будет в двенадцать.** **— Он ничего не просил мне передать? Я проспэленгую мою фамилияю: «С», как Судан, «Т», как Триполи, «Е», какЭквадор», «П», как Париж, «А», как Алжир...** **— Дальше я знаю,** — ответила женщина. — **Месье Степанов. У вас очень трудное начало фамили, концовка звучит значительно проще. Нет, он ничего не просил вам передать, до свидания.**

				Степанов положил трубку и еще раз посмотрел на часы. — **Еще час сорок пять ждать...**
433	Дача Степанова. Пав. Зима. СССР	Ср.	С-10	Степанов встал из-за стола и подошел к окну. — **Будь прокляты эти час сорок пять минут, в моем возрасте время начинаешь ощущать так близко, так видишь его необратимую стремительность, что даже на секундную стрелку жутко смотреть... А если этот самый месье Жюри решил мне отказать?** — спросил я тогда себя. — **Нет, он вполне мог это сделать вчера, он же проявил такой открытый интерес, да и потом я отдал ему процент с нового издания, а это не полторы тысячи франков, а добрых пятьдесят. Это меня тогда убедило, успокоило... Но информация «сэра Все» требовала действий.**
434	Номер Степанова в отеле. Инт. СССР	Ср.	С-50	Степанов опять набрал номер издательства, изменил голос: — **Алло, месье Жюри, пожалуйста. С ним будет беседовать вице-директор «Юниверсал Паблишинг хауз».** — **Одну минуту.** — **Алло,** — голос месье Жюри был вальяжным, доброжелательным. Степанов присвистнул в трубку и положил ее на рычаг.

«Что ж ты от меня бегаешь, сука?» — сказал Степанов и стал листать свою толстую, как потрепанная колода карт, книжку.

— Так, Дональд Эпштейн, Париж, кинопродюссер, друг Кармена, славный парень, воевал против Гитлера... так...

— Алло, пожалуйста, месье Эпштейна.

— Месье Эпштейн больше не живет здесь, он переехал на юг Франции.

— Пожалуйста, дайте мне его новый адрес, телефон.

— Но месье Эпштейн не оставил нам номера нового телефона.

...Профессор Герберт Краузе. Стоп, этот может помочь, он часто приезжает в Москву, я там могу арендовать ему машину, или отдам свою, а здесь он меня выручит.

Степанов набрал номер и услышал рубленый голос!

— Двадцать три двадцать шесть!

— Ноль семь ноль один, — ответил Степанов.

— Простите?

Степанов рассмеялся:

— Гутен морген, Карл Иванович! Я знаю вашу хитрость.

— Но я не Карл Иванович, — ответил профессор, — я Герберт Васильевич.

— Я помню, что вы Герберт Васильевич, а вот вы забыли, как я рассказывал вам о персонаже из Толстого, доброго, старого гувернера, «Гутен морген, Карл Иванович»...

— А, Дмитрий Юрьевич, здравствуйте, мой дорогой! Откуда вы?

— Я сейчас неподалеку от вас, и у меня к вам необычная просьба.

— Да, пожалуйста, мой дор-р-рогой.

— Сначала вопрос: вы в Москву собираетесь?

— Если дадут визу, то обязательно! Я уже заказал через мое туристское бюро в Штутгарте номер в «Национале» на семнадцатое марта.

— Вам в Москве машина потребуется?

— Это было бы идеально.

— А мне очень нужна машина здесь... Дня на три-четыре... Давайте заключим соглашение: я вам даю свою машину в России, а вы мне нанимайте лайбу здесь.

— Простите?! Что я вам здесь должен нанять? — голос у профессора стал на какой-то момент испуганным.

— Лайба — это автомобиль... на жаргоне.

— Ах, вот как! А что это за жаргон?

— Молодежный, сказал бы я.

— Ага, хорошо, очень интересно... конечно, я готов вам помочь... Оставьте мне свой телефон, я перезвоню в течение пятнадцати минут.

— Записывайте: 252-5-234. Да... жду...

435 »	Ср. ПНР Ср.	С-30	Степанов достал дорожную сумку и стал собирать свои вещи, затем нашел телефон Мари Кровс и позвонил. Телефон не отвечал. Степанов достал лист бумаги и написал: **«Дорогая Мари, уезжаю по нашему общему делу. Вернусь, точнее, должен вернуться, через пару дней. Жаль, что вы ко мне не заехали. А, может, это и к лучшему. Степанов».** Он вложил записку в конверт и надписал адрес. Раздался звонок. **— Говорит «Гутен морген, Карл Иванович».** Степанов засмеялся. Краузе продолжал! **— Надо пойти на вокзал и в «Ависе» взять малолитражный «Ситроэн», мне пришлите маленькую записочку, желательно на немецком языке, что машина была арендована в целях совместной работы над новой рукописью. Это для налоговой службы,** — пояснил он. **— Если я им представлю справку, что вы работаете вместе со мною, назовите себя моим редактором, или консультантом, как вам будет угодно, то с меня эти деньги не станут брать из налогов по гонорару, и, таким образом, вы не будете чувствовать себя обязанным. Что у вас за тема поездки?** **— Грацио.** **— Простите?!**

				— Меня интересуют некоторые обстоятельства, связанные с гибелью Леопольдо Грацио. — Ах, этот несчастный миллионер, эксплуататор и спекулянт?! — профессор рассмеялся. — Не задирайте нас слишком сильно, Дмитрий Юрьевич, мы тоже обидчивы. — Сильно не стану, Герберт Васильевич, спасибо вам огромное. Что я должен взять с собой для «Ависа»? — А — ничего. Права. Я продиктовал клерку номер своего счета, он уже проверил в банке, так что садитесь за руль и поезжайте.		
136	Холл отеля в Женеве. Инт. Швейцария	Общ. Ср.	С-15	Спустившись вниз, Степанов отдал портье ключ. Он заметил в углу холла молодого человека, который слишком уж сосредоточенно читал газету, но по тому, как его левая нога отбивала такт, было ясно, что новости его не очень-то волнуют.		
137	Автострада и Сен-Готардский перевал. Нат. Осень. Швейцария	Общ. Ср. с движ.	Н-36	Машин на дороге было мало. Туристский сезон кончился. Степанов развернул на коленях карту. Красная линия дороги соединяла Цюрих, Берн, Лозанну, Лучано и, наконец, Аскону. Степанов прикидывал километры пути. Машина шла ровно, только чуть «присела» от скорости: прибор показывал 120 км. Дорога легко обогнула маленькую столицу, а оттуда уже он погнал к Сен-Готарду и въехал в длинный тоннель.		Опер. маш.

138	Ул. Асконы. Нат. Осень. Режим. Швейцария	Общ Ср. с движ.	Н-20	В Аскону он приехал затемно. В тратториях и пиццериях было полно народу, звучала музыка. Степанов оставил машину неподалеку от набережной озера, спустился в пиццерию.
139	Пиццерия. Инт. НРБ	Общ. Ср.	С-15	Положил на стойку бара монету. Усатый хозяин в накрахмаленном фартуке подвинул телефон: — **Хотите позвонить?** Степанов кивнул и сказал: — **Будьте любезны — справочную книгу.** Хозяин подал книгу и спросил: — **Что будете пить?** — **Воду,** — ответил Степанов и стал листать книгу. Легко нашел телефон Руиджи и набрал номер. **— Алло, вас беспокоит писатель и журналист из России Дмитрий Степанов.**
140	Дом Руиджи. Инт. НРБ.	Общ. Ср.	С-15	**— Да, вас слушают.** **— С кем я говорю?** **— Вы говорите с женой Руиджи, Софи Сфорца-Руиджи. О чем вы хотели с нами беседовать?** **— У меня есть предложение для вашего мужа.** **— Сценарий?** **— Да.** **— Но он больше не работает, он болен.**

— Тогда, сеньора Руиджи, возможно, посоветует, с кем мне стоит поговорить, Джульетта сказала, что он дает самую разумную рекомендацию.

— Вы знакомы с Джульеттой?

— Конечно, мы вместе с ней выступали в Мадриде на телевидении в одной передаче.

— Откуда вы звоните?

— Я здесь, в Асконе. Я могу прямо сейчас.

— Хорошо, приезжайте.

441	Ул. Асконы. Нат. Режим. Швейцария	Общ. Ср.	С-10	Степанов остановил машину возле маленького особняка, стоявшего в горах над озером. Он позвонил в дверь, в прихожей вспыхнул свет, кто-то приник к глазку, холодно лязгнул замок, второй, на пороге стоял высокий, молодой еще мужчина в белом костюме: — **Проходите,** — сказал он, — **мы ждем вас.**
442	Дом Руиджи. Инт. НРБ	Общ. Ср. ПНР	С-90	В большом холле было сумрачно, лишь одна настольная лампа. Дверь на веранду была открыта, там сидела женщина. В ее длинных, очень тонких пальцах был зажат длинный мундштук, сигарета тоже была длинной, ярко-желтого цвета, пальцы чуть дрожали, хотя она всячески пыталась эту дрожь скрыть. — **Садитесь, сеньор Степанов, мы готовы выслушать сюжет вашего сценария,** — сказала она.— **Вы, действительно, из России?**

— Да.

— И намерены туда вернуться?

— Бесспорно,— Степанов улыбнулся.

— Хотите выпить? — спросил Руиджи.

— Нет, спасибо, если только стакан воды.

— С газом?

— Как угодно.

Руиджи принес воды, присел рядом с женою, вздохнул с хрипом, тяжело прокашлялся!

— Давайте ваш сюжет, я весь внимание.

— Сколько времени вы мне отпускаете?

— Все зависит от того, как мне покажется история.

Покажется, — убежденно сказал Степанов, чувствуя напряженность Софи и ее мужа.—Вам—покажется... Речь идет о политическом преступлении.. В некоем городе в номере отеля был обнаружен труп мультимиллионера...

— Это вымысел или факт? — спросил Руиджи.

— А вам бы как хотелось?

— Мне бы хотелось вымысел,— ответил он.

— Ладно, — согласился Степанов, — тогда я не стану называть убитого Леопольдо Грацио, а назову его просто Леопольдо.

Не сходится, слишком близко, и потом Грацио, как я знаю, не был убит, он покончил с собою в связи с угрозой банкротства.

— Тогда назовем покойного мультимиллионера Джоном, перенесем действие в Штаты.

— Это хорошее предложение, — откликнулась Софи Сфорци.

Ее обаятельная улыбка была вымученной, тонкие пальцы по-прежнему мелко подрагивали.

— Так вот, Джон, бизнесмен и политик, был найден мертвым в своем номере, служащие отеля заявили, что никто из посторонних к нему не входил. На пистолете не было отпечатков пальцев. Началось следствие, однако, все, кто мог давать показания, были устранены, все те, кто пытается продолжить расследование на свой страх и риск, ощущают на своей спине холодные неподвижные глаза, эти глаза принадлежат людям, которые не позволят появиться правде. Но если все-таки правда всплывет, а для этого надо не так уж много, два свидетельских показания, тот спрут, который задумывает и проводит в жизнь злодеяние, может быть раздавлен. Как сюжет?

— По-моему, интересно, — сказал Руджи.— Но это не для меня, сеньор Степанофф, это для Дамиани. «Признание прокурора»... и все такое прочее, тем более, что я перестал работать в кинематографе, я теперь на пенсии.

— **Хватает на то, чтобы жить?** — усмехнулся Степанов, спросив глазами разрешения закурить.

— **Да, вполне хватает, я был хорошо застрахован.**

— **И вы не рветесь вернуться в искусство?**

— **Это моя забота, а не ваша, сеньор Степанофф.**

— **Вы, значит, убеждены, что борьба с доном Валлоне невозможна?**

Руиджи обернулся к жене, усмехнулся:

— **Я же говорил тебе, дорогая... Все должно было кончиться именно этим именем.**

Софи Сфорци затушила длинную сигарету в огромной ракушке.

— **Сеньор Степанофф,** — сказала она своим певучим, глубоким голосом, — **мы готовы обсуждать с вами вашу идею, она действительно интересна, и если бы Руиджи чувствовал в себе силы, я бы посоветовала ему поработать с вами, но вы упомянули имя дона Валлоне... Я что-то слыхала о нем, но что именно — слабо помню... Вы не хотите рассказать нам о нем подробнее?**

— **Имена изменить?** — спросил Степанов насмешливо. — **Или все-таки вашу сестру можно называть ее подлинным именем Франческа? А того, кто финансировал ее фильм—доном Валлоне?**

— Можете не заменять имена на псевдонимы, — ответил Руиджи. — Но когда вы станете говорить о Франческе, не забывайте, что перед вами сидит ее сестра.

Степанов почувствовал, как кровь прилила к лицу, он не считал нужным сдерживать себя:

— Которая, естественно, не может не желать, чтобы виновные в гибели сестры были сурово наказаны... Понятно, и вы, ее коллега по искусству, хотите этого же. Вам не может быть безразлична трагедия талантливой молодой женщины, столь загадочно ушедшей из жизни...

— По какому праву вы так говорите? — сухо осведомился Руиджи. — Кто разрешил вам так говорить?

— Как? — спросил Степанов. — Я обидел вас? Я готов написать мою фразу, слово на бумаге уже документ, и если вы найдете, что оно подходит под категорию оскорбления, привлеките меня к суду, я готов дать показания... Даже если по дороге меня будет ждать автокатастрофа... и если оклемаюсь — молчать не буду, это я могу вам обещать...

443	»	Ср. Общ.	С-10	Софи Сфорци легко поднялась, заставила себя улыбнуться:

				— Это было так мило, что вы нашли время навестить нас, сеньор Степанофф, по-моему, этот сюжет может принести вам славу, если вам удастся записать его так, как вы задумали, мы с Руиджи будем молить бога, чтобы вам повезло, — она обернулась к мужу. — Не так ли, милый? Извините, но я должна вас покинуть, меня мучает мигрень...		
444	Дом Руиджи и ул. Асконы. Нат. Швейцария	Ср. ПНР	С-20	Степанов кивнул и пошел к двери, замки были какие-то особые, двери обиты железом, цепочка из нержавеющей стали. Руиджи отпер замок, кашлянул странным, деланным, плохо сыгранным кашлем, пожал плечами: —Мы, люди Запада, привыкли переходить к делу с первого же слова, сеньор Степанофф, мы не византийцы, а римляне, поэтому превыше всего ценим, когда человек сразу же берет быка за рога, а не начинает прятать главное за декорацию — будь то мифический сценарий, роман или репортаж для коммунистической газеты. — Видимо, бестактно задавать вопрос; когда и кто смог вас испугать так, что вы простили гибель Франчески... Я готов продолжить наш раз-		Стедикам

				говор на улице, если вы опасаетесь вести его в доме, где могут быть вмонтированы чужие уши. — Осторожнее рулите по нашим дорогам, — ответил Руиджи со странной усмешкой, — они очень узкие, а наши водители — страшные лихачи... Желаю вам доброй ночи и творчества...		
445	Ул. Асконы. Ночь. Осень. Швейцария	Ср. Общ.	С-20	Степанов шел по набережной. Террасы, где вечером стояли сотни столиков, вынесенных из баров и «ресторанте», были пусты, гасили свет, ежедневный праздник кончился.		Стадикам
446	Дача Степанова. Пав. Зима. Ночь. СССР	Ср.	С-12	Степанов стоял у окна. — Ну и что? — подумал я тогда. — Ну и пусть этот самый дон Валлоне узнает про то, что я иду по следу. Это даже хорошо. Только надо успеть надиктовать и отправить домой ту информацию, которая уже собрана. Правда складывается из крупинок знания, поиск истины это преодоление ступенек, но не лестницы, всей целиком, с наскока. Видимо, я начал не с того конца...		
447	»	Ср. Общ. Ср.	С-10	— Мне надо найти тех, кто участвовал в съемках последнего фильма Руиджи, на котором погибла Франческа Сфорци... Порою осветитель скажет больше, чем режиссер, который после смерти Франчески поселился на роскошной вил-		

			ле в самом аристократическом районе Швейцарии... Пенсия... какая пенсия у режиссера?	
18 Пиццерия. Инт. НРБ	Общ. Ср.	С-35	В пиццерии «Дон Карло» возле стойки толпились несколько мусорщиков. — **Будьте любезны, двойное виски без воды и льда,**— обратился Степанов к хозяину. Тот молча налил, Степанов выпил, подтолкнул стакан и попросил: — **Еще, пожалуйста.** — **Двойное?** — бармен с интересом разглядывал Степанова. — **Только так.** — **Сеньор — американец?** — **Русский.** Бармен присвистнул: — **Вы — первый русский, которого я вижу в жизни! Мой отец был у вас в плену, говорил, что у вас хорошие люди, давали докуривать сигареты, не били и угощали хлебом черного цвета...** — **Было,** — согласился Степанов, — **здоровье вашего папы...** — **Памяти папы,** — поправил его бармен.— **Он умер.** — **У нас в России говорят: пусть ему земля будет пухом.** — **Что значит «пухом»?** — **Ну, чтоб ему было мягко лежать...**	

— Спасибо, сеньор, теперь я понял... Вы здесь по делу?

— Да.

— А кто вы по профессии?

— Литератор.

— Пишите статьи в газеты?

— Это — тоже... Вы здесь давно?

— Семь лет... Швейцария — устойчивая страна, валюта стабильна, бизнес идет хорошо, особенно летом.

— Ваша пиццерия, наверное, ужасно дорого стоила?

— Да, я в нее вколотил все свои деньги...

— А вилла? Это, наверное, дорого?

Хозяин присвистнул:

— Хотите купить?

— Нет, просто интересуюсь. Мне нравится вилла «Франческа», это чуть выше за пиццерией, у самой горы. Место прекрасное.

— Знаю. Раньше она называлась «Натали». Недавно сеньор Жовенти продал ее римскому адвокату Ферручи. А тот назвал ее «Франческа». Говорят, в память о Франческе Сфорци, нашей киноартистки.

449	Тратория в Риме. Инт. НРБ	Общ. Ср. ПНР	С-90	Степанов и ассистент оператора Роберто сидели у открытой двери и пили кофе. — Ах, да все это ерунда! — Роберто досадливо поморщился. — Ее просто-напросто убили.

Только я это говорю вам и не скажу никому другому.

— Боитесь мести?

— Что значит «месть»?! Просто-напросто прирежут! Наймут алкоголика или наркомана, и — все! Знаете, почему я решил сказать вам то, что знаю?

— Совесть мучает...

— Э, ерунда, девятнадцатый век, что ли?.. Просто я воспитывался на «Броненосце Потемкине», а моего отца расстреляли нацисты в Северной Италии... Вот какая штука, — словно бы смутившись, заключил Роберто. — А еще я очень любил Франческу... Нет, не как женщину, я понимал, что у меня нет шансов. Я любил Франческу как человека, гения, как простую римскую девчонку, она из низов, как и я, только я ничего не достиг, зато живу, а она поднялась, и поэтому ее больше нет. Вы знаете, каким был сценарий того фильма, который крутил Руиджи?

— Нет.

— Довольно любопытный фильм о женщине, которая сама делает свою жизнь, начала со стенографистки, прошла через постель своих боссов, получила от них какие-то деньги, поступила в университет, на юридический факультет и выбрала тему для диссертации о защите в суде тех, кого называют проститутками... Вообще-то я счи-

таю проститутками не тех, кто этим зарабатывает себе на жизнь... Наши матроны, которые имеют мужа, спят с другом мужа и при этом покупают себе еще юного любовника, — вот истинные проститутки... По сценарию у героини Франчески начался роман с парнем, тоже человек из низов, который делает сам себя, она доверилась ему, рассказала о прошлом все, но он не смог простить... ей этого... Ну, вот... Материал был интересный, по-настоящему интересный, Чезаре рассказал о сюжете нового фильма газетчикам, рекламу надо делать заранее, Франческу любят... любили, вы ж знаете... Началась шумиха... и тогда возник Дон Валлоне... он один из хозяев в кино, не прямо, конечно, там черт ногу сломит в их связях и отношениях... Словом, Франческе предложили огромные деньги за то, чтобы она снялась в сцене, когда с нею спит боксер, сексуальный маньяк, но так, чтобы без фокусов, в открытую, как в кино говорят, на сливочном масле... В серьезный фильм Дон Валлоне решил вставить порночасть, представляете, сколько обывателей пойдет на такую картину! Не шлюха прыщавая показывает класс секса, не озабоченная бездельем бабенка, а наша красавица Франческа... Он все заранее рассчитал, этот Дон Валлоне... вы его не видели?

Дон Валлоне... вы его не видели?

— Нет.

— Шофер Чезаре мне рассказал, каким голосом Дон Валлоне назвал сумму, которую они могут получить, если те кадры с Франческой войдут в фильм... Он сказал, что эта сцена даст по крайней мере тридцать миллионов зрителей... Ну, а теперь считайте сами... Первые месяцы, если только фильм стал боевиком, цена на билет равна десяти, а то и пятнадцати долларам... Тридцать миллионов умножить на десять долларов, ясно? Ну, там, процент на аренду кинотеатра, страховка, гонорары, ничего, на худой конец сто миллионов долларов чистыми... Словом, Дон Валлоне предложил Франческе миллион за сцену в постели... А у Франчески был друг. Вы, наверное, слыхали?

— Нет, про него и про нее молчат все, с кем я встречался... Я пытался говорить и здесь, в Риме, и в Швейцарии, но все словно дали подписку не разглашать тайну...

— А что?! Они дали такую подписку, уж поверьте мне, дали... поди — не дай... Эти сволочи умеют брать подписки... добром, угрозой, кушем... купят дом — вот тебе в обмен и подписка...

— Кого вы имеете в виду? — спросил Степанов. — Руиджи?

— Конечно.

— Но он женат на ее сестре...

— Она лишена хребта, все сделает за одну затяжку... Хотя сейчас, наверное, перешла на героин... Она ж, как и Франческа, была девушка с окраины... Сестра стала зарабатывать, а Софи ничего не интересовало, лишь бы покайфовать, одеться, купить машину, переселиться в район особняков... она была просто-напросто сестрой гения...

— Вы начали говорить о друге Франчески...

— Да, я сбиваюсь, когда вспоминаю о том ужасном дне... Ее другом был Фредди Тибс, журналист из Лондона... Он потом спился, не знаю, жив ли еще... Никто не знает что произошло в тот вечер на съемке, только Руиджи знает, главный оператор Эусебио и я, потому что мы снимали эту сцену втроем, всех остальных из павильона удалили, таково было условие... Но они что-то ей дали в кофе, какое-то лекарство, нет, нет, не Руиджи, он ведь поначалу сам чуть не сошел с ума... Франческу пригласили на ужин перед самой съемкой... Чезаре и какой-то его приятель, кажется, адвокат...

— Ферручи? — уточнил Степанов.

— Не знаю. Я не знаю его имени, — раздраженно ответил Роберто. — Какое имеет значение, как его звали...

— Имеет... очень большое значение... Вы его видели в лицо?!

— Видел. Я встретил ее, когда Чезаре и этот адвокат привозили ее на съемку... Понимаете, она не была пьяная, она очень серьезно относилась к профессии, но она была не в себе, глаза горят, как-то нервно смеется, движения резкие...

— Вы сможете опознать того, второго, который был с Чезаре, если вам покажут его фото?

— Смогу. Но не стану. Да, я мразь, трус, все верно... Но я не пойду на драку, это бесполезно...

» Ср. С-45

— Я пойду, — сказал Степанов.—Я — старый, и потом иностранец, мне терять нечего. Вы хоть для меня-то опознайте, ладно?

— Ладно, — как-то сломавшись, тихо ответил Роберто и посмотрел на шумную римскую улицу, что вела к вокзалу.

— Я начинаю догадываться, что случилось дальше, — сказал Степанов. — Чезаре присутствовал на съемке?

— Он вошел, когда все началось... Этот кобель, который должен был с ней лежать под простыней, был действительно сексуальный мань-

як, а ее они напичкали зельем, или еще чем, это я вам говорю точно, иначе объяснить нельзя... Руиджи закричал, что нужно прервать работу, а Чезаре что-то шепнул оператору Эусебио, и тот продолжал крутить мотор. Руиджи снова крикнул «Стоп», а Чезаре и ему сказал что-то... Нет, я знаю, что он им сказал, потому что мне он тоже шепнул: «Сынок, так надо, видишь, ей это нравится, а тебе — я кладу в карман двадцать пять тысяч долларов...», и он положил их мне в карман... а я их взял... вот так-то... А назавтра Франческа потребовала, чтобы этот кусок пленки сожгли: она приехала. Я не думаю, чтобы она помнила то, что было, я ж говорю, они ее чем-то накачали, пообещали, что эпизод будет в рамках приличия, а мы просто-напросто сняли все от начала до конца, а она выходила замуж за Фредди... Понятно? «Неуравновешенная, артистическая натура...» все это вздор мерзавцев, которые знают правду... Они считали, что ее можно было купить за миллион, и ошиблись в просчетах...

— Ее убили, опасаясь разоблачения, или она застрелилась?

— Застрелилась... Ее застрелили накануне, на съемках, или еще раньше, когда Дон Валлоне подсчитывал, какой будет профит с этой сцены... Им же было плевать на нее, этим скотам, какое

им дело до человека, если можно взять сто миллионов... Я ведь взял двадцать пять тысяч...

— Зачем же тогда они устроили катастрофу Руиджи, когда тот ехал на процесс?

— А потому что Руиджи был как сумасшедший. Он избил Чезаре, он его бил в кабинете, переломал ему нос... А тот даже не вызвал полицию, Руиджи связали наши осветители и пожарники... Его перекупили уже в госпитале... Он был два месяца при смерти, не мог говорить, думали, что от будет навсегда парализован... Вот так, Степанов... А вы говорили, сюжет о том, как шлепнули миллионера... Да черт с ним, с этим миллионером... вот вам сюжет, но разве у вас хватит сердца снять его или написать... У меня — нет!..

— Та пленка цела? — спросил Степанов.

— Не знаю...

— Можете узнать?

— Зачем?

— Чтобы отомстить...

— Я же сказал — я в это дело не вхожу, я — дерьмо, мне нет прощения...

— Так вас никто и не приглашает в это дело... Помочь только самому себе, чтобы не так было гнусно доживать, неужели не хотите?

— Вы очень страшно сказали: доживать... Что ж, я узнаю... А как можно мстить, имея на руках эту пленку?

				— Это мое дело, Роберто, не ваше, вы ж не хотите лезть в драку... — Едем...— сказал Роберто, поднимаясь. Он положил на стол мягкую купюру и сутуло пошел к выходу.
451	Ул. в Риме. Нат. Осень. НРБ	Ср Общ	С-31	Степанов ждал в машине. Подошел Роберто и передал пакет, завернутый в черную бумагу. — Это все, что осталось... Там было пятьсот метров... их нет... а это срезки... Но если вы когда-нибудь кому-нибудь скажете, что я вам их передал, мои дети вас проклянут...
452	Марсельский порт. Нат. Осень. Франция	Общ Ср.	С-90	Степанов остановил машину в Марсельском порту у набережной причала «Остров Иф» и вышел из машины. — Так, красное платье, очень худая, — бормотал Степанов, — похожа на сушеную рыбу. Где эта рыба? — Он стал посматривать во все стороны. — Все правильно — причал «Остров Иф»... А вот и красное платье... Действительно, издали к причалу шла высокая худая женщина в красном платье. Степанов пошел ей навстречу. — Мне бы очень не хотелось говорить об этом,— Люси Лоран потянулась за сигаретами. — Люси Лоран, я вас понимаю, — ответил

Степанов. — Простите меня, ради бога... но речь идет о том, чтобы не дать свершиться новому злу...

Она жестоко усмехнулась:

— Все равно свершится.

— Но если не попробовать помешать этому, станет стыдно смотреть на себя в зеркало.

— Так не смотритесь.

Степанов заставил себя улыбнуться.

— А как же бриться?

Женщина сухо поинтересовалась:

— Что вам от меня нужно?

— Мне важно узнать, кто стоял за бизнесом, в который вовлекли вас. Конкретно: вам знакомо имя дона Валлоне?

— Нет.

— А его адвоката Ферручи?

— Нет.

— Вы давали показания полиции по поводу всего, что случилось с вами?

— Считаете, что после таких показаний мне можно было продолжать жить в этом городе? Да и вообще во Франции?

— Но вы же дали интервью газетам?

— Я прокляла себя за это.

— Значит, вы допускаете, чтобы этот бизнес продолжался?

— Он продолжается.

— И вы спокойно к этому относитесь?

Лицо женщины собралось в какую-то странную гримасу, потом она тихо засмеялась:

— Я отношусь к этому с радостью... «Не я одна»... Знаете, как это приятно, если не только ты извозилась в дерьме и сломала себе жизнь...

— Я не верю вам, — сказал Степанов убежденно, — я вам не верю.

— Вы мне не верите потому, что не испытали того, что пришлось испытать мне... Когда твой рабочий день начинается в восемь утра, а кончается в три ночи, когда ты перестаешь быть человеком, когда четыре раза в году к тебе привозят доктора и он делает тебе аборт, но перед тем, как положить в кресло, тоже считает своим долгом... Если бы я могла написать все, что мне пришлось пережить, получился бы неплохой фильм, но я не могу это писать, потому что тогда у меня разорвется сердце... У меня оно сейчас, когда я говорю с вами, болит, и рука холодеет...

— И вам не захотелось найти людей, которые поместили в газете объявление «О выгодной работе на берегу моря»?

— Этот человек сам нашел меня, месье Степанов... Он меня нашел вскоре после того, как я вырвалась оттуда... Я живу в квартире, кото-

рую он мне купил, и я получаю от него же месячную дотацию, на которую безбедно существую.

— Вы можете назвать его имя?

— Могу. — Женщина снова закурила. — Вы его сами называли только что. Да, это адвокат Ферручи. Вы правы.

— Вас кто-нибудь предупредил, что я стану спрашивать об этих людях?

Женщина вскинула голову, в ее больших глазах, скрытых темными стеклами очков, метнулся страх:

— Почему вы так решили?

— Потому что литератор умеет чувствовать так же, как женщина... Я это почувствовал, мадемуазель Лоран...

— Зачем вам эта история? Какое вам дело до моей судьбы? Почему вы считаете возможным вообще говорить со мной обо всем этом?!

— Я вам отвечу... Вы вправе передать мои слова тем, кто звонил вам после того, как я попросил вас найти для меня время... Вас же просили передать содержание нашей беседы, разве нет? Вот я вам и даю карт бланш, передайте им слово в слово то, что я сейчас скажу...

Я много знаю о помощнике дона Валлоне адвокате Ферручи, а буду знать еще больше... они— звенья цепи... но они лишь исполнители злодейства, главное планируют те, кто выше и респектабельнее... И они, этот самый дон Валлоне и Ферручи, назовут мне ряд имен, в которых я заинтересован, понимаете? И это поможет моим друзьям предотвратить новые трагедии. Во имя этого мои друзья и готовы на все.

— Мне двадцать пять лет, месье Степанов,— женщина сняла очки. Глаза у нее были пустые, выцветшие какие-то, в сети мелких морщин.— А выгляжу на хорошие сорок. Я не могу никого любить, потому что в моем сердце, в памяти, в глазах постоянно живет прошлое. С ним и умру... Никогда не смогу забыть... с содроганием думаю о том, что сетиментальные литераторы прошлого века окрестили словом «близость»... Теперь для меня высшим проявлением любви стало слово «отдельность»... Вы намерены предотвратить какую-то трагедию... это ваше право... но не употребляйте меня в качестве инструмен-

				та... Я этого не хочу... можете встретиться с моей подругой, мы с ней работали в одном коттедже, ее зовут Жюли, она жаждет мщения... Пожалуйста, я не против, если она станет давать вам информацию... Только меня больше не трогайте.
453	Ул. Марселя. Режим. Нат. Франция	Общ. Ср. ПНР	С-30	Жюли и Степанов сидели в машине. Улица была ярко освещена. Мимо стоянки проносились автомобили. Свет их фар иногда слепил глаза. ...Жюли была полной противоположностью мадемуазель Лоран — вся словно бы собранная перед ударом. — Да, мы сбежали вместе с Лоран, нам помог капитан, он был немцем, Герберт Шрауб, он чувствовал свою вину перед французами, его папа был в парижском гестапо... Знаете, уж если немец честный, так он честный до конца... Я готова на все, только б отомстить. Люси сломалась, постоянно пьет, по-моему, у нее в голове что-то сдвинулось... Я могу передать вам мои записки, если вы серьезно считаете, что у вас что-нибудь получится, только, правду говоря, я сомневаюсь, чтобы у вас хоть что-нибудь получилось... Вы не знаете этих людей, они здесь всемогущи... — Вы предпринимали что-нибудь, Жюли? — Спросите лучше, что я не предпринимала? — Обращались в прессу?

— Конечно, и в суд, и в прокуратуру. У Ферручи все схвачено, всюду сидят купленные им люди...

— Вы позволите открыто, в прессе, называть ваше имя?

— Конечно! Как же иначе?! Мне ведь никто квартиры на Рю Канебьер не копупал, и ренты не платит...

454	Кабинет Ферручи. Инт. НРБ	Ср. х Ср.	С-50	— Я думал, вы позвоните завтра, — сказал Ферручи, набивая трубку. — Рад знакомству... Мы с боссом успели прочитать вашу последнюю книгу, очень интересно, только советовал бы вам найти другого издателя в Швейцарии, ибо месье Жиро не так престижен, не умеет делать рекламу... Если хотите, я готов свести вас с одним из наших издателей...

— Но я не пишу порнолитературу, господин Ферручи.

— Мы издаем и поэзию, и альбомы живописи, и учебники по экономике, господин Степанов... Чем могу быть полезен?

— Я бы хотел задать вам ряд вопросов.

— Да, пожалуйста, к вашим услугам...

— Если общественность узнает подробности о работорговле женщинами, у меня есть показания Жюли об убийстве Франчески Сфорци — есть пленка, и автокатастрофе, устроенной Руиджи,

это может повредить тем, кто стоял за этими операциями?

Ферручи всплеснул руками, глаза его сделались круглыми:

— Это просто-напросто конец! Крах! Тюрьма! Позор!

— Кроме того, я убежден, что люди, виновные в названных преступлениях, знают правду и о том, кто дал приказ убить Леопольдо Грацио, и о причинах, я имею в виду внешнеэкономические причины, побудившие принять эту крайнюю меру... А это уже интересно не только общественности...

Ферручи закурил, долго тушил спичку, задумчиво покачал головою:

— Полагаете, можно договориться миром?

— Попытка не пытка...

— Вы вносите официальное предложение?

— Допустим.

— Позволите посмотреть ваши материалы?

— Нет. Но уж поверьте, они у меня есть, и это хорошие материалы, после их не отмоешься...

Ферручи вздохнул, поднялся, походил по своему кабинету, отделанному красным деревом, долго стоял возле маленького глобуса, раскручивая его длинным, холеным безымянным пальцем, потом открыл сейф, достал оттуда тоненькую красную папку, пододвинул ее Степанову:

— Полистайте... Здесь текст ассистента оператора Роберто, его исповедь, столь вас потрясшая. Вы, впрочем, его имени не называли, как он и просил... Исповедь была написана им в этом кабинете, господин Степанов... под мою диктовку... Жюли, которая вам так понравилась, никогда не была, как вы изволили выразиться, в рабстве... она шизофреничка, второй год состоит на учете в клинике доктора Мирье, мечтает пробиться в кино, мы ей поможем, она хорошо сыграла свою роль, я не ждал от нее этого... Впрочем, ваше право публиковать все эти мои материалы, это пойдет на пользу нашему бизнесу, потому что хороший скандал угоден крепкому предприятию, как-никак, реклама. Я, вероятно, привлеку вас к ответственности за преднамеренную клевету, Роберто и Жюли все подтвердят под присягой, уплатите штраф, если соберете денег, в чем я весьма и весьма сомневаюсь... Мадемуазель Лоран заявит о том, что вы ее шантажировали и понуждали к сожительству... Я бы не советовал вам портить свою репутацию, господин Степанов... Мы просто выставим вас смешным. А это литератору не пережить... Сочиняйте свои романы, кто вам мешает, но не лезьте в наши дела, мы тут сильнее...

Автострада. Сен-Готардский перевал. Нат. Осень. Швейцария	С движ. Ср. Общ.	II-15	Машина вырвалась из тоннеля. Свет низкого солнца ударил в глаза. Степанов опустил козырек светофильтра. Сен-Готард возвышался за спиной, дорога, петляя, вела вниз.		Опер. маш.
Дача Степанова. Нав. СССР	Ср. Общ. Ср.	С-17	Открылась дверь, и в дом вошел Шанев. Он поставил на пол ведро с песком и снял рукавицы. **— Дмитрий, что-то ты стал все хуже и хуже меня кормить. Вчера яичница, сегодня яичница— так, глядишь, кукарекать начну. Видишь, совсем отощал... передохну... Поставь мою пластинку... Я передохну.** — Шанев сел на раскладушку. — **Я сегодня этот изгиб клал, да? Утром ничего еще не было, а теперь — работа видна. Гляжу за тобой. Бывает день проходит, другой, а ты и буквы не отстучишь... потом полночи тарабанишь — спать не даешь. Так грудные дети день с ночью путают. Ты днем работай — вечерком телевизор смотри.** **— Я и днем работаю. Один поэт сказал: «Даже если поэт только смотрит в небо — он работает».**		
»	Ср.	С-5	**— Красиво, но...**— Шанев поправил подушку и прилег. Крутилась пластинка. Слышались голоса Марецкой и Плята. Они читали сказку. Шанев прикрыл глаза, слушал...		

158	»	Ср. ПНР	С-18	Вдруг Шанев вскочил, схватил молоток и стал разбивать печь. — Ты что делаешь? — задохнулся Степанов. — Все дерьмо... И изгиб дерьмо, и печь дерьмо. — Не надо! Пусть дерьмо, пусть что будет, Гень, не надо! — Отойди, Дмитрий! Как это я сразу не сообразил? Вот дурная голова... Отойди, говорю, Дмитрий! Теперь понимаешь, отчего так долго морочился? — Я ничего не понял. Ничего...не тронь, пусть будет как есть, Гень. — Буду делать новую конструкцию. Ни у кого еще такого не было... У тебя, Дмитрий, у первого, может, во всем мире у первого, будет каминопечь. Это значит камин и печь сразу. Раньше я камины все клал, такая мода была. Потом опять за печи взялись. А у тебя будет и то, и другое.
159	»	Ср.	С-20	— Приезжают к тебе иностранцы — ты им русскую печь затопишь. А гости из Москвы — камин. — Хватит! — закричал Степанов. — Ни печь, ни камин мне больше не нужны! Все, убирайся! Я устал, я болен, у меня бессоница... ничего от тебя не хочу... все... уезжаю в Москву.

— **Не ори! А я не устал? Ты вон по скольку раз перестукиваешь одни и те же места... тебе можно? А я один раз хочу переделать... Один раз! Так ты орешь, истерику гонишь...**

— **Бери свой аванс! Бери!** — Шанев сунул Степанову в руки деньги.

— **Я околел от холода... я устал от тебя... все!**

— **А ты купи большой холодильник.**

Степанов молчал.

— **Почему не спрашиваешь, зачем?**

— **Зачем?** — процедил сквозь зубы Степанов.

— **Один чукча на севере купил себе холодильник. Его спросили: зачем? И так холодно. Э-э, чукча не дурак! На улице 70 мороза, в чуме — 40, а в холодильнике — 2. Чукча греться будет.**

»	Ср. ПНР Общ. Кр.	С-6	— **Ты свинья, Шанев,** — Степанов бросил на стол деньги. — **Ладно, Дмитрий! Давай мой аванс, сам надень валенки и иди погуляй. Я чертеж каминопечи делать буду.** — Шанев взял со стола карандаш, как бы между прочим, сунул себе в карман деньги и стал на обоях что-то чертить.
Ул. Женевы Нат. Ночь. Швейцария	Общ. Ср.	Н-5	Около полуночи Степанов приехал в Шенеф и отогнал машину в «авис». Болела спина, затекли руки, еле волоча ноги, он возвращался в отель. На улицах было пусто, свет фонарей ка-

				зался размытым от того, что с гор спустился туман, шаги были гулкими.
462	»	Ср.	С-14	У телефона-автомата Степанов остановился, достал монету и вошел в будку. Он набрал номер, откашлявшись, и когда провалилась монета, сказал! — **Мари? Добрый вечер. Это Степанов... да... только сейчас.** Степанов заметил, как туман, что окружал его, засветился изнутри размытой желтизной, а потом он услыхал звук приближающегося автомобиля. — **Нам надо увидеться,** — продолжал Степанов. — **Но я совершенно разбитый после восьмичасовой гонки из Марселя. Предлагаю встретиться завтра в восемь утра, как говорится, «утро вечера мудренее».** Он не спускал глаз с машины, опустил трубку на рычаг и стал ждать.
463	»	Общ. Ср. ПНР	С-35	Машина, скрипнув тормозами, остановилась рядом с автоматом. Хлопнула дверца, шофер обежал «мерседес» и открыл заднюю дверцу. Из машины медленно вылез пожилой человек в легком черном пальто, седоволосый, без шляпы, в желтых лайковых перчатках. Он подошел к телефонной будке и остановился.

— Господин Степанов, вчера вы меня искали, а сегодня я вынужден искать вас... Я — Джузеппе Валлоне из Палермо, доброй вам ночи...

— Здравствуйте,— ответил Степанов, ощущая, как напряглись мышцы спины и гулко заухало сердце.

— Я задержу вас всего на несколько минут, господин Степанов, — продолжал между тем дон Валлоне. — Мои помощники допустили ряд просчетов в работе, и мне сейчас приходится вносить коррективы на ходу... Прогуляемся?

Степанов кивнул головой и толкнул дверь.

— Видите ли, все, что говорил адвокат Ферручи, предостерегая вас от поспешных выводов и обращения к коллегам в здешнем пресс-центре, соответствует истине. Он, действительно, отрепетировал спектакль, сыгранный для вас нашими статистами, довольно обстоятельно, но без таланта, позволю заметить... Но случилось непредвиденное... Этот самый ассистент оператора, который заряжал камеру на съемках Франчески... я запамятовал как его имя...

— Роберто.

— Ну, это одно из его имен... впрочем, да, он именно так должен был вам представиться... Так вот, Роберто повесился после встречи с вами... Нет, нет, вы здесь ни при чем... в этом вас никто не обвинит, хотя, конечно, у нас есть воз-

можность ошельмовать вас, все-таки мы здесь имеем определенный вес... Но дело не в этом, господин Степанов... Мы имеем основание считать, что он отправил свою исповедь в Голливуд, и там, как ни странно, ему предложили за нее двадцать тысяч долларов... а он уже в морге... Что делать, случилась накладка... Вам-то он дал ерундовые срезки от тех злополучных пятисот метров пленки, но когда он брал их в хранилище студии, ему удалось покопаться на полках, и он нашел нечто другое, значительно более доказательное...

— Зачем вы говорите мне обо всем этом? — снова откашлялся Степанов.

— Затем, что я назову вам имя человека, заинтересованного в устранении дона Грацио, — ведь именно это вас интересует больше всего? — а вы повремените начинать против меня бучу в прессе, если все-таки намерены ее учинять. Вернетесь в Россию — пожалуйста, а пока — подождите...

— Так кому же было выгодно устранение Грацио?

— Ферручи полагает, что в этом был заинтересован мистер Дигон, потому что его «Континентал Фуд» была бы разорена, сделай Горацио в Гаривасе то, что он был намерен сделать. Убыток, который был бы причинен предприятию ми-

стера Дигона, мы подсчитали: сто сорок миллионов долларов, согласитесь, это — деньги.

— Я могу сослаться на ваши показания?

» | Ср. с движ. | С-15

— Господин Степанов, я отношусь к вам с уважением, как к серьезному противнику, не надо впадать в пропагандистскую трясучку. Если мы заключим с вами джентльменское соглашение, и вы о нас забудете, я передам вам пару страниц из секретной стенограммы совещания людей Дигона и Фрица Труссена с доном Грацио в Лондоне, за пять дней до трагедии, разыгравшейся в номере покойного... У нас есть подходы к его личному секретарю фрау Дорн, только поэтому мы и стали обладателями этого документа.

— Стоянова вывели из-за этого?

— Видимо. Но, как вы понимаете, он не был ключевой фигурой. Убрали, чтоб не мешал схватке гигантов.

— Дона Грацио убил Витторио?

— Видимо, — кивнул дон Валлоне. — Иначе люди Дигона так не взволновались бы после появления сеньора Шора. Итак, господин Степанов, я внес свое предложение, слово за вами...

Подъехала машина. Дон Валлоне картинно раскланялся и сел в автомобиль. «Мерседес» неслышно тронул с места и растворился в тумане.

465	Вилла Ареджи. Инт. НРБ	Кр. Ср. ПНР	С-20	Хозяин виллы Хасан Ареджи принес дону Валлóне чашку с грогом. Тот сидел у камина и смотрел в огонь. Валлоне отпил из чашки и, грея пальцы о горячий бокал, сказал: **— Можете звонить вашему другу... Думаю, человек, интересующий его, поверил мне.** Ареджи набрал номер и сказал: **— 37-45, да. Встреча прошла успешно. Человек, интересующий вас, поверил. Дон Валлоне ожидает, что ваше обещание содействовать его контракту с «Ойл оф Даллас» будет реализовано не позднее, чем в конце предстоящей недели.**
466	Больничная палата. Инт. СССР	Ср.	С-50	Комиссар Матэн склонился над Шором, погладил его ладонью по осунувшемуся лицу, заросшему густой седой щетиной, улыбнулся грустно и тихо сказал: **— Я не надеялся увидеть тебя живым...** **— Я тоже не надеялся увидеть себя живым...** **— Ты ничего не соображал, Соломон... Тебя вытащили из небытия... ты был обречен...** **— Отчего ты не пришел ко мне вчера?** **— Не пустили врачи.** **— Я так тебя ждал...** **— Меня пустили к тебе всего на десять минут...** **— Посиди подольше... а я посплю...** **— Они сказали, что ты все время спишь...**

— Нет, — Шор покачал перебинтованной головой. — Я все время жду.

— Кого ты ждешь?

— Смерти.

— Ты будешь жить, опасность миновала...

— Поэтому я и жду смерти... Меня хотели убить, и не смогли. Значит, добьют... Ты нашел кого-нибудь?

Матэн покачал головой.

— Никаких следов... Может быть, ты помнишь номер машины?

Шор судорожно вздохнул:

— Дай мне воды.

Матэн взял со стола соусницу, положил ладонь под шею Шора, напоил его, вытер подбородок салфеткой и спросил:

— Хочешь, я пришлю апельсинового сока? Он очень хорош при сухости во рту.

— Мне дают, спасибо. И лимонный тоже дают, только у меня от него еще больше сохнет язык... Посмотри, у меня очень больной язык?

— Не выдумывай, Соломон... язык, как язык...

— Черный?

— Розовый. Такие бывают у новорожденных...

— Дай затянуться...

— Тебе нельзя...

— Я знаю, что нельзя... но мне очень хочется... Только одну затяжку... погреть легкие.

— Соломон, я не сделаю этого... прости. Я просто-напросто был бы врагом тебе... подожди... окрепнешь немного, и я принесу тебе пачку «Галуаза».

— Только без фильтра.

— Хорошо, без фильтра...

— Можешь посидеть рядом еще чуть-чуть? А я посплю...

— Спи. Я посижу.

Шор закрыл глаза, и сразу же провалился в тревожный сон. Матэн смотрел на его лицо неотрывно; достал сигарету, сунул в рот, пожевал табак, мучительно хотелось курить.

Матэн откинулся на спинку стула, и в тот же миг Шор открыл глаза: они были полны ужаса.

— Что ты? — спросил Матэн. — Приснилась гадость?

— Нет, нет... я сплю без сновидений... ты очень торопишься?

— У меня есть еще несколько минут. Хочешь, я пришлю сюда Папиньона? Он, правда, сидит в бюро вместо тебя, работы невпроворот... Но он предан тебе, как пес...

— Он ведет дело Грацио?

— Ну его к черту это дело, Соломон... У нас его забрали, и слава богу, что забрали...

— Кто забрал?

— Тайная полиция.

			— Почему? — Я не хочу интересоваться более этим делом, — ответил Матэн. — Я посчитал за лучшее вообще забыть о нем. Ну их к чертовой матери! Итальянцы, они все мафиози, и не спорь, пожалуйста, это действительно так.
»	Кр.	С-14	Шор почувствовал, как в глазах его появились слезы: «Да, Матэн всегда был моим другом,— сказал он себе, — он думает так же, как и я, он надеялся, что я все забыл, хотя над ним еще больше начальства, чем надо мною, и ему ужасно трудно. Он человек простой, маленький человек, который боится этой жизни так же, как я, и он дал мне совет, чтобы я все забыл, а он не имел права на это, я очень хочу забыть, я сделаю все, что только можно, лишь бы мне забыть тот номер, что был на машине, которой меня убивали, только смогу ли я забыть его? Наверное, смогу, ведь я смог забыть лицо брата Эриха, почему бы мне не забыть и номер машины.
»	Ср. Общ.	II-2	Матэн тихо вышел из палаты и прикрыл дверь.
Кафе на ул. Нат. Режим. Швейцария	Общ. Ср. ПНР	С-25	Комиссар Матэн и Джон Хоф, расстегнув плащи, сидели за столиком в кафе.

— Ему все-таки отшибло память, — сказал Матэн. — Он, бедняга, все путает, меня с трудом узнал.

Хоф с улыбкой слушал Матэна.

— А мне, — сказал он, вытирая губы, — пришло сообщение из полиции, что инспектор попросил сиделку позвонить «сестре» и сказать, чтобы принесла брату Соломону сыр и домашний морс. Но никакой сестры у Шора нет, он дал сиделке телефон этой самой Мари Кровс. А вы говорите, память отшибло... Нет, ваш инспектор не успокоился, совсем не успокоился... нет... он готовит удар... но сделал ошибку.

— И что? — Матэн взглянул в глаза Хофу.

— Я говорю: сделал ошибку.

470	Больничная палата. Инт. СССР	Ср.	П-5	Свет в палате притушен. Шор лежал с закрытыми глазами. Сиделка поправила одеяло и прикрыла форточку.
471	Коридор больницы. Инт. СССР	Ср.	С-5	По коридору прохаживался полицейский. В конце этого коридора показалась женщина в белом халате, она подошла ближе и сказала полицейскому: — **Вас к телефону.**
472	Приемная и каб. Шора. Пав. СССР	Ср.	С-3	Звонил Папиньон. — **Все спокойно?** — спросил он.

	Коридор больницы. Инт. СССР	Ср.	С-5	— **Да,** — ответил полицейский. — **Спит. К вечеру температура немного поднялась.**
	Приемная и каб. Шора. Инт. СССР	Ср.	С-3	— **А кто завтра дежурит?** — спросил Папиньон.
65	Больничная палата. Инт. СССР	Ср.	Н-5	В палате несколько раз мигнула лампочка-сигнал. Сиделка увидела мигание и, стараясь не шуметь, вышла.
	»	Общ. Ср.	Н-3	Дверь палаты резко распахнулась. Человек в халате подошел к больному и сунул в вену шприц.
	»	Ср.	Н-5	Шор вздрогнул и открыл глаза. Жидкость уходила в руку, и тело инспектора стало тянуться, будто он приходил в себя после долгого и сладкого сна.
78	Кабинет Ферручи. Инт. НРБ	Ср.	С-7	Ферручи сидел в кабинете и читал. Зазвонил телефон. Он быстро снял трубку. — **Спокойной ночи,** — сказал голос. Ферручи опустил трубку телефона, потянулся, зевнул, оделся и погасил свет.
79	Комб.	Общ.	Н-3	Ярко мерцали звезды на темном небе.

480	Дача Степанова и ул. поселка. Нат. Ночь. Зима. СССР	Ср.	Н-5	Степанов стоял во дворе и смотрел вверх. Подошел Цветик и стал тереться о ногу.
481	Комб.	Общ.	Н-3	Звездное небо над головой.
482	НДП. Комб.		Н-40	Титры.
483	НДП. Комб.		Н-2	КОНЕЦ ЧЕТВЕРТОЙ СЕРИИ.

№ кадра	Объект	План	С. Н. Т.	Содержание кадра и текста	Музыка и шумы	Примечание
—	Комб.		Н-2	Марка «Ленфильм»		
—	»		Н-3	По заказу Гостелерадио СССР		
—	»		Н-2	Творческое объединение телевизионных фильмов.		
—	»		Н-4	**Пресс-центр** **(Хроника на каждый день)** **ПЯТАЯ СЕРИЯ**		
—	Пресс-центр Инт. День Швейцария	Ср.	С-8	Мари наклонилась к Степанову. **— Пришло меньше половины из тех журналистов, кого я обзвонила.** **— И наивно думать,** — тихо сказал Степанов, — **что даже те, кто пришли, во всем поверят вам и мне, во всем с нами согласятся и напечатают то, что мы намерены сейчас рассказать им.** **— Будем начинать или отменим?** — шепнула в ответ Мари. **— Терять нечего, начинайте,** — улыбнулся Степанов.		

489	»	Ср.	С-15	Мари поднялась и оглядела собравшихся: — **Дорогие друзья, спасибо, что вы нашли возможным принять мое приглашение... Каждый из нас понимает друг друга, поэтому я не буду в обиде, если вы не сможете напечатать то, о чем я и наш русский коллега Степанов хотим вам рассказать... Речь идет об убийстве Леопольдо Грацио, о покушении на инспектора Шора и его смерти, о покушении на болгарского журналиста Георгия Стоянова и грязном его обвинении, о личности доктора Цорра, о мафии во главе с доном Валлоне, о его служащем Витторию, который «охранял» Грацио, а ныне обнаружен убитым, о загадочной гибели фрау фон Варецки... Мы не подготовили никаких заявлений, но мы готовы ответить на все вопросы и я хотела бы надеяться, что вы проинформируете мир о той тревоге, которую испытываем мы, думая о судьбе Гариваса.** Мари села, потянулась за водой.
490	»	Ср.	С-6	— **Отделим злаки от плевел,** — сказал корреспондент из Иоганнесбурга, — **не путайте мафию с делом Грацио... У меня создалось впечатление, что вы бабахнули этот материал, чтобы привлечь к себе дополнительное внимание, это не профессионально, мисс Кровс.**

»	Ср.	С-15	Мари опять встала, хотела что-то ответить, но ее опередил журналист из Парагвая. Мари видела его впервые. **— А почему вы так тревожитесь за Гаривас?** **— Потому,** — ответила Мари, — **что все происходящее там очень напоминает ситуацию накануне убийства Альенде.** **— Вы брали интервью у Санчеса,** — продолжил свой вопрос журналист. — **Это мало кому удавалось, только вы да еще Жюль Бреннер из Парижа, который передал, что на днях его примет полковник. Во время этого интервью Санчес говорил вам что-нибудь такое, что просил не предавать гласности?**		
»	Ср.	С-10	Степанов закурил, медленно затушив спичку, заметил: **— Вы не представились, коллега...** **— «Опинион», Парагвай.** **— Это новая газета?** — осведомился Степанов, сдерживая улыбку. — **Или хорошо реанимированная старая?** **— Нас сюда пригласили задавать вопросы,** — ожесточился журналист. — **И я задаю вопросы. И это по правилам. Когда я приглашу вас на свою пресс-конференцию, я стану отвечать вам. А сейчас я бы хотел услышать ответы мисс Кровс.**		

493	»	Ср.	С-20	Мари посмотрела на Степанова как-то ищуще, и в глазах у нее он заметил растерянность. — Да, — сказала, наконец, Мари, — некоторые свои ответы полковник Санчес просил не публиковать. — Какие? — Он же просил меня не публиковать их... следовательно, я не могу ответить на ваш вопрос. — Вы знали полковника Санчеса в те годы, когда он учился в Бонне? — Да, — ответила Мари, — знала. Фриц Увен поднял палец над головой: — Фрейлен Кровс, отчего вы не печатаете то, что знаете? — Та пресса, к которой я обращалась, отказалась публиковать мои материалы... я приготовила копии, вот они, — Мари положила ладонь на папку. — Каждый может взять их и использовать, если сочтет нужным... — Господин Степанов, — спросил журналист из Голландии, — вы получили задание своих властей на то, чтобы проводить расследование вместе с Мари Кровс?
494	»	Ср.	С-12	Степанов пожал плечами. — Здесь был изуродован мой коллега... и ваш, кстати, тоже... Стоянов... Он лежит без сознания в госпитале, в Софии... его изуродовали и окле-

ветали потому, что он взял материалы фрейлен Кровс, — Степанов кивнул на папку. — Я считал своим долгом войти в этот поиск, речь идет о судьбе, жизни и чести, повторяю, нашего коллеги.

— Вы так же, как фрейлен Кровс, считаете,— спросил журналист из Туниса, — что убийство Грацио, покушение на Шора и Стоянова, зверство по отношению к фрау Варецки как-то связано с тем, что происходит в Гаривасе?

— Полагаю, что да. Особенно, если вы проанализируете ситуацию на бирже, а она — загадочна.

6 Каб. редактора «Ньюс» Инт. СССР	Ср. ПНР	С-10	Главный редактор «Ньюс» разговаривал с Дигоном по телефону: — Материалы, которые прислал наш корреспондент из Швейцарии, у меня, и я хочу еще раз посоветоваться с вами.
Дом Дигона Инт. День НРБ	Ср.	С-10	Дигон ответил в обычной своей манере, с мягким стариковским юмором: — Джордж, я не вправе вам советовать, печатайте, что хотите, пусть себе, только мне не совсем понятно, зачем нам позволять позорить американский бизнес? Хватит, право! Надоело! Пусть об этом пишет русская пресса, а не наша... Разве я виноват в том, что адвокат, обслу-

				живающий один из моих банков, подрядился защищать этого самого порнографического сукиного сына?!
497	Каб. редактора «Ньюс» Инт. СССР	Ср.	С-1	— Барри, я считал своим дружеским долгом позвонить вам.
498	Дом Дигона Инт. НРБ	Ср.	С-5	— Спасибо, мой дорогой. Повторяю, я переживу и это, но в данном случае мне просто-напросто обидно за моих коллег. Дигон положил трубку. Лицо его сразу изменилось. Он тут же позвонил Вэлшу. — Майкл, — сказал Дигон.
499	Каб. Вэлша Пав. СССР	Ср.	С-5	Вэлш выслушал Дигона и сказал: — Я немедленно займусь этим вопросом, я сделаю все, чтобы погасить этот скандал в зародыше, не тревожьтесь, Барри.
500	Загородный парк. Нат. Осень СССР	Ср. с движ.	С-20	Ролл и Вэлш встречались на своем старом месте. Они прогуливались по тропинке леса. — Значит, старик забеспокоился? — спросил Ролл. — Я дал совет редактору газеты вынести на первую полосу: Барри Дигона обвиняют в заговоре, — продолжил он. — Впрочем, подробности просил опустить, имя русского журналиста не

			упоминать вовсе. Пусть они пишут о мафии, о доне Валлоне, о гибели актрисы Сфорци, о покушении на инспектора и все такое прочее... скандалу будет придан светский характер, очередная сенсация, которую надо еще документировать, хотя Дигону придется раскошелиться на пару кусков мыла, чтобы отмыться.		
Ул. Женевы Нат. Утро Швейцария	Ср. с движ.	С-20	Мари и Степанов шли по улице. Степанов на ходу просматривал газеты. — **Дигон... опять Дигон... ни слова о Гариваce, просто светская хроника. Надо бы постараться выяснить, кто контролирует пакет акций этих газет,** — он повернулся к Мари. — **В этом, кстати, может быть собака и зарыта...** Мари устало махнула рукой: — **Я ни во что не верю более... просто-напросто мерзко!** — **Это не по-бойцовски... Согласен — мерзко. Но драка продолжается, и мне кажется, что наступил тот момент, когда без помощи вашего отца продолжать эту драку невозможно. Нужен Вернье.**		
Кухня в доме Вэлша Инт. Вечер СССР	Ср.	С-5	Вэлш заканчивал ужинать, когда раздался звонок телефона. Вэлш взял трубку: — **Вэлш!** — сказал он.		

503	Каб. директора ФБР Нав. Вечер СССР	Ср.	С-7	— **Майкл,** — сказал директор, — **вынужден вас потревожить. Предлагаю встретиться сегодня же, в любой час, хоть в полночь, по делу чрезвычайной важности. Я бы рассказал по телефону и выслушал ваши соображения,** — усмехнулся директор, — **но, поскольку в небе летают не только спутники Наса, но и космические корабли конкурирующих организаций, то прошу ко мне.**		
504	»	Кр Ср. ППР	С-8	Директор открыл сейф и положил перед Вэлшем папку: — **Я хочу предварить наше последующее объяснение только одним замечанием, мистер Вэлш... Мы установили за вами наблюдение и выяснили все о вашей личной работе по Гаривасу. Я имею в виду инициативы, тайно замышленные вместе с мистером Роллом, при том, что Дигон был задействован в качестве фигуры прикрытия.**		
505	»	Ср.	С-5	Вэлш ощутил в солнечном сплетении гулкую пустоту, пальцы заледенели; он открыл папку, пролистал страницы, строки ломались, змеились, делались безответными точками и тире.		

Он закурил, попробовал собраться, но никак не мог понять, какую линию поведения следовало выбрать сейчас.

— **Ваши предложения?** — спросил, наконец, Вэлш, чувствуя, как трудно ему говорить: скулы свело, язык сделался сухим и тяжелым.

» Ср. С-30

— **Вы получали деньги от Ролла?** — спросил директор ФБР.

— **Должен был получить,** — радуясь тому, что он может облегчить себя признанием, ответил Вэлш.

— **А от Дигона?**

— **Нет.**

— **Вступая в сговор с Роллом, вы понимали, что можете в своекорыстных целях подвести Соединенные Штаты к грани войны?**

Вэлш молчал.

— **Я хочу, чтобы вы произнесли «да» или «нет», мистер Вэлш... Вы отдавали себе отчет в том, что ваша операция могла поставить Штаты на грань войны?**

— **Да...**

— **Это все, что я хотел от вас услышать. Вы вправе принять решение по поводу того, как следует поступать. Я вас более не смею задерживать.**

Не чувствуя сил подняться, Вэлш вяло спросил:

— И вам давно все это было известно?

— С самого начала.

— С самого начала?! Почему же меня не вызвал к себе шеф? Отчего он не спросил, почему я так поступаю?

— Я думаю, он не станет отвечать вам на этот вопрос, мистер Вэлш, как и вы не стали бы отвечать на подобного рода вопрос своему сотруднику, заподозренному вами в нечестности.

— Но ведь должны быть какие-то нормы морали! Нельзя быть такими жестокими друг к другу! Ведь операцию еще можно остановить! Есть время! Вы понимаете, все еще можно остановить! И вернуть в прежнее состояние! Я готов это сделать из вашего кабинета! Позвольте мне сделать это?! У нас в запасе несколько часов! Вечность!

— Мистер Вэлш, в вашем положении не следует думать о вечности. Я же сказал: у вас мало времени, чтобы принять необходимое решение... Полагаю, в ваших интересах, точнее говоря, в интересах вашей репутации и, таким образом, репутации вашей семьи, это стоит сделать сегодня ночью... — Директор прикрыл ладонью лицо и опустил голову. — Многие придут с вами прощаться, поэтому делайте это не в лицо.

Каб. Вэлша Пав. СССР	Ср. ПНР	Н-5	В кабинете Вэлш закрыл дверь на ключ, включил свет и прошел в туалет. Там он умыл лицо и долго вытирал его перед зеркалом. В кабинете открыл сейф и начал перебирать папки с бумагами.		
Ул. Парижа Нат. Франция	Общ. ПНР	Н-10	Степанов подошел к советскому посольству, позвонил, показал паспорт и вошел во двор.		
Посольство в Париже. Инт. СССР	Ср. ПНР Ср.	С-15	Степанова знобило. — **Температура?** — спросил посол. **Не мерял... знобит... попал под дождь... потом в машине просквозило еще больше.** Посол пошел в соседнюю комнату и вернулся с аптечкой. **— Здесь прекрасный антибиотик, совершенно безвредный...** **— Реклама утверждает?** — спросил Степанов, **— Я,** — ответил Андреенко, **— испробовал на себе, запейте «Боржоми» и заешьте аскорбинкой.** **— И хорошо бы аспирина, Петр Васильевич.** **— Пожалуйста, есть байеровский... ну, что у вас?**		
»	Ср.	С-30	**— У меня то, что Стоянов — великолепный, честный и смелый журналист — вышел на важнейшую тему, тронул болевые точки, связанные с ситуацией в Гаривасе, должен был напечатать**		

комментарий журналистки Кровс, за это его убрали, он мешал. А все, что писали об его отношениях с Мари Кровс — чистая клевета, я с Кровс общался все это время, Петр Васильевич, и нам открылись весьма серьезные обстоятельства и в связи с делом Грацио, и по поводу тревожной ситуации в Гаривасе...

— Я сегодня ужинал с послом Гариваса. Он рассказал мне, что, по его сведениям, однако, не подтвержденным, группа Дигона на днях начинает открытую кампанию против республики...

— А я встречался с одним из лидеров мафии. Как это ни странно, он тоже назвал имя Дигона...

— Почему?

— И я думаю: почему?

Посол усмехнулся:

— Одно из самых моих любимых слов — «почему?» Когда со всех сторон разные силы подталкивают меня к одному решению, настойчиво исключая возможность исследования всех других вероятностей, я сразу же спрашиваю себя: «почему?»

— Дигон стал проявлять особую активность в Гаривасе после того, как там закрепился Грацио. А потом Грацио убили и кто-то начал, причем в тот же день, атаку на акции какао, а Гаривас — монополист этой культуры... Мои коллеги в пресс-центре в один голос утверждают, что

			атаку начал Дигон. Когда игра на бирже достигает апогея, необходимо вмешательство политиков. А пик в этом регионе однозначен: либо переворот, либо интервенция — вне зависимости от того, кто стоит за биржевой спекуляцией. Словом, возможен переворот, но не исключена интервенция. — Одно предшествует другому, — заметил Андреенко.		
11	Каб. Вэлша Пав. Вечер СССР	Ср.	С-10	Вэлш снял трубку и набрал номер. — Джейн, это я. Джейн, иди спать, меня не жди. — Ты задерживаешься? — Да. — Надолго? — Да. Иди спать, Джейн, иди... — Майкл... Вэлш положил трубку. Он закурил, потянулся рукой в сейф и вытащил пистолет.		
1	»	Ср. ПНР Кр.	Н-10	Зажав в зубах сигарету, он прошел в туалет и тихо прикрыл за собой дверь. Сразу с выстрелом дверь рванулась, и Вэлш спиной влетел в		

				комнату. На полке перед зеркалом свечой стояла и дымилась сигарета.
513	Каб. Санчеса Инт. НРБ	Ср.	С-20	— **Да, уважаемый посол,** — сказал Санчес.— **Все, о чем вы сообщили, сходится с нашей информацией. Да, ситуация сложная. И кто-то делает все, чтобы больше ее усложнить. Да, нас хотят загнать в угол... Сегодня майор Лопес выступит по национальному телевидению, он будет говорить от имени правительства, мы хотим положить конец слухам о заговоре, путче, кризисе власти, экономическом крахе и так далее...** Санчес рассеянно достал из кармана куртки алюминиевый цилиндр с «упманом». **— Вы считаете такого рода слухи провокацией?** — тихо спросил посол. **А вы?** — так же тихо произнес Санчес. — **У вас есть факты? Вас уполномочили сообщить мне об этом? Я готов выслушать.** **— Меня уполномочили довести до вашего сведения, гражданин премьер, что правительство Советского Союза готово рассмотреть в положительном смысле ваше обращение, если вы посчитаете его целесообразным, начать немедленные переговоры с целью заключения договора о дружбе и взаимной помощи.** **— Это повод северному соседу заподозрить республику в том, что мы хотим предоставить вам военные базы.**

— Я передал вам то, что меня уполномочило передать мое правительство. Полагаю, однако, что такого рода договор мог бы оказать сдерживающее влияние... и не на одного только северного соседа, но и на некоторые, союзные ему режимы...

» | Ср. | С-15 | Санчес хрустнул пальцами, поднялся, отошел к огромному, чуть не во всю стену окну, прижался лбом к толстому, зеркальному с голубым отливом стеклу и сказал с каким-то мучительным, как показалось послу, сомнением:

— Я думаю, что в политике необходимо до конца, пока только можно, следовать выбранному курсу. Я жду сообщение из Европы, понимаете? Грацио, который должен был заключить с нами договор, мертв! Мои коллеги беседовали с его ближайшими сотрудниками... Те считают, что начал он... если нет... что ж, значит, настало время для принятия нового решения... Я сегодня же проинформирую моих коллег о предложении Москвы, я прошу вас передать мою благодарность вашему лидеру. — Он усмехнулся. — Я не учен протоколу, с этого, видимо, и следовало начинать... я просил бы вас быть у меня завтра в восемь утра... я буду готов к ответу...

515	»	Ср.	С-7	— **Хорошо, гражданин премьер, я буду у вас в восемь... Я хотел бы... словом, я работал в Чили... Я не смею проводить параллели, это, действительно, вещь опасная, но бывают такие часы, когда не принятое вовремя решение оборачивается национальной катастрофой...**
516	Двор резиденции. Нат. НРБ	Ср. Общ.	Н-5	Машина посла выехала за ворота.
517	Каб. Санчеса Инт. НРБ	Ср. ППР	С-15	**— Разговор был риторическим, без фактов, так?** — Майор Лопес расхаживал по кабинету и жестикулировал руками. — **Посол сказал то, что мы знаем сами, и сами все чувствуем. Они нам предлагают дружбу? Очень хорошо... никто от дружеских отношений отказываться не должен... но... только на расстоянии протянутой руки... только... Они поняли: пришло время и им получить свой кусок пирога и, слава богу, что у нас в правительстве нет ни социалистов, ни коммунистов. И ты, Мигель, прав, надо быть жестким в избранном пути. Ситуация сегодняшнего дня такая же, как и вчера, а вчерашняя — как позавчерашняя. Какой же смысл срочности созыва кабинета? Только потому, что ты встретился с послом? Зачем нам так поспешно реагировать на их предложения? Потом, это не останется незамеченным... зачем еще больше раскачивать**

			корабль? Нынешнюю ситуацию вокруг нашей страны я расцениваю только как кампанию психологического давления. Об этом я буду говорить по телевидению.		
»	Общ. Ср.	С-7	Лопес направился к выходу из кабинета. У двери он остановился и взялся за ручку: **— Вот мои соображения, Мигель. Ты вправе поступить иначе. Если не возражаешь, я пойду. Хочу подготовиться к выступлению. У тебя кондиционер слишком гонит холод,** — улыбнулся Лопес. **— Ты можешь простудиться, Мигель.** Он вышел из кабинета.		
»	Ср.	С-7	Санчес закрыл глаза и откинулся на спинку своего высокого стула, потом он снял трубку телефона и долго набирал номер. **— Здравствуй, это я...** **— Боже мой... я узнала...** **— Как ты? У вас сейчас ночь?**		
Кв. Мари Инт. СССР	Ср.	С-5	**— Да. Ночь. Ты читал, что я... мне можно говорить?** — Мари сбросила одеало и села.		
Каб. Санчеса Инт. НРБ	Ср.	С-20	**— Не знаю... говори... Наверное, нельзя, но ты говори, я очень хочу слышать тебя, говори...** **— Что с тобой? У тебя ужасный голос... ты болен?**		

— Я здоров, любимая... расскажи, как у тебя дома, какого цвета абажур на лампе, что ты читаешь... Пожалуйста, говори не быстро, подробно, будто ты рядом, ну...

— Я не верю... это ты? Назови мне свой телефон, я перезвоню, я не верю...

— Что нужно сделать, чтобы ты поверила?

— Хочешь, я спою тебе нашу песенку, «Шене кнайпе ам унзере штрассе».

Мари расплакалась.

— Родной мой, у меня на сердце тяжело, говорят, что надвигается самое плохое... я прилечу к тебе.

— Вот после этого плохого ты и сможешь сюда прилететь... И мы тогда будем иметь право жить вместе.

522	Кв. Мари Инт. СССР	Ср.	С-10	— Да! Да, да! Я утром лечу к папе, в Париж. Мне очень нужна его помощь. Ты понимаешь? Почему ты молчишь? Отвечай мне! Ты слышишь? Мигель!

Каб. Санчеса Инт День. НРБ.	Ср.	С-10	— Помнишь, как я замерз, а ты говорила, что я тропическое растение, и грела каждый мой палец. Помнишь? А я помню. Я знаю, ты всегда думаешь обо мне. Ты делаешь все, чтобы мне было спокойно. Я горжусь тобой. Ты мне очень нужна.		
Кв. Мари Инт. Ночь СССР	Ср.	С-10	Мари слушала и плакала. — Я целую тебя, Мари, я тебя люблю.		
Каб. Санчеса Инт. НРБ	Ср. Общ. ПНР	С-14	Санчес медленно положил трубку и вышел. — Когда придет счет за разговор с Европой, передайте его мне. Это был личный разговор. — Французский журналист Бреннер просил о встрече, — сказала секретарь. — Да, я обещал ему. Завтра, после разговора с советским послом, я приму его. Соедините меня с «клубом де пескадорес». Алло, — сказал Санчес, — Вьехо, нет сил, хочу сегодня вечером отдохнуть за хорошей пирамидой, ты не против? — Приезжай, малыш, — улыбнулся старик.— Я обдеру тебя, как липку. Ты позволишь позвать моего Пепе?		
»	Ср Общ. ПНР	С-10	— Какого Пепе? — Моего внучка, я тебе говорил, он щиплет гитару и поет. — Ах, да... хорошо, позови. Только я плохой ценитель и пусть он не надеется, что я поведу его за руку. Будет сдавать конкурсный экзамен, как все...		

				Санчес пошел через анфиладу комнат к выходу. Карденас передвинул кольт со спины на живот и пошел следом.
527	Номер в «Интерконтиненталe» Инт. НРБ	Ср.	С-26	Джеймс Боу отбросил газету и встал с дивана. Он походил по комнате и снял трубку телефона. **— Говорит Боу. Ты еще не спал?** **— Нет.** **— Слушай, дело стоит того, чтобы мы выпили с тобой по стакану молока. Как ты относишься к этому?** **— Без молока не уснешь?** **— Боюсь, что нет...** **— Приезжай... только возьми такси, ладно? И останови его на углу, не доезжая моего дома.** **— Ах, даже так?** **— Всегда так, Джеймс...**
528	Библиотека в кв. директора ЦРУ ИНТ СССР	Общ.	С-40	Директор провел Боу в комнату. Слышалась музыка и молодые голоса. **— Вечеринка у детей,** — пояснил хозяин. — **Пусть лучше сходят с ума дома, чем в дискотеках, такая грязь, такое падение нравов...** **— Внеси предложение взять дискотеки под контроль,** — усмехнулся Джеймс. — **Только тогда где станешь черпать кадры осведомителей?**

— Ты несносный циник, старина. Что стряслось?

— Дай молока. Я, действительно, не могу без хорошего молока. А в отеле от меня шарахаются, дают только по утрам, вечером изволь пить пиво...

— Сними пиджак, сейчас принесу...

Лишь после того, как Боу жадно выпил целый пакет молока, он достал платок, вытер лоб, расстегнул воротник мокрой рубашки и сказал:

— Слушай, старина, возникает любопытная штука... Вокруг интересующих тебя людей, особенно вокруг майора Лопеса, ходят парни Дигона, Рокфеллера и Дэвида Ролла...

— Ты преувеличиваешь...

— Нет, это, действительно, так... и они замыкались на Майкле Вэлше, был у тебя такой? В газетах написали, что он умер.

— Да, острая сердечная недостаточность... Только ради этого ты примчался ночью?

— Погоди, старина, погоди... Мы с тобою, по-моему, последний раз хитрили в Канзас-сити, подсовывая друг другу содовую, чтобы не пить водку, которой нас там хотели накачать... Что случилось?

— Ты сошел с ума! — директор даже закурил. — Как тебе не совестно? Я хитрю с врагами и мне за это платят деньги, этой мой бизнес,

но я никогда не хитрю со своими, не говоря уже о друзьях...

Боу сунул в рот мятную сигарету, как и обычно, не стал прикуривать, снова полез за платком, скомкал его в кулаке, начал вытирать со лба быстрые струи пота, потом тихо засмеялся:

— Хорошо, старина, ты так отменно ответил, ты же всегда был у нас самым ловким... я все понял... я понял теперь все...

— Что ты понял, Джеймс?

Он спросил это так, что Боу вдруг испугался.

— Зачем я полез в это дело? — сказал он. — Старая дружба, братья по колледжу, сентиментальная блевотина! Я понял, что зря полез в это дело, потому что похож на слона в лавке, где торгуют китайским фарфором... Вы — ювелиры, а я в детстве объезжал коней...

529 » Ср. х Ср | С-15

— Именно поэтому я и попросил тебя войти в дело, — прежним голосом, полным дружелюбия и простоты, заключил директор. — Мне надо, чтобы ты объездил диких испанских жеребцов. Мои ювелиры этого не сделают, а что касается фамилий, которые тебе попались из числа наших финансовых спрутов, то выкинь их из головы, ими занимаются другие люди, а скорее всего, это ловко состряпанная дезинформация, которую проглотили мои мальчики, отдав за это изрядную сумму из нашего годового бюджета...

			Если ты помнишь, я обещал тебе назвать те акции, которые следует купить... Знаешь, как самому близкому другу, посоветую тебе обратиться за информацией к Роберту Карру, это парень с хваткой, он даст тебе точный совет, повторяю, ты застрахован от неудачи, я — отвечаю...		
Салон самолета Инт. СССР	Ср.	СТ-15	Мари летела в самолете и думала, как она начнет разговор с отцом: «Па, не сердись на меня...», «Па, прости меня, если можешь», «Па, помоги мне...» нет, слишком много «меня», «мне»,.. я ушла, обидев его... а когда мне стало плохо — решила вернуться... либо я, либо твоя Гала! Господи, как же я посмела ему сказать такое?.. Какие у него тогда были глаза... он ничего не ответил, бедный мой, старый па...		
Облака. Земля сверху Нат. СССР	Общ.	СТ-8	— Я скажу не так, — подумала она. — Я просто позвоню, скажу: мой друг в беде и только ты, па, можешь ему помочь, я знаю, ты меня всегда любил и я всегда любила и буду любить тебя.		
Салон самолета Инт.	Ср.	СТ-10	— Я очень хочу, чтобы ты это знал... я всегда гордилась тобой, когда ты выступал со своими обзорами в газетах... только ты можешь помочь Мигелю. Господи, только бы ты успел помочь...		

533	Аэропорт Шарля де Голля Франция	Ср. ПНР Ср.	С-25	Мари прошла паспортный контроль и тут же подошла к телефону-автомату. — **Добрый день,** — сказала Мари. — **Здравствуйте, Гала, как поживаете?** — **Мари?!** — голос женщины был ликующим. — **Вернье!** — закричала она. — **Скорее, это Мари! Здравствуй, Мари! Где ты?** — **В Париже.** — **Папа бежит! Он в ванной читает газеты! Скорее приезжай! Хочешь, я тебя встречу? Ты обедала? У меня есть сказочная рыба! Папа говорит, ты ее обожаешь! Он только что снова вспоминал о тебе...** — **Маленькое чудо мое, здравствуй, рысеныш, где ты, скорее приезжай, ну, пожалуйста... или...** — **Я еду, па... Я очень счастлива, что увижу тебя...** Мари вышла из автомата. Женщина, следившая за ней в самолете, вошла в будку, набрала номер телефона и сказала: — **Она поехала к отцу... номер телефона...** Ее перебили. — **Мы знаем, спасибо.**
534	Лестн. и дверь кв. Вернье Инт. СССР	Общ Ср. Кр.	II-10	Два человека поднялись по лестнице и над косяком двери квартиры Вернье прикрепили крохотную черную кнопку.

35	Салон машины Нат. СССР	Ср.	С-20	В машине сидело двое — резидент и его сотрудник Герберт. Прослушивалось все, что происходило в доме Вернье. Голос Гала: — **Кому чай, кому кофе... все готово.** Чирканье спички, голос Мари, она говорила по телефону: **— Да, алло... мне нужен мсье Степанов... Алло оставьте ему записку... да... его разыскивает Мари Кровс... да... Мари Кровс.** Голос Вернье: **— Да, девочка, я договорился, и это будет завтра в десять утра.** **— Ты убежден, что все придут?** — тихо спросила Мари. — **Я очень боюсь, папочка, что они испугаются... у меня так было... испугались... или их замолчали...** **— Ну, хорошо, давай еще раз вместе проиграем ситуацию,** — сказал Вернье. — **Поправляй, если тебе кажется, что я не прав...** Резидент недоуменно посмотрел на Герберта, потому что внезапно возник какой-то странный, всасывающий звук. **— Это он так пьет кофе, сосет, как телок.**		
36	Кв. Вернье Пав. СССР	Ср. Общ.	С-15	Вернье долил себе кофе, бросил еще одну крупицу сахарина из плоской коробочки:			

— Смотри, что происходит... Я, Вернье, консерватор, чем горд и никогда не считал нужным это скрывать, пригласил на завтра с санкции ректора Сорбонны ведущих обозревателей, профессуру, телевидение, радио и своих студентов... Согласись, надо было прожить пятьдесят шесть лет и, видимо, неплохо прожить, чтобы мне отдали для этой пресс-конференции зал в Сорбонне, причем бесплатно, хотя я мог бы поднатужиться и уплатить десяток тысяч франков за аренду помещения... Я, видимо, действительно, неплохо прожил эти мои годы, если на приглашение откликнулось сто сорок человек. Фу, какой хвастун, — рассмеялся он.

537 Салон машины Нат. СССР — Ср. — С-10

— Отчего он так часто смеется? — спросил резидент. — Совершенно без причин...

— Вообще-то верно, — ответил Герберт. — Но он очень счастлив. К нему приехала дочь. Они были в ссоре последние месяцы.

— Из-за его бабы?

— Да.

— Он, что, очень переживал?

— Очень.

538 Кв. Вернье Пав. СССР — Общ. — С-25

— Завтра в десять утра я расскажу общественности, кто стоит за ситуацией в Гаривасе. Я проанализирую персоналии, связи, пунктиры большой политики... Я приглашу слушате-

лей к исследованию определенных симптомов на биржах в связи с Гаривасом... Я назову имена не только Дигона, а о нем отчего-то слишком много говорят, организованно, заметил бы я, но и Дэвида Ролла, и других, о которых молчат, но чьи люди проявляют любопытную, хоть и «теневую» активность на биржах. Поэтому моя завтрашняя конференция пройдет как лозунг: я обвиняю! И это будет говорить не коммунист и не социал-демократ, а старый толстый консерватор Вернье, понимаешь мой ход?

Мари закурила:

— Ну, а если в газетах появится всего пять строчек о пресс-конференции, а про твой реферат с ответами на вопросы вообще не напишут? Замолчат, не заметят... тогда все окажется выстрелом из пушки по воробьям...

— Вот тогда, девочка, я пойду к коммунистам, пойду послезавтра, как только прочитаю утренние газеты, и отдам им все мои документы... Увы, к словам перебежчиков относятся, хотя бы на первых порах, с обостренным интересом... прочитают, поверь мне, прочитают. Я сделаю достоянием гласности то, что смог понять сам. После публикации моих материалов им не отмыться.

9	Салон машины Нат. СССР	Ср.	С-10	— Что она ответила? — спросил резидент, напряженно вслушиваясь в тишину. Берберт пожал плечами. — Наверное, она кивнула головой.

540	Кв. Вернье Пав. СССР	Общ.	С-8	
541	Ул. Парижа Нат. Франция	Общ. из машины Ср. х Ср.	С-35	

Резидент вынул фото Мари и Вернье.

— Мне, откровенно говоря, этого не очень хочется, но, слушая отца и дочь, я убеждаюсь, что операцию надо провести сегодня же.

Резидент включил радио и сказал:

— Срочно сообщите «Джорджу», пусть едет ко мне навстречу и предупредите «племянника».

— Ладно, едем в ресторан на Рю Муфтар, там договорим, — он обнял Мари. — **Гала, где у тебя машина?** — крикнул он на кухню.

Фрэнк По подрулил к тротуару, выключил мотор и стал ждать. Среди редких прохожих он увидел резидента. Тот заметил Фрэнка, направился к нему и сел в машину.

— На связь идите с соблюдением конспирации, Фрэнк, в баре «Гренобль» есть хороший выход во двор, окажетесь на Рю Гроте, прямо напротив входа в метро, если за вами пойдут — наверняка увидите, если будете убеждены, что все в порядке, доезжайте до Форт Дофин, позвоните по телефону 542-62-69, представьтесь, как «Якуб Назари». Вам предложат встречу в баре «Жорж Санд». Это значит, что вас будут ждать в «Пти Серкль», за столиком возле лестницы на втором этаже, через полчаса после того времени, которое назовут для свидания в «Жорж Санд»... вас встретит мужчина в сером костюме и сине-белой рубашке. На столе бу-

дут лежать три гвоздики: белая, красная и розовая. Скажите ему, что приехали из Стамбула, привезли привет и письмо от «Казема»... Вот, возьмите эти фотографии, покажите ему и назовите два адреса, здешний, на Рю Вашингтон, и критский ресторан на Рю Муфтар.

Он достал из кармана две фотографии, протянул Фрэнку, тот, лишь только взглянув, спросил:

— Вернье и Мари Кровс?

— Вы их знаете?

— Ее знаю хорошо, его тоже, только он не входит в сферу моего интереса.

— А как вы относитесь к ней?

— Славная девка, с хорошим паром, — ответил Фрэнк.

— Ну-ну.

— Я не прав?

— Я вам этого не сказал.

— Нет, действительно, ее ждет большое будущее, она добрый человек и здорово работает.

— Хорошо, пусть себе работает... Скажите вашему контакту, что у него есть время встретиться с ними до ночи, потом будет поздно. Он станет выдвигать условия. Соглашайтесь на все, не вздумайте выходить со мной на связь. Повторяю: принимайте все его условия.

— Я не очень-то умею делать дело, когда не понимаю его.

— Потом поймете... Это в ваших же интересах, Фрэнк. Валяйте, у меня много работы. Соберитесь, дело очень важное.

542	Ресторан «Пти Серкль» Инт. Франция	Ср.	С-30	Мужчина сидел за столом у лестницы и рукой поглаживал гвоздики. Подошел официант. — Пожалуйста, поставьте цветы в вазу, они завянут без воды. — Эти с толстыми ножками, мсье, — возразил официант. — Такие могут долго стоять и без воды, но если вам хочется вазу, я принесу. Какого цвета? Белого, если можно. — Да, мсье. — Благодарю вас. — Мсье, это моя работа...

— **Добрый вечер, у вас свободно?** — спросил Фрэнк, подойдя к седому.

— **Я только что приехал из Стамбула...**

— **Присядьте...**

— **Я привез привет и письмо от Казема...**

— **Я так и понял, что это вы... Меня зовут Пьер Ниссо...**

— **Меня зовут Якуб Назри.**

— **Очень приятно**, — ответил Ниссо и обратился к Фрэнку: — **Говорите по-турецки?**

Фрэнк покачал головой:

— **Я родился на Кипре, жил в греческой общине.**

Ниссо удовлетворенно кивнул, закурил тонкую черную сигару, спросил:

— **Что будете пить?**

— **Виски.**

— **Со льдом?**

— **Да.**

— **А я возьму пастис, чем-то напоминает греческую водку, не находите?**

— **Нахожу.**

— **Помоем руки?**

— **Непременно.**

543	Лести. и туалет в рест. «Пти Серкль Инт. СССР	Ср. х Ср.	С-8	Они спустились в полуподвал, там, возле будки телефона-автомата были уборные, они вошли в тесную комнатку. Ниссо запер дверь, пустил воду и сказал: — **Ну, что у вас, давайте.**
544	»	Ср.	С-35	Фрэнк молча протянул ему фотографии. Ниссо глянул на них мельком, вернул Фрэнку: — **Я знаю этих людей и в нашей картотеке имеются фотографии лучше, чем ваши. Где они?** — **На Рю Вашингтон — до девяти. Потом они будут на Рю Муфтар в Критском ресторане...** — **Хорошо... теперь о деле... я имею в виду наше дело, мистер Назри... мои друзья заинтересованы в приобретении пяти миль пляжа вдоль по берегу Параны, в Парагвае...** — **Вас интересует финансирование?** — **Эти земли принадлежат «Юнион Пасифик»... надо, чтобы ваши друзья подействовали на людей этого концерна.** — **Считайте, что вы приобрели эту землю.** — **Мои друзья будут удовлетворены таким ответом.** Ниссо достал из внутреннего кармана пиджака портмоне, открыл его, достал листок тонкой бумаги: — **Прочитайте и подпишите,** — сказал он.

Фрэнк пробежал глазами: «**По поручению моих друзей я гарантирую, что земля по реке Парана в Парагвае, находящаяся ныне во владении фирмы «Юнион Пасифик», будет продана в течение ноября-декабря сего года тому, кто предъявит эту бумагу».**

— **У меня нет ручки.**

— **У меня есть,** — ответил Ниссо и протянул Фрэнку ручку.

Фрэнк подписал так, чтобы не коснуться бумаги пальцами.

Ниссо покачал головой:

— **И оттисните два пальца подле вашей подписи, Назри, бумага соответствующим образом обработана, доказательство должно быть абсолютным.**

Ниссо помыл руки, брызнул чуть-чуть воды на лацкан, всего две капли, но так, чтобы они были заметны, стряхнул несколько капель на левую брючину, вышел из туалета, снял трубку телефона и, закрыв собой диск так, чтобы Фрэнк не мог видеть цифр, набрал номер.

— **Алло, это я. Видимо, задержусь к началу оперы, поезжайте без меня, ясно?**

— **Да, месье Ниссо, я понял.**

Человек положил трубку телефонного аппарата, рывком поднялся и пошел в темную спальню.

На огромной кровати лежал маленький длинноволосый парень.

— **Пойдем,** — сказал человек. — **Пойдем, я сделаю тебе массаж, прекрасный массаж, пойдем... Серж.**

Серж поднялся. Когда он сел на кровати, стало видно, какое у него оплывшее лицо, как тяжелы мешки под глазами, рыжие кудри, чрезмерно подвитые, зловеще подчеркивали несоответствие с большими кукольными глазами и детскими веснушками.

Он медленно встал с кровати, слепо пошел к зеркальной стене, толкнул ее ладонью, часть стены отворилась, — это была дверь в громадную, в черном кафеле, ванную.

Серж сбросил шорты, обрушился на массивный стол, лающе зевнул, заметил:

— **Очень болит шея.**

516 » Ср. С-35

— **А здесь самое отложение солей,** — сказал человек, выдавил крем на ладони, и начал массировать спину Сержа, — **Сейчас ты почувствуешь силу, кровь прильет к коже, будет острый, игольчатый жар, он станет расходиться по мышцам, они поначалу замрут, особенно вот эти, продольные мускулы спины, а потом начнут медленно сжиматься, как перед броском, самым главным броском твоей жизни, когда все изменится и ты получишь то, о чем**

другие мечтают всю жизнь. Тебе осталось ждать часы, всего несколько часов, и мышцы можно будет расслабить, ну-ка, повернись... дай мне твою левую руку... правая сильней, но левая главная, разожми ладонь, нет, еще, еще... расслабься, совсем расслабься, вот так, ну, молодец, вот какая у тебя длинная линия жизни, смотри, она рассекает ладонь какая она глубокая и резкая. А вот эти бугры, ты чувствуешь, какие они крепкие, это бугры Венеры, это твоя жизненная сила, женщины млеют с тобой, ты их повелитель. А теперь опусти руки, я разогрел их, они будут крепко держать большую и тяжелую рукоять пистолета. Ты так хорошо бьешь навскидку, ты разишь без промаха, твой тренер был мерзавцем и гадом, когда он отдал тебя судьям, он мог им не сказать про укол, он обязан был молчать, а он продал тебя, пусть пеняет на себя, его просили добром, и я его просил добром, я унижался перед ним, а мы не прощаем никому унижения, разве ты простил

унижение, Серж? Вот видишь, значит, ты согласен со мною... Ну-ка, расслабь икры, я должен хорошо их промять, чтобы тебе было легко взбросить тело в седло и дать газ, и пронестись мимо, и сделать три выстрела, три твоих выстрела, а за углом, как и тогда, будет стоять машина, и за рулем, как и тогда буду сидеть я, и утром мы будем в Марселе, а через три дня станем охотиться в Сицилии, и мы будем с тобою пить красное шипучее вино, и купаться в бассейне, и тогда я позволю Сузанне сделать тебе массаж. **А сейчас тебе маленькая порция самого хорошего героина, в тебе будет легкость, веселая юношеская легкость, ну-ка, давай, поднимайся, я иду греть шприц. Вставай, Серж, вставай...**

547 Комната Пепе Инт. НРБ | Общ. | С-35 | Ромеро и Бонифасио сидели в разных концах комнаты и пощипывали струны гитар.

В комнату вбежал радостный Пепе и закричал:

— Собирайтесь, парни, едем. Собирайтесь ско-

рей, надену кремовые брюки и едем...

Пепе вышел.

Бонифасио и Ромеро положили гитары в большие чехлы из твердой кожи, быстро проверили маленькие автоматы, спрятанные в потайные карманы футляра. Бонифасио подошел к телефону, набрал номер и спросил:

— Дома ли сеньорина? Передайте: через полчаса игра.

Он положил трубку, поманил Ромеро и тихо сказал:

— Повторяю, все по плану. По дорожкам клуба к пирсу. Там катер. Падаем на палубу.

				Голов не поднимать. На отход в безопасную зону требуется всего три минуты. Старика надо сохранить. С Пепе хотят работать дальше. Когда Пепе вернулся в комнату, Ромеро и Бонифасио переглянулись: парень был неузнаваем — в расклешенных светлых брюках, шелковой приталенной рубашке он был необыкновенно красив. — **Едем,** — сказал он. — **Время.**
548	Улицы столицы Гаривaса Нат. НРБ	Общ. Ср. с движ.	С-25	В машине Ромеро потер лицо жесткой ладонью и сказал: — **Только не торопитесь с первым куплетом, Пепито... Песни революции не имеют права быть суетливыми...** — **Я знаю,** — ответил Пепе. — **Но в них не очень-то заявишь свою индивидуальность...** — **Заявишь, если постараешься,** — усмехнулся Ромеро. — **Ты, конечно, прав, революционные песни лучше петь хором, но в Гаване умеют это делать сольно.** — **Ты был на Кубе?** — спросил Пепе. Ромеро отрицательно покачал головой: — **Рассказывали...** — **Парни,** — спросил Пепе, — **а отчего вы никогда не улыбаетесь?** — **Морщин боимся,** — ответил Бонифасио, и засмеялся. Пепе сокрушенно покачал головой.

— Фу, черт,как волнуюсь... просто немею когда волнуюсь.

— А ты расслабься, — посоветовал Бонифасио. — Ты прикажи каждому своему мускулу отдыхать, ты говори каждому бицепсу: «маленький, ну, пожалуйста, отдыхай, бери из воздуха кислород, гоняй его по крови, я сейчас должен петь перед нашим премьером, от этого зависит мое будущее, если я ему понравлюсь, меня возьмут в театр и на телевидение, я стану ездить по миру, буду зарабатывать большие деньги, про меня будут писать газеты, вот так надо говорить со своим телом... Все, веди машину и не мешай нам с Ромеро расслабиться, мы ведь тоже хотим понравиться полковнику Санчесу...

комната с балконом Инт. НРБ	Общ.	С-5	Адольфио осмотрел с балкона улицу и вернулся в комнату. — **Место превосходное,** — сказал он.
комната винера Инт. НРБ	Общ. Ср.	Н-5	На другой стороне улицы, в доме напротив, у окна сидел человек. Он в бинокль видел все, что происходило здесь, в этой комнате. Подошла старушка и поставила перед ним чашку кофе.

551	Комната с балконом Инт. НРБ	Ср.	С-20	— **Как только автомобиль выедет из президентского дворца,** — сказал Адольфио, — **позвонит «Сатторе», он спросит, нельзя ли попросить к телефону Эусебио, это значит, через восемь минут машина будет здесь, ровно через восемь минут по секундомеру.** Он посчитал сложенные на полу гранаты, проверил автоматы и подал Гансу и Йогану пуленепробиваемые жилеты. — **Пора!** — сказал он и продолжал: — **операция должна занять двадцать секунд. Сбежать по лестнице во двор, это уже тридцать, сорок секунд. Там вас будет ждать «Здравко» в автомобиле марки «Фиат». Он вывезет вас на Авениду де Либертал, к дому 174, затормозит возле автомобиля «Мерседес», ключ в замке зажигания, вы пересаживаетесь в эту машину и отправляетесь в мотель «Холидей инк», два номера для вас забронированы, вечером «Сатторе» забирает вас и отвозит в порт, там стоит лайнер «Гамбург», отправление в 23.50. «Сатторе» вручает каждому по семь тысяч долларов, следующая встреча в Западном Берлине. В испанском ресторане на Курфюрстендам через сорок семь дней. В двадцать три часа по среднеевропейскому времени. Вот все,** — он пожал им руки. — **А если что-нибудь сорвется?** — спросил Йоган.

				— **Тогда нас с тобой арестуют и будут пытать,** — улыбнулся Ганс. — **Не дурите, ребята, здесь нет вариантов,** — Адольфио снял трубку телефона, проверил гудок, аккуратно положил ее на место и пошел к двери.	
52	К-та снайпера. Инт. НРБ	Общ. Ср.	Н-10	Когда человек в доме напротив увидел, что оставшиеся в комнате уже надели жилеты, он отложил бинокль, открыл футляр и стал собирать винтовку с оптическим прицелом.	
71	Каб. Прадо Инт. НРБ	Ср	С-15	В кабинет министра энергетики и планирования Энрике Прадо вошел его шофер. Он взволнованно сказал. — **Энрике, жена не смогла к вам дозвониться и просила срочно приехать. Ваша мама при смерти.** Прадо поднял трубку и трясущимися руками набрал номер, но дома никто не отвечал. — **Быстро, поехали!** — бросил он шоферу и выскочил из кабинета.	
	Ул. столицы Гариваса. Нат. НРБ	Ср.	С-15	— **Что случилось?** — спросил Прадо. — **Я собирался к вам и вдруг слышу крик...** Шофер не закончил говорить: руль повело и он затормозил машину, выскочил на дорогу, выругался, — спустило левое колесо.	

				Прадо вышел на середину улицы, из-за поворота появился малолитражный автомобиль, он поднял руку, водитель притормозил. — **У меня дома несчастье, пожалуйста, гражданин, отвезите на улицу Куэнка,** — попросил Прадо. — **Садись,** — буркнул водитель.
555	Ул. столицы Гариваса. Нат. НРБ	Ср.	С-25	Один из пассажиров открыл дверь. Прадо впрыгнул в салон и сразу же ощутил руки трех людей, которые намертво втиснули его в мягкое сиденье. — **Гражданин министр,** — сказал тот, что сидел в самом конце салона, — **ваша мама здорова, у нас есть пятнадцать минут для беседы, мы не террористы, ваша жизнь вне опасности, пожалуйста, ведите себя разумнее, сейчас мы приедем в дом, откуда мы свяжем вас с семьей... вам не уйти... Мой шофер видел вашу машину. Премьер поднимет силы безопасности,** — тихо сказал Прадо. — **Шофера уже везут на север, в Сельву, он будет молчать, мы двигали его к вам пять месяцев, гражданин министр,** — ответил тот, кто

				сидел сзади, в огромных очках. — **Что же касается Санчеса, то он будет убит через несколько минут.** **— Что же вы медлите со мной, грязные свиньи?!** **— Не надо нас оскорблять, гражданин Прадо. Не надо. Это эмоции, а вы — логик.**		
556	Двор гасиенды. Нат. НРБ	Общ.	II-15	Машина на огромной скорости влетела в ворота особняка на окраине города. Шофер резко притормозил возле длинной стеклянной гасиенды. Прадо подтолкнули пистолетами, он вылез.		
	Холл гасиенды. Инт. НРБ	Общ. Ср. с движ.	С-20	Его ввели в холл. В низком кресле сидел толстый потный Джеймс Боу. Он тяжело поднялся в кресле, указал на телефон. **— Звоните домой, мистер Прадо.** Прадо набрал номер, по-прежнему не в силах сдержать дрожь в руках:		

— **Ты присылала ко мне Хорхе?** — спросил Прадо.

— **Нет. Что-нибудь случилось?**
— **Как мама?**
— **Позвать ее? Она в саду...**
— **Да, позови, пожалуйста...**

Боу посмотрел на часы.
— **Я слушаю тебя, Энрике,** — услыхал он голос матери и сразу же тело обмякло, почувствовал, как ему подставили стул.
— **Мама??**

— **У тебя странный голос... что с тобой?**
лос... что с тобой?
— **Нет, нет. Со мной все хорошо.**
— **Ты приедешь вовремя?**
— **Непременно,** — ответил Прадо. — **Я обязательно приеду, мамочка, до свидания, родная...**
— **Что с тобой, Энрике? У тебя плохой голос...**
— **Я немного устал, это пройдет, ты же знаешь, у меня так бывает...**

558	Холл гасиенды. Инт. НРБ	Ср. ПНР х Ср.	С-25	Он положил трубку, посмотрел на потного толстяка и медленно поднялся: — **Делайте ваше дело, только позвольте мне помолиться перед тем, как все кончится.**

— Все только начинается, мистер Прадо, — сказал Джеймс Боу. — Позвольте представиться: я защищаю интересы тех, кто заинтересован в том, чтобы Гаривас стал стабильным государством, сориентированным на постоянно-дружеские отношения с Соединенными Штатами...

— И для этого, — Прадо кивнул на усатого, — собираются убить Санчеса?

— Именно так, — вздохнул Боу. — Но делают это не из желания крови, но для того лишь, чтобы в кресло премьер-министра сел компетентный человек, технократ, способный жить не лозунгом или отвлеченной идеей, но холодным расчетом, который, прежде всего, угоден полуголодному, неграмотному народу. Таким человеком мы считаем вас, мистер Прадо...

— Как вы смеете обращаться ко мне с таким гнусным предложением?! Кончайте ваше дело! Я не боюсь смерти! Я боюсь позора!

— Все боятся позора, мистер Прадо, — по-прежнему спокойно, без всякого выражения, согласился Боу. — Особенно испанцы, помешанные на кодексе чести. У нас остались считанные минуты, мистер Прадо, нам нужно договориться, потом мы передадим вам текст речи

для выступления по телевидению, надо прочитать его пару раз, чтобы выступать без бумажки...

— Я сказал,—повторил Прадо, — Я не боюсь смерти! Я не из породы продажных шлюх!

Боу повернулся к усатому:

— Забери своих людей. Оставь нас одних.

Трое вышли. Боу отошел к окну, взял с подоконника тонкий, тисненной кожи «дипломат», открыл его, достал папку. Поманил Прадо, ткнул пальцем в страницы:

559 Ср. С-75

— Тут материалы, которые мы собирали на вас, мистер Прадо... Вы сказали, что боитесь позора... я верю вам. Вас никто не собирается убивать, потому что вы не угрожаете нам, в вас нет честолюбивых амбиций вождя нации, вы, действительно, технократ, а не идеолог... Если вы откажетесь от нашего предложения, мы позволим вам уехать домой, словом, вы вернетесь домой, у нас есть выбор, мистер Прадо, у нас есть три кандидата на пост премьера, и они уже

дали согласие; они ждут в соседней комнате... и если кто-то из них решит — через пару недель или месяцев — привлечь вас к суду, это их дело, мы не станем мешать...

— Меня не за что привлекать к суду, я ни в чем не виноват.

— Мистер Прадо, каждый человек на этой грешной земле в чем-то виноват... каждый... без исключения... Меня, например, можно посадить на электрический стул, если поднять—по дням—всю мою жизнь, хотя я не брал взяток, не грабил банки, не насиловал и не убивал министров... Но я жил и действовал, мистер Прадо, а жизнь—ной активных поступков... Вы, например, перестали ходить к Дону Хоакину после того, как его дочь, Жосефина, сделала от вас аборт, но доктор оказался малокомпетентным и женщина стала инвалидом. Бесплодие... и прочие бабские неприятности... Вы думаете, Дон Хоакин забыл об этом? Он помнит, — Боу снова ткнул указательным пальцем в сколотые страницы. — Он с радостью даст хоть завтра свои показания. Вы говорите, что не боитесь смерти, а страшитесь позора... — я верю вам... — Боу пролистал несколько страниц, демонстративно слюнявя толстый палец. — Вот, смотрите, мистер Прадо. Это

показание главного механика Гаривасской электростанции... вы же работали там директором, когда вернулись с дипломом инженера из Штатов, не так ли? Помните Хаиме Сярсабала? Вам хотелось дать рабочим премию к Рождеству, но денег не было, и вы пошли на то, чтобы вместе с Сярсабалем остановить два агрегата, дав ложные показания, что случилась авария и необходимо поставить рабочих на ночную смену, дабы не оставить город без света... А внеурочная ночная смена оплачивается в два раза выше... и за это рабочим полагается премия... ну, и вам — в том числе... вы от нее не отказались... я понимаю, мистер Прадо, вами двигали благие порывы, вы не могли отказаться, иначе подвели бы других, беззаконие порождает жульничество, но ведь это не довод в судебном заседании, это эмоции, а их не исследует трибунал, да и суд присяжных вряд ли копался бы в этом дерьме... незаконные деньги — и все тут! Или вот...— и он снова пролистал страницы. — Смотрите,.. когда три месяца назад вы отправились в Милан для переговоров с Грацио, правительство выделило вам средства... по статьям... на теле-

фонные переговоры, отель, транспортные средства, на представительские, надо же было устраивать коктейли и приемы... Ваш секретарь Габриель Пратт дал вам расчет: на коктейли не хватает... и вы своей рукой, без согласования с правительством, попросил одного из помощников Грацио, мистера де Бланко, взять на себя оплату отеля, но оставить счета вам, и на эти деньги устроить прием... Я понимаю, что вы не положили себе в карман эти паршивые три тысячи долларов, я-то понимаю, что вы пошли на такой шаг во имя дела, во имя того, чтобы прошел энергопроект Санчеса, но трибунал... Мистер Бланко показал, — ткнул Боу в страницу,— что он выписал чек за проживание вашей делегации в отеле... а это копии вашего отчета, в котором вы подписали подлинность трат за отель из средств, отпущенных кабинетом... Ну, разве это не позор? Читать дальше?

— Дайте пистолет, — сказал Прадо. — Я сам сделаю то, что надлежит сделать в такой вонючей мерзкой ситуации...

— Вы не сделаете этого, — убежденно сказал Джеймс Боу. — Во-первых, если вы произнесли слово «ситуация», значит, в вас по-прежнему живет логик, а не премьер Санчес... Во-вторых, когда ваш друг по колледжу Ромуло Батекур пуб-

				лично ударил вас по лицу за то, что вы отбили у него Магдалену, вы ведь не ответили ему...
560	»	Ср. Общ.	С-5	Боу отошел к стене, где висела картина и нажал пальцем на раму. **Смотрите,** — сказал Боу, кивнув на маленький глазок в холсте. — **Там ваши знакомые, смотрите же...** Он поманил Прадо. И Прадо посмотрел.
561	»	Общ.	П-10	В холле, почти таком же, как этот, где он только что перестал быть прежним Прадо, сидел помощник Санчеса по связям с прессой капитан Гуттиерос, министр продовольствия Эухенио и министр финансов Хуан Мануэль, они о чем-то быстро говорили, и хотя лица их были бледны, они улыбались порою, жестикулировали, как живые люди. Ни в одном из них не было видно слома, следов пыток, борьбы... Прадо не смог сдержать слез, силы покинули его и он тяжело рухнул на пол.
562	Ресторан на Рю Муфтар. Нат. Режим Франция	Общ. Ср.	С-75	В критском ресторанчике Папаса на Рю Муфтар было пусто. Мари, Вернье и Гала устроились поближе к очагу, в самой глубине зала. **— Если позволишь, Мари, я закажу то, что тебе наверняка очень понравится,** — сказала Гала. — **Ты разрешаешь?**

— Конечно, — Мари улыбнулась. — Спасибо.

— Пожалуйста. Папас, сделайте ваш особый критский салат с мидиями, — попросила Гала.— Только сначала принесите какой-нибудь плед. Тебе холодно, Мари, да?

— Нет, нет, не беспокойтесь, мне тепло.

— Она попросит сама, если ей станет холодно, — раздраженно сказал Вернье.

— Но тогда будет поздно! Ее просквозит, она такая бледненькая!

Вернье улыбнулся дочери, кивнув на Гала:

—Я ее учу не навязывать добро... Ничего нельзя навязывать, а особенно добро, это не прощается... Говорят, вместо уговоров, на юге Франции и в Италии бьют по щекам, на этом держатся семьи.

— Сейчас я подвинусь, чтобы тебе было удобнее ударить, — сказала Гала. —Только сначала закажу самую вкусную еду для Мари.

—Я принесу плед, — сказал Папас.—Я чувствую, как дует. Октябрь обещали теплый, а тут, словно на дворе декабрь.

— Что ты хочешь заказать? — спросил Вернье. — Мари не любит рыбу.

— Но здесь особая рыба. Мари, может быть, ты попробуешь маленький кусочек?

Мари покачала головой:

— Нет, спасибо... никто так вкусно не готовит рыбу, как моя мама, но я и у нее отказываюсь... не знаю, почему...

— Хорошо, тогда пусть Папас приготовит мясо в виноградных листьях. Да, Вернье?

— Действительно, вкусно, Мари, — сказал Вернье.

— А помнишь, как ты впервые угостила Ганса кукурузой? — Лицо Мари на какое-то мгновение смягчилось.

— Конечно, помню... Ганси тогда был толстый, побежал к старой турчанке, которая продавала горячую вареную кукурузу, и шлепнулся, потому что не заметил ступеньку, сорвал кожу на коленях и зашелся плачем.

— От обиды, — сказала Мари. — Нацелился на кукурузу, про которую ты ему так много рассказывал, и вместо лакомства — содранные колени... Знаешь, как обидно, когда видишь радость, вот она, только протяни руки, а переторопишься, шлеп — и колени в кровь!

— А помнишь, мы с тобой ужасно рассорились, когда ты не хотела, чтобы я купил тебе туфельки фасона «колледж», — вздохнул он. — Тебе очень хотелось носить большой каблук, а мне это не нравилось, мне казалось, что ты маленькая...

— Ты нас очень баловал..., — сказала Мари.

Гала закурила:

— **Но ведь это замечательно, если папа имеет возможность баловать детей... нас тоже баловали, пока была жива мама...**

Мари положила свою мягкую ладонь на руку Гала, посмотрела на отца и шепнула:

— **Папочка мой...**

Вернулся Папас, укрыл Мари легким пледом.

— **Что будем пить?** — спросил он.

— **Мари, тут прекрасное розовое вино. Папас, пожалуйста, принесите путылку.**

— **Папа рассказывал, как ты маленькая выпила розовое шампанское и стала танцевать на столе...**

— **И разбила фужер,** — сказала Мари. — **Даже сейчас помню этот звук. Вам не скучно слушать наши воспоминания, Гала?** — спросила Мари.

Та улыбнулась.

— **Я их знаю... папа часто рассказывает про вас, особенно, когда рассматривает ваши фотографии..**

Вернье достал из кармана коробочку и бросил таблетку под язык.

— **Тебе плохо?** — спросила Мари.

— **У него постоянно скачет давление,** — сказала Гала. — **Особенно, когда волнуется... Как это замечательно, что ты приехала...**

				— **Главное, что мы с тобою точно придумали, как поступить завтра, это будет красивый удар...** Вернье засмеялся.
563	»	Ср.	С-18	Папас принес вино, налил Вернье, тот попробовал, кивнул. — **Сказочно.** Только после этого обязательного ритуала Папас наполнил бокалы дамам и спросил: — **Поставить нашу критскую музыку? Или хочется тишины?** — **Поставьте, пожалуйста, вашу музыку,** — попросила Мари. — **Еще пару бутылок, я сегодня хочу от души пить,** — Вернье театрально провел рукой и засмеялся. — **И всю ночь потом глотать лекарства,** — усмехнулась Гала. — **Здесь напротив допоздна продают устрицы. Совсем забыла. Я сейчас!** **Не надо, Гала!** — попросила Мари, но та уже шла к выходу, натягивая на ходу пальто.
564	»	Ср. Общ. ППР	С-23	— **Я сейчас...** — она выбежала из ресторана. — **Не слишком ли ты много говоришь со мной одной? Про понятное нам, про нас с Гансом?** — спросила Мари. — **Гала, может быть, обидно.** — **Я все эти месяцы только про вас и говорил с ней, с кем же еще?** — **И с собой? Да?**

— С самим собой я плакал...

— Если все хорошо кончится, давай поедем все вместе в Гаривас, а?

— Приглашаешь?

— Конечно — купим тур и поедем на две недели... Он будет так счастлив... здесь уже ночь... а там... еще солнце светит... это так далеко...

— Ты любишь его, Мари? Или ты любишь свою любовь к нему?

— А разве это не одно и то же?

Верньо покачал головой.

— Нет, маленькая, это совсем не одно и то же.

365	»	Ср. Общ.	С-10	Гала вернулась с коробочкой устриц.

— Такие жирные, такая прелесть! Самые лучшие устрицы — октябрьские! Пожалуйста, Мари, угощайся, это все тебе! Боже, какого я сейчас видела страшного человека! Сидит на своем мотоцикле, смотрит на меня и говорит: — Ну что, птичка, пиф-паф!

— Накурился, идиот, — сказал Верньо.

366	Биллиардная. Клуб. Инт. НРБ	Ср. х Ср.	С-50	— Я попробую положить девятого от борта налево в угол, — сказал Санчес.

— Я думаю, ты не положишь этот шар, малыш.

— Тогда не торопись меня обыгрывать — вздохнул Санчес.

Старик собрался перед ударом, рука перестала трястить, кляц, шар лег, словно в масло.

Санчес промазал, сделал подставку, «одиннадцатый» стал на удар.

— Ну, что, малыш, конец тебе? — вздохнул Рамирес. — Такого игроки не прощают... могу пощадить, если велишь взять Пепе солистом...

— Я, наверное, уже не успею его послушать сегодня, Вьехо, — ответил Санчес. — Давай, обставляй меня, и я поеду... много дел...

— Он сейчас должен быть здесь...

— Видишь, как надо бить, — сказал Рамирес. — Учись, пока я жив. Хочешь, чтобы я включил ящик? Утром дикторы объявили, что будет выступать твой министр Лопес...

— Я могу тебе сказать, о чем он будет говорить на телевидении.

— Как говорят люди, он тебя не любит. Он действительно против тебя?

— Какие люди так говорят? В вашем клубе, что ли?

— И не только.

— Ну, а ты как думаешь?

— Сначала я положу седьмого в середину, одним касанием, очень красиво, отведу «своего» для удара по «десятому», а потом отвечу тебе.

Он положил шар, отвел «свояк» на новый удар и полез за сигарой.

— Хочешь? — спросил он Санчеса. — У меня есть еще три штуки, очень хороший табак, я полощу им рот, укрепляет десны... я думаю, малыш, что сейчас начался такой бардак, что разобраться ни в чем нельзя, но ведь если много говорят, значит, что-то есть...

— Когда что-то есть, вьехо, как правило, никто никому ничего не говорит...

— Это у янки или немцев, они другие, у них кровь течет тише, а мы южные, у нас что на сердце, то на языке... Я когда-то играл с людьми, которые воевали против Франко... они говорили, что им в окопах было все известно про то, какие дела творятся в Мадриде... еще за неделю до того, как менялось правительство, люди знали имена новых министров...

— А в Чили ничего не знали, вьехо...

— Это точно, — согласился старик. — Малыш, я тебя люблю, ты очень добрый, разве допустимо быть добрым правителем, так не бывает, может, тебе пришло время стукнуть по столу, а?

— Мы отменили беззаконие, теперь никто ничего не боится, понимаешь? И это прекрасно... счастье могут построить только такие люди, которые не знают страха.

— Будет бардак, малыш, наши люди любят строгости.

— Ты, малыш, не сердись, но люди уважают только одно — силу...

Санчес рассерженно поставил кий.

— Ну, чего ты хочешь?! Чего вы все хотите? Чтобы я ввел комендантский час?! Запретил газеты?! Хватал на улицах за шутку в мой адрес? Вам что, надо жить, согнувшись?! Только тогда вы будете спокойны — над всем есть власть?!

567 | Общ. Ср. х Ср. | С-35

В зал вошел начальник охраны Карденас:

— Мигель, там «красные береты» задержали трех музыкантов, они говорят, ты их ждешь...

— Я их жду, — ответил Санчес. — Позвони во дворец, мы через пятнадцать минут выезжаем. Ты смотрел телевизор? Как прошло выступление Лопеса?

— Выступление Лопеса перенесли на полчаса.

Санчес удивился:

— Почему?

— Полетела аппаратура, заканчивают ремонт. Сейчас я приведу музыкантов...

— Это мой внук Пепе, — пояснил Рамирес майору Карденасу. — Он задержит Мигеля на пятнадцать минут, послушай, как он поет.

Карденас вышел, старик приблизился к Санчесу, положил свою узловатую дрожащую руку на его плечо:

— Не сердись, малыш, просто я думаю, что ты еще не научился этому паршивому делу — управлять другими и вряд ли научишься, такая это паскудная работа... Выпьешь?

— Нет, не хочу. Выпью холодной минеральной воды. Или лимонного сока...

Карденас привел Пепе с гитаристами.

— Здравствуйте, гражданин премьер, — сказал Пепе.

— Добрый день, — сказали Ромеро и Бонифасио в один голос.

Санчес улыбнулся.

— Музыканты, а говорите, словно солдаты перед командиром. Давайте ребята. У меня есть десять минут, не больше...

Гитаристы неторопливо и сосредоточенно достали свои громадные, старые, а потому особенно красивые гитары из огромных, чехлов и одновременно, в долю секунды прикоснулись к струнам, звук родился густой, дрожащий.

				Это была проба. Ромеро глянул на Пепе, кивнул ему, тот начал. Бонифасио подхватил «Песню революции...»
569	Пирс у клуба. Нат. НРБ	Общ. Ср.	С-8	Белый катер стоял у пирса. Из трюма поднялся человек в белом костюме и подошел к капитану: — **Музыканты на месте. Начинаем отсчет времени.** Капитан посмотрел на часы и кивнул головой.
570	Биллиардная клуба. Инт. НРБ	Общ. Ср.	С-12	— **Гитаристы мне очень нравятся,** — сказал Санчес. — **Спой что-нибудь еще, Пепе... Только отчего ты стоишь, словно проглотил аршин? Ты же поешь, это такое счастье, если человек умеет петь... Может быть, тебе лучше ходить по комнате?** Ромеро тронул струны, звук поплыл по комнате. Бонифасио сразу же понял Ромеро и тоже тронул струны, мелодия была стремительной, волнообразной. — **Ты стоишь и это тебя связывает... Потом надо подумать о костюме... ты слишком модный, зауженный, тебе трудно двигаться.** — **Можно я спою еще одну песню?** — спросил Пепе. — **О любви у меня получается лучше.**

Старик и Санчес засмеялись:

— **Ну, пожалуйста, если про любовь тебе легче...**

Пирс у клуба. Нат. НРБ	Ср.	С-5	Капитан на палубе катера еще раз посмотрел на часы и крикнул вниз: — **Время!**		
Биллиардная клуба. Инт. НРБ	Ср.	С-20	И в это время часы у Ромеро пискнули. Бонифасио незаметно рванул струну, она лопнула, он сокрушенно покачал головой, отложил гитару, потянулся к футляру, открыл потайной карман. Через мгновение Карденас валялся на полу, изрешеченный пулями. Старик Рамирес бросился к Санчесу неожиданно для его лет быстро, словно бы перед ударом на биллиарде, он обнял Санчеса и закричал: — **Нет, нет, нет! Пепе! Пепе!** — **Оторви деда,** — закричал Бонифасио. Ромеро по-кошачьи перегнулся через угол стола, схватил старика за костлявое плечо и хотел оттащить в сторону, руки игрока напряглись и он зашелся в крике.		Пир. приспос.

— **Уйди, вьехо,** — шепнул Санчес, ощущая, как медленно, безжизненно холодели пальцы рук и ног, — **уйди...**

Ромеро ударил старика по шее, тот рухнул.

				Бонифасио подскочил вплотную к Санчесу и крест-накрест прошил его очередью из автомата. — **Скорей, парень, скорей!** — закричал Ромеро Пепе. Но тот окаменел и не смог сдвинуться с места. Бонифасио ударом ноги выбил у него гитару и рванул за плечо.		
573	Пирс у клуба. Нат. НРБ	Ср.	С-10	Ромеро, Бонифасио и Пепе бежали к пирсу. Пепе, ничего еще до конца не понявший, повторял одно и то же слово: — **Зачем? Зачем? Зачем?** — **У, собаки, гиены вонючие?!** — заорал Рамирес.		Стедикам Операторский катер
574	»	Общ. Ср. ПНР Ср.	П-12	Катер на полном ходу уходил в море. Беглецы побежали по берегу к зарослям кустарника. У первых же кустов их встретил шквальный огонь из короткоствольных автоматов, зажатых в потных ладонях «красных беретов».		Пиротехнич. приспособл.
575	Ул. Парижа Нат. Режим Франция	Ср. Общ.	С-13	Папас проводил гостей до порога и закрыл дверь. Гала шла чуть впереди. Верные вел Мари под руку. — **Помнишь, как я накормил вас с Гансом бульоном из мидий на Капри.** Послышался нарастающий шум мотоцикла.		Стедикам. Каскадеры-дублеры исполнителей ролей. Трюковая съемка мотоциклиста

			— **Я все помню, папочка,** — ответила Мари,— **и поэтому мне ужасно хочется...** — она не успела закончить...
»	Ср. с движ.	II-25	Тенью пронеслась на мотоцикле фигура в черном. Грохнули выстрелы. Гала упала. Вернье отлетел к стене и сполз вниз. Мари закричала и бросилась бежать. Мотоциклист развернулся и помчался за ней. Мари бежала через двор. За спиной слышался грохот мотоциклиста. Мари спряталась за грузовик. Мотоциклист промчался мимо. Мари побежала в другую сторону. Убийца поднял машину «на дыбы» и устремился за ней. Мари бежала, силы покидали ее, она споткнулась, упала на колени. Шум мотоцикла приближался. Мари поднялась и стала ждать. Бежать было некуда. Свет фары выхватил фигуру женщины. Она тяжело дышала. Террорист остановил машину перед ней, опустил на землю ноги, вытянул вперед руку с пистолетом и выстрелил. Мари упала.
Кв. с балконом. Нат. Инт. НРБ	Кр. Ср. ПНР	II-5	Зазвонил телефон. Йоган снял трубку — Ганс открыл дверь на балкон и стал раскладывать на столе гранаты.

578	»	Общ. сверху	С-15	Два мотоциклиста и машина министра обороны майора Лопеса приближалась к дому, где затаились Ганс и Йоган. Как только машина поравнялась с ними, они выскочили на балкон и забросали ее гранатами. От взрывов машина перевернулась и взорвалась. Очередями из автоматов Ганс и Йоган расстреливали охрану. — **Все, бежим!** — крикнул Ганс.	Каскадеры–исполнители трюков. Пиротехнич приспособл
579	Кв. снайпера. Совм. с комб. Инт. НРБ	Кр.	Н-5	Не успели они добежать до двери, как человек из дома напротив двумя короткими нажатиями на спусковой крючок своей снайперской винтовки свалил Ганса и Йогана.	
580	Ул. столицы Гариваса. Нат. НРБ	Общ. Ср.	Н-10	В небе закружили вертолеты.	
581	Казармы. Нат. НРБ	Общ. Ср.	Н-10	Армейские солдаты окружили казармы и под прикрытием бронетранспортеров начали их штурмовать.	
582	Холл и коридор гостиницы. Инт. НРБ	Общ. Ср.	Н-10	Проживающих в гостинице выгоняли из номеров и собирали в холле.	
583	Номер Бреннера. Инт. НРБ	Ср. Общ.	С-15	Два солдата и маленький человек в штатском вошли в номер к Бреннеру. Солдаты бросились открывать шкафы, выдвигать ящики. — **Тут скрываются наши противники,** — сказал человек в штатском. — **Ваши документы, и**	

					покажите рукописи, — он сгреб со стола бумаги, быстро просмотрел их и поинтересовался: — **где это вы наслушались таких небылиц о заговоре? Намерены публиковать?** — **А вы кто, чтобы задавать мне вопросы?** — спросил Бреннер, ощущая какое-то веселое безразличие ко всему происходящему. Человек ничего не ответил, сунул рукописи в портфель и вышел.		
[illegible]	Казармы. Инт. НРБ	Общ. Ср. Кр.	Н-15	У казарм шел бой. Легкие танки били прямой наводкой. Пулеметный огонь из казарм заставил залечь «красных беретов». Та и другая сторона забрасывала друг друга гранатами.		
[illegible]	Ул. столицы Гариваса. Нат. НРБ	Общ. Ср.	Н-13	Бронетранспортеры перегородили улицы. Солдаты прижимали людей к стенкам и обыскивали.		
386	Кв. Гиго. Инт. СССР	Ср. х Ср.	С-30	Мишель Бреннер раздевалась и завороженно слушала Гиго. — **Мы живем в эпоху тирании** рассудка, — сказал он и начал стягивать с себя свитер. — **Это есть проявление старчества нашей культуры. Мы живем в пору конца этой цивилизации, грядет новая. Ты не можешь не ощущать, как повсюду появляется скрытая борьба против научности, ее первым апологетом был великий скептик Ницше. Каждая культура существует**		

тем, что верует в своё бессмертие. История не знает той даты, когда началась гибель Эллады, но ведь Эллада погибла.

Мишель нравилось смотреть, как Гиго лениво, с какой-то снисходительностью, бросает на спинку стула рубашку, брюки...

Он продолжал:

— Принцип сохранения энергии, который был абсолютным в дни моей школьной молодости, отринут, поскольку мы ныне утверждаем, что энергия — есть бесконечное в бесконечном пространстве. Ньютон утверждал необходимость постоянной массы. Ныне и этот постулат отринут. Мы знаем движение нашей планеты относительно солнца, но нам неведомо абсолютное движение солнечной системы в пространстве. Время движения света утеряло свойство абсолютной величины. Рано или поздно будет упразднено постоянство физических величин, в определение которых входит время.

Мишель подошла к Гиго и поцеловала его в шею.

— Я хочу подарить тебе лаванду.

— Что, вонючий?

— Обожаю тебя, — прошептала Мишель.— Обожаю, всякого обожаю, обними меня, обними меня крепко...

				Мишель пошарила ногой, нашла на полу выключатель торшера и большим пальцем ноги нажала на него. Огромными руками Гиго взял Мишель под мышки и легко поднял ее. И закружил, широко переступая ногами. Лицо Мишель вдруг исказилось, она издала дикий вопль, в углу комнаты, на экране маленького телевизора убивали Бреннера.	Тракт на ТВ для записи на видео убийство Бреннера.
	Ул. столицы Гариваса. Нат. НРБ	Ср. Общ. Ср.	Н-10	Солдат ухватил его за шею и тащил из телефонной будки. Бреннер двумя руками цеплялся за трубку. Подскочил второй солдат, ткнул автомат Бреннеру в живот и дал очередь. Телеоператора, который ручной камерой снимал все это, били прикладом по голове. Обезумевшие люди метались по улицам.	Стедикам. Каскадеры — дублеры исполнителей ролей.
	Дворец президента Инт. Нат. НРБ	Ср. ППР	Н-15	Веласко, управляющий банком развития, сидел мертвым в кресле. Кабинет был разорен.	
	»	Ср. ППР	Н-12	На полу в коридоре труп капитана Родригеса.	
	Ул. столицы Гариваса. Нат. НРБ	Ср.	Н-5	Министр общественной безопасности лежал мертвым у машины.	

591	»	ПНР Ср.	II-5	На ступеньках дворца лежал убитый начальник генерального штаба — полковник Диас.
592	Лестница и квартира Фрэнка По. Инт. СССР	Ср. ПНР	С-30	Фрэнк По вернулся к себе на рю Лемуан поздно. Его крепко шатало. Поднимаясь по кругой деревянной лестнице, он мурлыкал песню. В его маленькой квартире было холодно, по грязным стеклам слезливо катились струйки дождя; за стеной кричала Исабель. Фрэнк снял плащ, включил электрическую печь, потом взял со стола автоматический пульт управления телевизором, включил программу, открыл холодильник, взял бутылку белого вина, выпил из горлышка, оторвал кусок батона, намазал его чесночным маслом и допил бутылку. Он решил открыть еще одну бутылку, но в это время диктор произнес первую фразу: **— Час назад при выходе из критского ресторана на рю Муфтар были убиты журналисты Мари Кровс и ее отец — профессор Вернье, а также мадам Гала Оф.** На экране возникла фотография — залитое кровью лицо Мари. Вернье, сидящий возле стены, голова снесена почти наполовину, а чуть в стороне — женщина в синем плаще, видимо, мадам Гала. **— Преступник был на мотоцикле. Полиция оцепила ближайшие кварталы города. Редкие прохожие...**

Фрэнк По опустился на стул, ощутив, как сердце остановилось у горла:

— **Это же ты, Фрэнк По, организовал эту передачу,** — сказал он и почувствовал, как щеки его стали огненными, словно бы кто ударил его наотмашь, — **это сделал ты! Но ведь ее убили мафиози?** — голос его шел откуда-то издалека, будто сквозь войлок, слова едва различимы... **Молчи, тварь, какие мафиози?! Причем здесь мафиози?! Это ты сказал, кого надо убрать на рю Муфтар, и ты отдавал себе отчет в том, что ты делал, поэтому ты напился и пришел сюда, и решил готовить себе яичницу, чтобы зажрать ею еще одну бутылку. Но ведь я только передал то, что мне всучили... Погоди, это истерика, погоди... выпей. Открой бутылку и выпей. Все равно ты уже не сможешь опьянеть.**

Голос диктора: — **Завтра в Париже ожидается облачная погода...**

— **Что? Причем здесь погода на завтра? О чем они говорят, эти сучьи дикторы?!** — он швырнул сковородкой в телевизор и замолотил кулаком в стену.

— **Хватит вам! Хватит, я говорю!**

593	»		Ср.	С-5	За стеной настала тишина; он услышал шлепающие шаги босых ног, потом отворилась дверь на лестницу и мужчина хрипло спросил:	
594	»		Ср.	С-5	— **Вам плохо?** — **Мне хорошо, слышишь!** — крикнул Фрэнк По. — **Мне очень хорошо! Иди отсюда! Пошел вон к своей .....пошел вон, не то я убью тебя!**	
595	»		Ср.	С-5	Фрэнк пошел в ванную, сунул голову под кран и заплакал.	
596	»		Ср.	Н-10	Он вернулся в комнату и начал бросать в чемодан свои вещи из маленького старого шкафа, потом отпихнул чемодан ногой, надел мокрый дождевик и вышел из квартиры, дверь захлопнул, запирать не стал, ключ от квартиры бросил в пролет, спустившись вниз, начал зажигать спички, чтобы найти его, нашел, зажал в кулаке, вышел из подъезда и только там зашвырнул ключ.	
597	Ночной бар Инт. СССР		Ср. ПНР х Ср.	С-20	Фрэнк ввалился в бар. Хозяин подсчитывал выручку. — **Эй, брат мой,** — сказал Фрэнк По, — **скажи мне, что такое мразь? Ты ответь мне, что такое мразь? Или побоишься?**	

— **Чего же мне бояться, парень? Мразь — это друг, который спит с твоей бабой, или шлюха...**

— **Налей мне стакан виски,** — сказал Фрэнк По. — **До краев.**

Тот плеснул ему на дно. Фрэнк повторил:

— **До краев.**

— **Ты и так под банкой.**

— **Я что сказал? Я намерен объяснить тебе, что такое мразь...**

Он выпил виски до капли. Пил гяжело, ощущая тошноту, испытывая желание облевать эту дубовую стойку.

— **Мразь — это я, Фрэнк По, понял меня? Только запомни то, что я тебе сказал: Фрэнк По — грязная, самовлюбленная потаскуха, большой идеолог и актер, добрый парень, борец за свободу человечества, вот что такое настоящая мразь...**

Он достал из кармана стофранковую бумажку, потом вытащил вторую, положил на стойку и вышел на пустынную, покрытую пузырчатыми лужами мостовую.

28	Ул. Парижа Нат. Ночь. Дождь. Франция	Общ. Ср. с движ.	С-15	— **Я позвоню этому старому засранцу «сэру Все»... я дам ему факты... я расскажу про себя... Это говорю я, Фрэнк По, мразь! Пусть они напечатают меня, они ж все такие смелые в баре прессы, они так затихают в кабинете редактора.**	

				Так уж аккуратны, но я все равно скажу им, и про то, как я сидел в машине, и про грека в сером с гвоздиками, это неважно, что никто не напечатает, важно сказать, иначе надо повеситься прямо сейчас, здесь же, на ремне, он ведь у меня из такой хорошей кожи... ох. И мразь же ты, Фрэнк По, ты ведь все знал, ты знал все.		
599	»	Общ. ПНР Ср.	II-10	Был канун Рождества. Сплошной бесконечной стеной светились рекламы. Деревья были украшены сотнями разноцветных лампочек. На улице и в магазинах людно. Потоки света, музыки, детского смеха.		
600	Ул. и вход в бар. Нат. СССР	Ср.	II-10	Степанов остановился у широкого окна и заглянул в бар: над стойкой, на большом экране телевизора выступал новый премьер-министр Гариваса Энрике Прадо. Степанов, не отрывая глаз от экрана, открыл дверь, вошел и услышал слова:		Тракт на ТВ для записи на видео
601	Экран ТВ. Совм. с КМБ. СССР	Ср.	II-17	**— Кровавое злодеяние, совершенное левыми экстремистами, не останется безнаказанным... Те, кто поднял руку на героя национальной революции полковника Санчеса, понесут заслуженную кару... Один из них — майор Лопес уже поплатился за измену... Я призываю народ к спокойствию... в случае эксцессов будет введено**		

				военное положение со всеми вытекающими последствиями... Завоевания нашего движения мы намерены защищать железной рукой без малейших колебаний... я обращаюсь к офицерам и солдатам центральных казарм с приказом прекратить сопротивление... В случае, отказа мы будем вынуждены перейти к действиям, за последствия которых будут отвечать те, кто поддерживает бунт и анархию...		
2	Ул. Парижа Нат. Франция	Общ. Ср.	СТ-10	Степанов брел вдоль улицы. — Люди смеются, как ни в чем не бывало, — подумал он. — Торопятся к любимым, думают о том, как провести рождество, а седой парень по имени Мигель Санчес лежит сейчас под национальным флагом в гробу, и его оплакивают те, которые его убили, и все вокруг это знают, но молчат... вынуждены молчать»...		
3	Дача Степанова. Пав. СССР	Ср. ПНР Кр.	С-25	Степанов стоял у окна, падал густой снег. — Я лишний раз ощутил свою малость и ужас людской разобщенности... словно бы и не случилось горе в несчастном Гаривасе, горе, приближения которого мы ждали и ничего не могли сделать, чтобы его остановить. Я сделал все, что мог, и Мари тоже, и Стоянов, и Вернье... Если не хватает сил подняться, то и желание по-		

хвально... Нет, я облегчаю себе жизнь, мы все норовим сделать так, чтобы было легче смотреть на свое изображение в зеркале, мы все адвокаты самих себя, прекрасные адвокаты.

На плечо Степанова опустилась рука Шанева.

— Кончились твои мучения, Дмитрий, — улыбнулся Шанев. — Храм, просто храм! — он подвел Степанова к печи. — Вот и дождался праздника. Давай, сгоняю в магазин...

— Воскресенье сегодня.

— А запасы?

— Запасов нет.

— Будем дымить. Ей-богу, будем дымить.

Дрова вперемешку с бумагой были уложены в печке.

Зажигай! — Шанев протянул Степанову коробку со спичками.

Степанов зажег спичку. Пламя разгоралось слабо. Дым потянуло в комнату. Степанов посмотрел на Шанева.

— Не ешь меня глазами! Поначалу так должно быть. Кладка сырая, конструкция сложная. Потерпи... терпел ведь больше.

Шанев открыл дверь в коридор, печь продолжала дымить. Раздался звонок телефона. Степанов схватил трубку и присел на корточки у стола. Дым ел глаза.

				— Да, заказывал, — крикнул Степанов. — Квартира Стоянова? С кем я говорю?	
604	Квартира Стоянова. Инт. НРБ	Ср.	С-5	— С женой Стоянова. Меня зовут Искра.	
605	Дача Степанова. Инт. СССР	Ср.	С-3	— Вас беспокоит писатель Дмитрий Степанов. Мне нужно поговорить с Георгием.	
606	Квартира Стоянова. Инт. НРБ	Ср.	С-19	— Он не может говорить с вами. Он болен. — Мне сказали, что он выздоровел. — Это не так. Из другой комнаты выехал на инвалидной коляске Стоянов. Посредине комнаты он резко развернулся и, подталкивая руками колеса, умчался назад.	
	Дача Степанова. Инт. СССР	Ср.	С-6	Дым заполнил всю комнату. Слезились глаза. — Ложись, Дмитрий, на пол, ложись! — крикнул Шанев и лег сам. — Понимаете, — кричал в трубку Степанов. — Я продолжаю то дело, которое начал Стоянов. Я пишу книгу, мне нужно обязательно с ним встретиться. Степанов закашлялся.	
	Квартира Стоянова. Инт. НРБ	Ср. Общ.	С-17	— Слушайте, Дмитрий... — Искра всхлипнула. Из другой комнаты опять выехал на коляске Стоянов. Он подъехал к жене и улыбнулся ей.	

				Искра погладила его по голове, и он умчался в другую комнату.
609	Дача Степанова. Пав. СССР Инт. СССР	Ср.	С-5	— **Алло! Алло!** — кричал в трубку Степанов, продолжая кашлять. — **Алло!** — **Бежим!** — закричал Шанев и первым бросился на улицу.
610	Дача Степанова и ул. поселка. Нат. Зима. СССР	Общ.	С-5	Черный дым валил из дверей. Собака с визгом выскочила на улицу. Степанов и Шанев сидели на снегу и размазывали по грязному лицу слезы. Они услышали смех и обернулись.
611	»	Общ.	С-2	У ворот стояла Нина и громко смеялась.
612	»	Ср.	С-8	— **Гляди, дура!** — сказал Шанев и отвернулся. — **Потянуло!** — Шанев вскочил на ноги. — **Потянуло!** — Он толкнул Степанова в плечо. — **Фирма веников не вяжет.** Дым действительно на какое-то мгновение остановился и начал втягиваться в дом. Тут же из трубы появилась его тонкая струйка. Степанов пошел в дом. Шанев стал приплясывать.
613	»	Ср.	С-5	— **Э, дурак, чистый дурак! Поглядите на этого дурня!** — приговаривала Нинка.
614	»	Ср.	С-7	— **Дурак, дурак, а тянет. Тянет и все тут!**

			Ты сорока-белобока, **Научи меня летать,** **Не высоко, не далеко,** **Прямо к милому в кровать.** — пропел Шанев, продолжая пританцовывать.
5	»	Ср.	С-17	Из дома вышел Степанов и протянул Шаневу финские болотные сапоги: — **Бери, Шанев, это тебе.** — **Ну, делают, ну, делают, ну, прямо досада берет,** — Шанев рассматривал сапоги. — **Почему, Дмитрий, мы так не умеем, а они умеют... прокладка... ватин... а здесь как подложили... но я тебе, Дмитрий, честно скажу, — я их носить не буду. Я дачникам продам. И что это ты, Дмитрий, всем говорил, что я бесчестный человек, а теперь награждаешь? Подарил бы сразу, я б тебе другую дверцу принес.** — Нет, я тебе не за печку. — Ну да? Может, ты с меня персонаж пишешь?! — Тогда давай побеседуем... Если я отрицательный — то тогда фамилию меняй. — С тебя, Геннадий, протокол писать надо, а не персонаж. Просто дарю. На дороге ты мне вовремя встретился. А больше тебе знать не обязательно. Как говорится: дают—бери, бьют—беги. — Тогда я взял и побежал, так, Дмитрий? — Ну, вроде.

616	»		Ср.	С-8	**— Эй, недоразведенная жена моя, возьми честно свою половину,** — Шанев пошел Нинке навстречу и протянул сапог. Вдруг он остановился и вернулся к Степанову. **— Я тебе вот что скажу: огромные внимательные птицы с елки на тебя глядят — это, Дмитрий, тетерев. Угадал я?**
617	»		Ср. Общ.	С-7	Шанев засмеялся, и побежал к Нинке. Он провел пальцем по шву вдоль всего пальто Ники и подмигнул Степанову. Как ни старалась Нинка, а шов двух половинок на спине был виден.
618	»		Ср.	Н-5	Степанов смотрел вверх. Дым ровным столбом уходил вверх, и где-то высоко терялся в зимнем небе.
619	Дачный поселок. НДП. КМБ СССР		Общ. сверху с вертолета	Н-45	Над поселком, лесом, зимними полями и рекой были покой и тишина. Титры.
620	НДП. КМБ			Н-2	КОНЕЦ ФИЛЬМА

Сдано в набор 22.09.86. Подписано к печати 8.10.86.
Формат бум. 64×84¹/₁₆. Бумага типографская. Гарнит. литерат.
Печать высокая. Печ. л. 14,75. Тираж 230 экз. Зак. 5098.
Бесплатно.

Межвузовская типография (1) СППО-2
Управления издательств, полиграфии
и книжной торговли Ленгорисполкома
193036, Ленинград, Московский вокзал, I платформа

Бесплатно